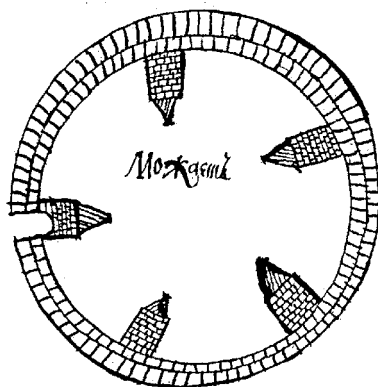

И.И. Кондратьев

ИСТОРИЯ МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ

ТАУС
Москва • 2010

УДК [94+902/904](470.311-21Можайск)
ББК 63.3(2Рос-4Мос-21Можайск)+63.48(2Рос-4Мос-21Можайск)
К64

Кондратьев И.И.

История Можайского Кремля. — М.: ТАУС, 2010. — 232 с., с 56
илл. — ISBN 978-5-903011-80-3

Предлагаемая читателю книга позволяет взглянуть на историю Можайской крепости глазами археолога. Такой взгляд правомерен уже потому, что прогулка по бровке Никольской горы не открывает взору ни стен, ни башен, ни даже живописных руин. Тем не менее, крепость не исчезла бесследно. Существенная ее часть сохранилась в виде разновременных валов, содержащих нижние части разновременных стен, а главные крепостные ворота во всей их полноте оказались сокрыты внутри Ново-Никольского собора. Кремлевский холм или Никольская гора представляет собой городище, взятое на государственную охрану как памятник археологии «Городище Можайское».

Последующее повествование излагает историю Никольской горы на протяжении почти 9000 лет от времени ее возникновения в начале 7 тысячелетия до новой эры и до начала XIX века – времени окончательной утраты каменной крепости, построенной на холме в первой четверти XVII века. Подчиняясь логике исходного информационного материала, освещение ранних этапов истории (каменного, бронзового, раннего железного века и древнерусского периода) дается схематично и на широком историко-культурном фоне. Начиная с 14 века, повествование ограничивается собственно Никольской горой и ближайшими к ней окрестностями.

ISBN 978-5-903011-80-3

© Кондратьев И.И., 2010
© ООО «Таус», 2010

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Глава 1.
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ХОЛМА МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ.
ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД 9

Глава 2.
ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ, СОБИРАТЕЛИ
И РЫБОЛОВЫ. ЭПОХА КАМНЯ 16

Глава 3.
СОЗДАТЕЛИ ПОЛЯН И ЛУГОВ.
ЭПОХА БРОНЗЫ 23

Глава 4.
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СЛАВЯН.
ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА 27

Глава 5.
ПРЕДПОСЫЛКИ РОЖДЕНИЯ ГОРОДА.
ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ 32

Глава 6.
«...МОЖАЕСК НА РЕЧКЕ НА МОЖАЕ...»
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
НАЗВАНИЯ ГОРОДА 42

<i>Глава 7.</i>	
МОЖАЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД	46
<i>Глава 8.</i>	
КОГДА ВОЗНИК ГОРОД МОЖАЙСК?	51
<i>Глава 9.</i>	
КНЯЖЕСКОЕ «МЕСТО» МОЖАЙСК В НАЧАЛЕ XII В.	60
<i>Глава 10.</i>	
«МОЖАЙСКИЙ» УДЕЛ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА В XII–XIII В.	63
<i>Глава 11.</i>	
«БОЛЬШАЯ ОБЛАВА». НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ 1237–1238 ГГ.	73
<i>Глава 12.</i>	
«...СИИ ИЗОБИДЕША ЕГО, И ДАША ЕМУ ГРАД МОЖАЕСК ЕДИН...». ОТ ПОГОСТА К ГОРОДУ.....	77
<i>Глава 13.</i>	
ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКВЫ. МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В XIV В.	85
<i>Глава 14.</i>	
РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ УДЕЛЬНОГО КНЯЖЕСТВА. МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В XV В.	94
<i>Глава 15.</i>	
«СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД РУССКИХ». МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В XVI В.	101

<i>Глава 16.</i>	
«СТАРОЕ ДЕЛО». МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.	120
<i>Глава 17.</i>	
«КОРОЛЕВИЧЕВ ПРИХОД». МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В ОСАДЕ 1618 Г.	124
<i>Глава 18.</i>	
«ПО КИТАЙСКОМУ ГОРОДОВОМУ КАМЕННОМУ ДЕЛУ». МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В 20-Е ГГ. XVII В.	131
<i>Глава 19.</i>	
ПОСЛЕДНЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ. МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В СЕРЕДИНЕ XVII В. .	142
<i>Глава 20.</i>	
«ПОЧЕСТЬ КРЕПОСТЬ ВЕСЬМА ИЗЛИШНЕЮ». ИСТОРИЯ УТРАТЫ	148
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В ПАМЯТЬ О МОЖАЙСКОЙ КРЕПОСТИ	
160	
<i>Приложение 1.</i>	
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ КАК ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.	163
Методические предпосылки и основные приемы построения интерполяционных карт исследованности культурного слоя	
163	
Исходный рельеф холма Можайского кремля.	
166	
Культурный слой территории Можайского кремля	
166	

<i>Приложение 2.</i>	
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗУЧЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ	170
<i>Приложение 3.</i>	
СМОЛЕНСКИЕ КНЯЗЬЯ И ПРАВИТЕЛИ С КОНЦА IX ПО НАЧАЛО XV В.	192
<i>Приложение 4.</i>	
АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОРОТНОЙ БАШНИ МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ	194
<i>Приложение 5.</i>	
ПЕРЕЧЕНЬ УСТАНОВЛЕННЫХ ВОЕВОД МОЖАЙСКОЙ КРЕПОСТИ	217
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	220
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	227
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Можайский кремль — это крепость, от стен которой сегодня, казалось бы, не осталось и следа. Тем не менее, жители Можайска знают с детства, что ее надо искать в городском парке на Никольской горе, или, как ее попросту называют, — «на Николке». Гости узнают об этом достопримечательном месте с первых минут знакомства с городом, ведь Николка — место обретения и традиционного пребывания чудотворного образа — деревянной резной иконы Николы Можайского.

В свете народной традиции «Николка» — это исторический корень города Можайска, вырастающий в античную древность, достигая времен царя Дария. Силою этой традиции, Николка и окрестности населяется геродотовым племенем гелонов, доживающим до времен древнерусского летописания под именем голяди.

Пытливые умы изыскивают многочисленные подробности, связанные с историческим ядром города — Можайским кремлем. Сама Никольская гора предстает рукотворной, на склоне горы чудесным образом оказывается озеро, а из-под крепостного вала в Лужецкий монастырь ведет подземный ход.

Предлагаемая книга позволит читателю взглянуть на историю Можайской крепости глазами археолога. Это правомерно, прежде всего, потому, что прогулка по бровке Никольской горы не открывает взору ни стен, ни башен, ни даже живописных руин. Вместе с тем существенная часть крепости дошла до нас в виде оборонительных валов, сохранивших нижние части разновременных стен, а главные крепостные ворота полностью оказались сокрыты внутри Ново-Никольского собора. Кремлевский холм, или Никольская гора, представляет собой городище, взятое на государственную охрану как памятник археологии под названием «Городище Можайское»¹.

¹ «Городище Можайское», категория охраны — федеральная, регистрационный номер Ф-176 (1327). Как объект археологического насле-

На страницах книги последовательно раскрывается история Никольской горы на протяжении почти 9 тыс. лет, то есть от момента ее возникновения в начале 7-го тысячелетия до новой эры и до начала XIX в. — времени окончательной утраты каменной крепости, построенной на холме в первой четверти XVII в. Подчиняясь логике исходного материала, освещение ранних этапов истории (каменного, бронзового, раннего железного веков и древнерусского периода) дается схематично, но при этом на широком историко-культурном фоне. Начиная с XIV в., повествование ограничивается собственно Никольской горой и ближайшими к ней окрестностями.

дия «Городище Можайское» упомянуто в Указе Президента РФ № 176 от 12 февраля 1995 г.

Предметом охраны являются и сам холм, и присутствующий на нем культурный слой, то есть напластования грунта, сложившиеся на месте обитания человека. В культурном слое содержатся остатки материальной деятельности живших здесь людей. Это нижние части капитальных и временных построек; утерянные, спрятанные или выброшенные предметы быта и культа; следы производственной деятельности. Наконец, сам культурный слой в неповторимости своей структуры, в последовательности и особенностях напластований содержит детальную «запись» истории своего складывания, а, значит, беспристрастно отражает и историю сформировавшего его времени.

Если точно зафиксировать все раскрываемые в процессе земляных работ напластования, тщательно собрать и сгруппировать все содержащиеся в каждом слое находки, точно обмерить все обнаруженные сооружения, то появляется возможность «запустить» процесс, называемый философами переходом количества в качество. Опираясь на закономерности развития материальной культуры, а также применения технологии на основе естественных и точных наук, удастся перевести множество разрозненных и незначимых полевых археологических наблюдений за слоями и предметами в новое качество строго доказанных фактов. Совокупность этих фактов, представляющих собой приращение знания, является целью и сутью науки, называемой археологией.

Глава 1.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ХОЛМА МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ. ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

За точку отсчета начала процесса формирования холма Можайского кремля принимается отступление ледника, когда происходило образование исходного ландшафта, легшего, в свою очередь, в основу ландшафта современного (рис. 1).

Литогенная и геоморфологическая основа исходных ландшафтов формировалась на разных этапах четвертичного периода и своим происхождением во многом обязана оледенениям и межледниковьям. Современная наука насчитывает четыре оледенения так или иначе повлиявших на структуру исходных и современных ландшафтов: Окское (500–400 тыс. лет назад), Днепровское (250–200 тыс. лет назад), Московское (170–125 тыс. лет назад), Валдайское (70–11 тыс. лет назад).

Окское и Днепровское оледенения перекрывали полностью всю рассматриваемую территорию. Наступление и отступление этих ледников сформировали водно-ледниковую и моренную равнину, в которую врезаются современные речные долины. В этот период была заложена литогенная и геоморфологическая основа долины Москвы-реки.

Московское оледенение доходило на юге, по разным данным, либо до Подольска, либо до Оки. В ходе таяния ледника сформировалась третья надпойменная терраса Москвы-реки, а также долина реки Можайки.

Пульсация ледника эпохи Московского оледенения сформировала сложную литологическую, геоморфологическую и гидрогеологическую систему, определившую во многом дальнейшую геологическую историю реки Можайки и элементов ее долины. Стратиграфической основой этой структуры служит основная морена Московского оледенения.

Основная морена Московского оледенения отложилась не позднее 170–150 тысяч лет назад в процессе активного воздействия движущегося ледника на субстрат, находящийся под льдом. В результате образовалась сложная обломочная порода,

включающая в себя элементы от валунов до суглинков и глин, уплотненная и неслоистая. По оценкам геологов, кровля (поверхность) этой морены в границах города Можайска залегает на отметках 172.00–173.00¹.

В 2004 г. на территории Можайского кремля, на северном берегу Чистого озера, пробурили разведочно-эксплуатационную скважину для пополнения в водоеме запасов воды. Известно, что вплоть до отметки 144.30 кровля основной морены Московского оледенения достигнута не была. В скважине продолжали разрабатываться флювиогляциальные отложения, относящиеся ко времени первого этапа отступления Московского ледника². Следовательно, в районе современного русла Можайки кровля основной морены Московского оледенения резко опускается. Наиболее реальное объяснение этому факту — наличие под долиной этой реки палеодолины.

Первоначальная долина реки Можайки образовалась в процессе водной эрозии массива основной морены Московского оледенения около 150 тысяч лет назад в период временного отступления ледника. Оценочно, длина этой палеодолины сравнима с протяженностью Можайки в наши дни, а дно долины залегает более чем на 25–30 метров ниже нынешнего уровня воды в реке. По мере пульсации Московского ледника речную долину заполнили суглинки, супеси и галька, принесенные тальми водами. Исходные поверхности основной морены были перекрыты слоем флювиогляционных отложений мощностью до 20 метров.

125 тысяч лет тому назад Московский ледник сделал свой последний рывок на юг. Краевая морена, образовавшаяся перед фронтом остановившегося ледникового языка, залегает на флювиогляционных мелких песках первого этапа отступления Московского ледника. Морена представляет собой 5-метровый пласт суглинка с гравием, галькой и валунами. Сверху она перекрыта 12-метровым пластом песков разной фракции, переслоенных супесями, сползавшими с тающего ледника. Вся эта

¹ См.: Оценка инженерно-геологических условий территории Никольской горы (Можайского кремля) с целью разработки комплекса охранных мероприятий. Выполнено по договору № 32 с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. М., 2002. С. 57, 88.

² См.: Отчет об инженерно-геологических изысканиях для проекта реконструкции пруда у Никольского собора в г. Можайске Московской области. ООО «Гидропроект-Руза». Руза, 2004. С. 6, 48.

система напластований образовала валообразное возвышение, хорошо заметное в рельефе и сейчас. Вал шириной 300–700 метров и высотой до 15 метров пересекает город наискось с северо-запада на юго-восток по линии, проходящей через холм Можайского кремля (рис. 2).

На этом завершилось формирование толщи ледниковых осадочных пород. В дальнейшем происходила ее природная эрозионная трансформация с формированием современного ландшафта. Особую роль в этом процессе сыграло последнее оледенение, названное Валдайским. Его подразделяют на два этапа. На первом этапе — Тверском — ледник доходил до северных районов Московской области. При отступлении ледника сформировалась вторая надпойменная терраса Москвы-реки. На втором этапе — Осташковском — ледник не достиг северных пределов Московской области. Талые ледниковые воды сформировали первую надпойменную террасу (рис. 3).

В период Валдайского оледенения активно развивались москворецкие притоки, в частности река Можайка, новая долина которой унаследовала старую. Первоначально новая долина Можайки была значительно короче палеодолины. Верховья этой реки располагались в районе нынешнего кремля. Питание Можайки и двух ее правых притоков — Филимоновского и Псаренного ручьев осуществлялось за счет осадков, а также из многочисленных ключей северного склона концевой морены. К югу от этой морены, на плоской поверхности со времени Московского оледенения существовала увлажненная, заболоченная равнина, возможно, обширный неглубокий водоем, подобный озерам на реке Мжуг. При этом упомянутая концевая морена, проходящая наискосок через нынешний город, служила водоразделом между бассейнами рек Москвы и Протвы, а также своеобразной плотиной для мелководного водоема, расположенного к югу и медленно разгружавшегося через реку Мжуг в Протву и сквозь водоносные горизонты морены в реку Москву.

К северо-западу от кремля абсолютные отметки гребня вала достигают 215.00, на юго-востоке от кремля — доходят до 230.00. Нынешний холм Можайского кремля с верхними фоновыми отметками подошвы культурного слоя 190.00–200.00 выглядит на фоне этого ледникового вала седловиной (рис. 1). При этом современная долина реки Можайки простирается от вала далеко на юг. В месте пересечения вала речная долина вбирает в себя разветвленную сеть оврагов и ручьев. Нынешнее состояние

ледникового вала в сочетании с особенностями морфологии долины реки Можайки и кремлевского холма позволяют предполагать стремительную (по геологическим меркам) трансформацию первоначального ландшафта, связанную с размытием моренного водораздела и разгрузкой южной обводненной территории через долину Можайки в Москву-реку (рис. 4).

Ярко выраженная в современном ландшафте седловина в рельефе ледникового вала, на месте пересечения его долиной реки Можайки, может объясняться обширным многостадийным оползнем правого борта долины, что подтверждается и формой излучины самой реки Можайки, огибающей кремль с запада (рис. 1).

По мнению геологов, оползень моложе надпойменных террас, образовавшихся в период Валдайского оледенения (70–11 тыс. лет назад)¹. Предполагается, что активизация оползневых процессов связана с глубоким эрозионным врезом, обусловленным послехвалынским раннеголоценовым опусканием уровня Каспия, произошедшим 9–8 тыс. лет назад в период мезолита². Уровень Мангышлакской регрессии достиг в эту эпоху минус 50 м³. Резкое понижение базиса эрозии вызвало переуглубление всей водной системы бассейна Каспия. В конечном итоге эрозионный врез проявился и в верховьях Москвы-реки, затронув и ее притоки, в частности реку Можайку, которая, «пропилив» моренный вал-водораздел, перехватила часть верхового бассейна реки Протвы. В результате этого перепад высот между полученным рекой Можайкой новым бассейном верхового питания (200.00) и базисом эрозии (существенно ниже 159.00) составил более 40 м при расстоянии от моренного вала до реки 1,5 км. При этом основная часть уклона русла Можайки (более 30 м) пришлась на короткий отрезок в месте прорезки рекой моренного вала (порядка 300 м). В этом месте образовался овраг с уклоном тальвега в 10%, в который стала активно поступать вода из водоема или обводненной заболоченной области, находившейся к югу от моренного вала и служившей ра-

¹ Оценка инженерно-геологических условий... С. 56.

² Свиточ А. А., Селиванов А. О., Янина Т. А. Палеогеографические события плейстоцена Понто-Каспия и Средиземноморья (материалы по реконструкции и корреляции). М., 1998.

³ Федоров П. В. Понто-Каспий как возможный стратотип плейстоцена Европы // Стратиграфия. Геологическая корреляция. М., 1996. Т. 4. № 6. С. 99–104.

нее областью питания реки Мжуг, входящей в систему Протвы. В бортах расширяющегося оврага были вскрыты водонасыщенные мелкофракционные пески, как подстилающие концевую морену Московского оледенения, так и заполняющие палеодолину реки Можайки. Интенсивный вынос мелкозема из-под концевой морены вызвал соскальзывание блоков слагающих ее пород, что и привело к образованию оползневого холма.

Прогулки по территории Можайского кремля и даже взгляд на холм с высоты птичьего полета оставляют ощущение удивительной цельности увиденного (рис. 5). Площадка крепости, покатая к северу, имеет некоторое возвышение на западной окраине. Однако треугольный в плане крепостной холм, крепко схваченный линией оборонительных валов, кажется изначально единым, а все его неровности, западины и расселины воспринимаются как следы многовековой истории места (рис. 6).

Тем не менее, это первое ощущение обманчиво. Современная поверхность Никольской горы сформирована отложениями культурного слоя, достигающего в ряде мест 10 с лишним метров толщины (рис. 7). Иначе говоря, утверждение, что холм Можайского кремля рукотворен, во многом правильно. Мысленно убрав с Никольского холма чехол культурных напластований, мы получим так называемый палеорельеф территории. Прodelать эту работу и получить образ палеорельефа кремлевского холма важно для того, чтобы понять, как минимум, две вещи: каков был природный механизм образования холма, и каковы были условия первоначального освоения этой горы людьми. В дальнейшем мы постоянно будем обращаться к рельефу кремлевского холма и, рассматривая динамику его изменений, проследим механизмы его развития от исходного состояния до того, что предстает нашему взгляду сегодня.

Археология показывает, что в исходном рельефе (без учета мощности культурного слоя) холм Можайского кремля распадается на два холма, уровни поверхностей которых различаются на 6 м (абсолютные отметки 202.00 и 196.00) (рис. 8). Холмы отделены оврагами друг от друга и от борта коренного берега, расположенного к юго-востоку. Абсолютная отметка поверхности материка коренного берега — 208.00. Размеры холмов разные. Северо-западный холм (более низкий) имеет покату на восток овальную площадку размером 50 × 100 м. Общие размеры другого, юго-восточного, холма составляют 100 × 160 м. Пологий се-

веро-западный склон этого холма сильно изрезан балками, одна из которых к западу от основного массива второго холма отделяет небольшую мысовую площадку овальной формы размером 40 × 50 м.

Литология позволяет выявить детали строения кремлевского холма. Сходная стратиграфия осадочных пород, вскрытая на разных участках территории кремля, сочетается с разными отметками одних и тех же структурных элементов этой стратиграфии. Так поверхность краевой морены Московского оледенения на территории города залегает на отметках 196.00–197.00¹, в районе Ново-Никольского собора она залегает на отметке 187.00², а у Чистого озера эта же поверхность располагается на отметке 182.50³. Таким образом, литология кремлевского холма позволяет выявить две структурных ступеньки 10 и 5 метров с понижением к руслу Можайки. Эти ступеньки могут соответствовать двум стадиям оползня, сформировавшего холм Можайского кремля.

В терминах геоморфологии современная поверхность Можайского кремля и его окрестностей может быть описана следующим образом. Площадка кремля расположена на возвышенности в *излучине* реки Можайки при впадении в нее ручья Петровский (рис. 9). Возвышенность имеет две выраженные *террасы* с отметками 204.00 и 196.00 относительно Балтики и находится со стороны правого *борта* долины реки. *Бровка* правого *борта* долины расположена на отметке 209.0. *Урез воды* в реке Можайке напротив кремля находится на отметке 174.00. Таким образом, современная *дневная поверхность* понижается с юго-востока на северо-запад от *коренного берега* к руслу Можайки тремя уступами с перепадом 5, 8 и 12 м соответственно. К *тыловым швам* уступов *приурочены* овраги, раскрытые устьями в сторону русла реки Можайки. *Излучина* реки, омывающей холм Можайского кремля с северо-западной стороны, представляется локальным изгибом на северо-запад относительно общего направления русла. Наблюдаемая геоморфологическая ситуация могла сложиться как следствие двухстадийного оползня правого борта долины реки Можайки со сдвигом породы на северо-запад с образованием двух оползневых террас и локальным смещением русла реки под воздействием оползневых масс. Небольшие локальные возвы-

шенности, *приуроченные* к *талъвегам* оврагов, отделяющих кремлевский холм от основного массива *коренного берега*, могут рассматриваться как *оползневые отторженцы*, сформировавшиеся в период активной фазы оползня.

Итак, общая геологическая история водораздельной области рек Москва и Протва предполагает возможность скоротечного, по геологическим меркам, события, произошедшего 8–9 тыс. лет назад. Река Можайка, развиваясь в рамках своей палеодолины, «пропилила» моренный вал, отделявший ее от обширной обводненной области к югу. Перехваченная Можайкой вода устремилась по руслу реки, углубляя его и подмывая берега. Это создало условия для обширного оползня, образовавшего Никольскую гору.

Таким образом, оползневое происхождение Никольской горы может быть обосновано с позиций трех наук: археологии, литологии и геоморфологии.

¹ Оценка инженерно-геологических условий... С. 57.

² Оценка инженерно-геологических условий... Приложение 2.

³ Отчет об инженерно-геологических изысканиях... С. 10. Рис. 3.

Глава 2.

ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ,
СОБИРАТЕЛИ И РЫБОЛОВЫ.
ЭПОХА КАМНЯ¹

В той части Русской равнины, где расположен Можайский район, жизнь человека стала возможна только в верхнем палеолите (от 40–35 до 12–10 тыс. лет до наших дней), да и то в его финальной части². В это время заканчивался последний ледниковый период, происходило медленное и постепенное освоение человеком центральных районов Русской равнины, ранее занятых ледником. Климат на рассматриваемой территории был тогда более суровым, чем нынешний. Несмотря на периодические колебания своей южной границы, материковый лед прочно занимал весь север и северо-запад Восточной Европы. Волго-Окское междуречье представляло собой своеобразную холодную степь с небольшими перелесками из ели, сосны, березы, осины, ивы, мощными водотоками, не имевшими еще хорошо сформировавшихся долин. В животном мире преобладали ныне вымершие животные: мамонт, шерстистый носорог, первобытный бык, дикая лошадь, встречавшиеся наряду с тундровыми видами (мускусный овцебык, северный олень, песец), лесными (волк, заяц и другие) и степными (сайгак, байбак) и другими видами³.

¹ Следует заметить, что памятников эпохи камня и бронзы на территории Можайского кремля и даже города Можайска пока не найдено (хотя отдельные находки имеются). Тем не менее, эта и следующая подглавы включены в состав историко-археологического очерка для соблюдения полноты повествования. Их тексты, во многом основанные на известных автору публикациях, носят, в известном смысле, характер компиляции.

² Янишевский Б. Е. Можайская земля в древности и средневековье. Можайск, 2003. С. 7.

³ Асеев А. А. Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959; Величко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины М., 1961; Гричук В. П. Растительность на Русской равнине в позднем палеолите // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.

В верхнем палеолите завершилось сложение человека современного вида. Значительные сдвиги произошли в социальной организации общества: эту эпоху считают временем формирования первобытной родовой общины. Основу хозяйства древнейших жителей края составляли коллективная загонная охота на крупных животных и собирательство¹.

Однако следы освоения долины Москвы-реки палеолитическим человеком весьма редки, если не уникальны, что объясняется, прежде всего, трудностью обнаружения слоев каменного века без проведения обширных земляных работ. Палеолитические памятники Подмосковья еще очень немногочисленны. Кости мамонта, других представителей животного мира этого времени, весьма редкие каменные орудия находят обычно в обнажениях глубоких оврагов, перерезающих коренные берега крупных рек на глубине до 4–5 м.

Первым найденным свидетельством проникновения верхнепалеолитического человека на территорию московского края считается обнаруженная в 1936 г. при строительстве канала им. Москвы черепная крышка древнего человека. Она была найдена на глубине 4 м от современной поверхности, в толще отложений надпойменной террасы реки Сходня².

Стоянка палеолитического времени найдена в Московской области пока только одна — она расположена на берегу реки Осетр (правый приток Оки) на месте нынешнего Зарайского кремля. Здесь отложения древнего каменного века оказались перекрытыми средневековым культурным слоем толщиной от 1,9 до 2,5 м и нарушены строительными работами. Тем не менее, при раскопках найдены многочисленные каменные орудия, в том числе скребки, резцы, скребла, массивные пластины, подработанные крупной оббивкой, кости животных, которые водились на этой территории только в конце верхнего палеолита. Выявлены остатки наземного круглого жилища диаметром 6 м с очагом и сводами из костей мамонта. Кровля, по-видимому, была сделана из шкур или коры. Найдена также часть погребения³.

¹ Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

² Бадеф О. Н. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М.; Л., 1947. № 7. С. 88–168.

³ Археологическая карта России. Московская область. М., 1997. Ч. 4. (Зарайский район).

Возможно, люди, основавшие эту стоянку, пришли из районов Верхнего Дона, где были распространены похожие приемы обработки кремневых орудий. Расположенные ниже по Оке стоянки в Рязанской области отмечают путь, по которому люди в верхнем палеолите продвигались на север¹.

Верхнепалеолитическое местонахождение открыто в Москве в центральной части города в устье Яузы, на участке второй надпойменной террасы, на Красном холме в 1997 г.²

Некоторые исследователи относят орудия, найденные на берегах древней котловины Тростенского озера (Рузский район), к концу палеолита — началу мезолита (следующего этапа каменного века). Это наиболее территориально близкая к Можайскому району группа памятников того времени³.

Следующая за палеолитом эпоха по археологической периодизации — мезолит (средний каменный век) относится к последниковому времени. Радиоуглеродная датировка европейского мезолита 10–7 тыс. лет назад. Климат в центральной части Русской равнины стал в то время более теплым, чем в верхнем палеолите, однако оставался холоднее современного. При сохранении участков холодных степей, ведущую роль в растительности стали занимать леса таежного типа, преимущественно смешанные⁴. С изменением климата и растительности менялся и животный мир. Еще в конце палеолита вымерли мамонты, шерстистые носороги. Это обстоятельство привело к изменению форм охоты, которая оставалась основой хозяйства мезолитического человека. Коллективная охота на крупных животных, характерная для верхнего палеолита, постепенно уступила место индивидуальной. Охота велась главным образом при помощи лука и стрел, важнейшего изобретения мезолитического человека. Заметную роль в хозяйстве стало играть рыболовство. Новые способы охо-

¹ *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района и проблемы развития культур в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. М.; Л., 1957. № 59.

² *Векслер А. Г.* Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством жилого дома по адресу: Гончарная ул., д. 5 в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1.

³ Археологическая карта России. Московская область. М., 1995. Ч. 2. (Рузский район).

⁴ *Нейштадт М. И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

ты привели к уменьшению численности человеческих коллективов, увеличению их подвижности. В мезолитическое время продолжала существовать и развиваться родовая община.

Основные находки на мезолитических стоянках — каменные изделия, изготовленные, как правило, из валунного кремня, принесенного ледником. Это нуклеусы, наконечники стрел, скребки, острия, скобели, скребла, вкладыши для составных орудий, грубо оббитые орудия в виде топоров и тесел. Реже встречаются изделия из кости. На мезолитических памятниках выявлены остатки жилых построек округлой или овальной в плане формы с углубленным в землю полом и следами кострищ на нем. Каменные орудия некоторых памятников Подмосковья, во многом похожи на орудия севера Центральной и Западной Европы, а другие — Днепра и его левого притока Десны¹.

Значительные скопления мезолитических стоянок зафиксированы в подмосковной Мещере, на реке Дубна (Талдомский и Сергиево-Посадский районы), по берегам озер Тростенское (Рузский район, место наиболее близкое к Можайску), Круглое, Долгое (Дмитровский район), отдельные памятники выявлены на Оке и Москве-реке (Одинцовский район)². Местонахождение эпохи мезолита-неолита (10–6 тыс. лет назад) обнаружено при археологических работах в Москве на участке второй надпойменной террасы в сквере у Большого театра в 1997 г.³

Следующий за мезолитом период каменного века — неолит (новый каменный век). Этот период по времени совпадает со значительным потеплением по всей Европе. Вся территория нынешней Московской области была тогда покрыта широколиственными лесами.

Хозяйство неолитического населения региона было основано на охоте и рыболовстве, причем последнее имело ведущее значение. Орудия и способы охоты и рыболовства значительно совершенствовались, стали более разнообразными. Наряду с луком и стрелами неолитические охотники применяли копья и дротики, различного рода ловушки, широко использовали собаку. Стали изготавливать лодки, рыболовные сети.

¹ *Янишевский Б. Е.* Можайская земля... С. 11.

² *Краснов Ю. А.* Следы мезолита в долине Москвы реки // СА. № 1. 1962.

³ *Векслер А. Г.* Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных с реконструкцией сквера у Большого театра в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1.

Неолитические памятники в Московской области представлены главным образом стоянками, которые располагаются на мысах и краях террас речных долин и озерных котловин, на возвышениях в поймах, дюнах, в основном, несколько ниже по склону, чем мезолитические памятники. Многие обширные озера неолитического времени сейчас целиком или частично превратились в торфяники, на краях которых можно обнаружить памятники этого времени. Нередко культурные напластования неолита перекрывают мезолитические. Неолитические стоянки иногда имеют мощный (до 1–1,5 м) культурный слой, содержат разновременные отложения. Известны отдельные погребения, обычно на территории стоянок, которые можно относить к неолиту.

Большое количество памятников неолита найдено в Рузском районе в верховьях реки Озерны и Тростенском озере, на торфяниках востока области (Ногинский, Павлово-Посадский, Шатурский районы), в верховьях реки Дубны.

На территории Можайского района отмечен целый ряд мест, где были найдены кремневые изделия неолитического облика и керамика: у села Глазово, у деревни Холдеево, у поселка Марфин брод (Гидроузел), у деревни Красный стан, между деревнями Тетерино и Тихоново¹ на Москве-реке; в 2 км южнее деревни Новинки на реке Исконе (левый приток реки Москва), на границе Можайского и Наро-Фоминского районов у деревни Мергалово на реке Протве. На этой же реке находится раннесредневековое городище Гальчино, при раскопках которого также найдены каменные орудия. Имеются сведения о находках каменных орудий в имении Поречье на реке Иночь (левый приток Москвы-реки). Однако ни в одном из этих мест (кроме городища Гальчино) раскопки не велись, а проводился лишь сбор керамики и кремневых орудий, вымытых рекой из культурного слоя стоянок. Сведения взяты из описей 1930–1960-х гг. коллекций Можайского районного краеведческого музея. Сами же коллекции утрачены. Места находок не нанесены на карты, и точное местоположение стоянок неизвестно. Исключение составляет упомянутая выше стоянка Тихоново, представленная находками льяловской культуры². Тем не менее, даже из приведенного списка случайных находок видно, что в неолитическую эпоху была заселена практически вся территория вдоль можайского течения Москвы-реки и даже ее притоков.

¹ Археологическая карта России. Московская область. М., 1995. Ч. 2. Можайский район. № 1029 (26). С. 92.

² Там же.

К середине 3-го — середине 2-го тысячелетия до н. э. относятся памятники волосовской культуры. Некоторые исследователи датируют ее более широко — с конца 4-го до второй половины 2-го тысячелетия до н. э.¹ По времени бытования волосовская культура относится к эпохе энеолита, то есть меднокаменного века. Однако по набору орудий труда (кремневая и костяная индустрия) она принадлежит всецело предшествующей эпохе неолита. А по типу хозяйствования (охота, собирательство и рыболовство) эта культура еще архаичнее и имеет много черт, роднящих ее с эпохой мезолита.

Волосовские племена достигли совершенства в технике обработки местного кремня. Помимо тонких изящных орудий и оружия из него изготавливались предметы мелкой пластики — изображения различных животных. Приемы рыболовства, основанные на перенаправлении рыбных потоков сезонного и иного характера, гарантировали, на фоне исключительного изобилия рыбных ресурсов, высокий и постоянный улов. Охота в этом случае носила вспомогательный характер. Собирательство предоставляло достаточный объем растительной пищи. Лес давал также необходимые строительные материалы, растительные волокна и другие продукты. Для ведения охоты, занятия собирательством и рыболовством кремневые, костяные и деревянные орудия, сделанные из доступных местных материалов, полностью удовлетворяли потребности волосовских племен. Добытые продукты хранили с помощью копчения и вяления, а также устраивая специальные продуктовые закладки в емких, овальной формы глиняных сосудах, вкопанных в землю. Суровость девственного леса, с одной стороны, исключительное богатство природы, с другой, создали условия, при которых невозможность ведения производящего хозяйства (даже скотоводства, не говоря о земледелии) сочеталась с отсутствием необходимости заводить такое хозяйство.

Следы поселения этого времени открыты в 2005 г. при археологических разведках к юго-востоку от деревни Глазово на левом берегу Можайского водохранилища².

¹ Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы Европейской части СССР. М., 1987.

² Янишевский Б. Е. Отчет об обследовании участка для фермерского хозяйства «Роща» вблизи с. Глазово Горетовского с/о Можайского района Московской области на предмет наличия памятника археологии. Можайск, 2005. (Заказчик обследования ООО «Инвестстрой-Д»).

Таким образом, следует констатировать, что на территории Можайского кремля и в ближайшей к нему округе памятников каменного века и энеолита пока не обнаружено. Отчасти это связано с малой изученностью территории и с тем, что город значительно трансформировал ранние археологические остатки и перекрыл их городским техногенным слоем.

Глава 3.

СОЗДАТЕЛИ ПОЛЯН И ЛУГОВ. ЭПОХА БРОНЗЫ

Смена вида хозяйственной деятельности в рамках москворецких ландшафтов происходит во 2-м тысячелетии до н.э. с приходом сюда племен фатьяновской культуры. Этот период совпал с очередным потеплением климата и с новым распространением широколиственных лесов. Климат стал суше, уровень воды в реках упал, что дало возможность осваивать пойменные природные комплексы.

Фатьяновцы пришли с запада и принесли с собой медные орудия труда, дававшие некоторую свободу выбора в формах и методах ведения хозяйства. Ведущей отраслью хозяйства фатьяновцев было специфическое лесное скотоводство, оттеснявшее на второй план охоту, собирательство и рыболовство.

Подвижные, владеющие навыками ведения войны, умеющие защищать свои стада, фатьяновцы представляли собой грозную силу. Недаром символом этой культуры является каменный полированный боевой топор, зачастую сделанный по форме медного, а фатьяновская культура входит в группу родственных культур, названных «культурами боевых топоров».

Как уже упоминалось, поздний этап волосовской культуры датируется исследователями второй половиной 2-го тысячелетия до н. э. Отсюда следует, что племена волосовской культуры должны были прямо взаимодействовать с пришельцами. Тем не менее, проникновение фатьяновских скотоводов на территории волосовских охотников не носило характера тотальной войны, ведущей к смене одного населения другим. И причина состоит, вероятно, в том, что пришельцы не претендовали на все природные богатства, составлявшие основу архаического благополучия охотников. Фатьяновцы потеснили их лишь в части территорий, требовавшихся им для выпаса своих стад — на участках пологих, умеренно влажной верхней поймы и в припойменных областях.

Обилие растительной пищи в пойменных и припойменных широколиственных лесах способствовало развитию выпаса сви-

ней, лошадей, мелкого и крупного рогатого скота. Длительные выпасы разнообразного стада приводили к полному уничтожению древесной и кустарниковой растительности и формированию пространств пойменных и приречных лугов, а также больших полей в лесах на бровках долин.

Вынужденная подвижность фатьяновцев в поисках новых пастбищ вовлекала в хозяйственный оборот все новые и новые территории приречного леса, закладывая природную основу для последующей эпохи земледелия¹.

Однако фатьяновских пастухов нельзя назвать кочевниками. Кочевое скотоводство и особый кочевой образ жизни стали возможными лишь в эпоху железного века, когда прогресс орудий труда, оружия и социальных институтов привел к самой возможности раздельного существования оседлых и кочевых племен. Однако даже и в эти времена кочевые народы опирались на покоренные или союзные им оседлые народы. Сосуществование волосовских охотников и фатьяновских пастухов заключало в себе, надо полагать, элементы взаимной выгоды. Потребность в местах для зимовий и загонов для сезонного содержания скота, необходимость заготовки и сохранения кормов для такого содержания, заставляли пастухов идти на контакт с лесными жителями, перенимать их навыки, использовать их территории. Продукты животноводства, умение делать и применять оружие, наличие мастеров литейщиков и кузнецов, обладание новыми орудиями и материалами — все это делало привлекательными межплеменные контакты и для волосовцев.

Временные поселения носителей фатьяновской культуры в долине Москвы-реки археологам не известны. Лишь на некоторых волосовских поселениях имеются следы присутствия фатьяновцев. Зато хорошо изучены фатьяновские грунтовые могильники с характерными круглодонными сосудами и сверленными ладьевидными боевыми топорами. Эти топоры и являются наиболее приметными находками эпохи.

Находки нескольких топоров в одном месте точно указывают на разрушающийся могильник. Все фатьяновские могильники грунтовые. Могилы довольно глубокие, в настоящее время не имеют никаких внешних признаков. Поэтому они открываются, как правило, случайно, при различного рода земляных

¹ Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск, 1997. С. 45.

работах. Умерших помещали на дно могил, иногда — в особых внутримогильных сооружениях из дерева, в скорченном положении, с различной ориентировкой головы. При погребениях встречаются глиняные сосуды, оружие, орудия труда, украшения, кости диких и, что особенно важно, домашних животных¹.

В Можайском районе известно всего два памятника эпохи бронзы. Это могильник фатьяновской культуры, обнаруженный и исследованный при устройстве карьера у деревни Ханево на реке Исконе, и поселение с находками лепной керамики, обломков каменных орудий и кремневыми отщепами, открытое у деревни Новинки, также на берегу Исконы².

Между тем в Можайском районе довольно много находок каменных топоров, часто отмечающих, как уже было сказано, места фатьяновских могильников. Один топор найден в селе Борисове³, две находки сделаны в усадьбе Поречье еще прежним ее владельцем археологом графом А. С. Уваровым⁴. По одному топору обнаружено у села Горетово, у деревень Глазово, Красновидово, в карьере у Старого села, а также на городище раннего железного века Бородино у деревни Горки; два топора найдены в Можайске, на Власьевой горе и при рытье ям у здания ОВД⁵.

Среди находок других предметов этой эпохи отметим мышь из лосиного рога, обнаруженную в Можайске на берегу реки Можайки и предъявленную археологам летом 2005 г.

В позднезубореальную климатическую фазу (3200–2500 лет назад) произошло очередное похолодание климата и вытеснение широколиственных лесов еловыми. Увеличение влажности привело к заболачиванию приозерных низменностей и поймы. Человеку пришлось переходить на новые, более благоприятные для жизни места, осваивать холмы и возвышенности⁶. Часть фатьяновцев переместилась на другие территории, а часть — смешалась с более многочисленным местным населением. На территории фатьяновской культуры распространяются

¹ Археологическая карта России. Московская область. М., 1995. Ч. 2. С. 25.

² Там же. Можайский район. № 1038 (33). С. 96; № 1018 (36). С. 90.

³ Вместе с топором был передан кремневый наконечник стрелы по форме напоминающий лист ивы. Со слов передавших артефакты, топор и наконечник были найдены в одном месте.

⁴ Уваров А. С. Археология России: Каменный период. М., 1881. Т. 2.

⁵ Янишевский Б. Е. Можайская земля... С. 19.

⁶ Ландшафты Московской области... С. 45.

другие, менее яркие культуры бронзового века, следы которых прослеживаются вплоть до начала 1-го тысячелетия до н. э., то есть, до начала новой эпохи — раннего железного века¹.

Таким образом, в бронзовом веке оказались освоенными не только прибрежные части рек и озер, но и высокие бровки долин, отдельные холмы и мысы. Высокий многочастный останцовый холм, на котором ныне расположен Можайский кремль, в эпоху бронзы был еще более заметной ландшафтной доминантой. Поэтому весьма велика вероятность обнаружения здесь артефактов этого времени.

Глава 4.
**ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
СЛАВЯН. ЭПОХА РАННЕГО
ЖЕЛЕЗА**

Около 2500 лет назад на фоне продолжающегося похолодания климата, вытеснения широколиственных лесов еловыми и заболачивания пойм произошла смена материальных культур бронзового века дьяковской культурой раннего железного века.

Переход к эпохе раннего железа так же, как и к эпохе бронзы в Московском регионе не означал немедленного отказа от прежних материалов, применяемых для изготовления орудий труда, оружия и утвари. Провести эту условную временную границу позволяет археологический анализ, отмечающий появление племен, резко отличающихся от прежде населявших этот регион людей по занятиям, образу жизни, вещам, всему, что входит в понятие «археологическая культура».

К примеру, при раскопках памятников раннего железного века находок из бронзы и железа совсем немного. Эти вещи берегли и просто так не выбрасывали. Иногда находят клады, состоящие целиком из железных предметов или бронзовых украшений. Однако есть археологический признак, показывающий, что камень постепенно утрачивает ведущее положение среди материалов, из которых делаются прогрессивные орудия труда. Это деградация кремневой индустрии. Другим археологическим признаком наступления новой эры считается появление неизвестных ранее в этих местах укрепленных поселений, или городищ. Городища имеют валы и рвы или как-то иначе выделены в ландшафте, расположены на холмах или речных и озерных мысах, высоко над водой, и их легко заметить.

Культурный слой поселений раннего железного века позволяет установить, что с освоением технологии обработки железа резко расширились производственные возможности людей. Возродились элементы охотничьего хозяйства, направленного в первую очередь на промысел бобра для меновой пушной торговли.

¹ Янинский Б. Е. Можайская земля... С. 20.

У дьяковцев сложилось более продуктивное, чем прежде, хозяйство, основанное на мотыжном земледелии, а также лесном и придомном скотоводстве. На участках поймы развивалось двупольное земледелие в форме краткосрочных перелогов. На поверхностях и склонах террас получила распространение вырубка лесов для подсечно-огневого земледелия. Для функционирования посевного участка лес вырубали на площади, в 4 раза превышающей площадь поля. Это давало относительно устойчивый урожай в течение двух-трех лет. При таком типе земледелия принималось во внимание не столько естественное плодородие почв (зола служила хорошим удобрением), сколько физические свойства культивируемого грунта. В первую очередь осваивали прибрежные покатые участки, расположенные на склонах южного сектора и обладающие легкими супесчаными почвами. Эти территории раньше освобождались от снежного покрова, быстрее прогревались и не требовали больших затрат на обработку. Так формировался фонд старопашотных земель, использовавшийся позднее славянами. Большую роль в структуре дьяковского хозяйства играло пастбищное скотоводство, в особенности лесное пастбищное коневодство. Поэтому пастбищные луга, унаследованные с эпохи бронзы, не только не исчезали, а наоборот расширялись. Эти луговины интенсивно использовали и в последующую эпоху¹.

Резкие изменения происходят в среде дьяковских племен около II в. до н. э. В это время меняется форма и орнаментация керамических сосудов (в частности, исчезают отпечатки ткани на поверхности посуды). На городищах, до этого укрепленных только рвом и небольшим валом, перестраиваются укрепления, возводят два, а то и три вала, увеличивают количество рвов. При этом количество металлических изделий также резко возрастает. Появляются железные наконечники копий и стрел, топоры-кельты, небольшие серпы, косы-горбуши, удила, ножи разных форм, долота, кресала и т. д. Происходят изменения и в домостроительстве. Некоторые ученые связывают такие перемены с приходом на территорию дьяковской культуры племен с запада. Возможно, что перестройка укреплений связана именно с беспокойной в это время обстановкой. Во II–IV вв. н. э. в культурном слое хорошо исследованных городищ появляется большое количество медных украшений, как изготовленных

на месте, так и дорогих привозных, в том числе с эмалевыми вставками. Найдены и фрагменты дорогой тонкостенной чернолощенной посуды, изготовленной по технологии восточноримских провинций.

Если для фатьяновской культуры характерны полированные топоры, то для дьяковской наиболее характерными находками являются «грузики дьякова типа», появившиеся в последние века до новой эры. Грузики — это небольшие керамические предметы своеобразной формы, по образному выражению А.В.Арциховского, «похожие спереди контуром на многослойный цветок, сбоку — на грибок». У всех грузиков по оси прорезан сквозной канал, диаметром около 0,5 см. На раскопанных большой площадью городищах грузики (целые и фрагменты) найдены в количествах, превышающих сотни штук. Назначение грузиков дьякова типа до сих пор вызывает споры специалистов. Наиболее реальной представляется точка зрения, что эти грузики есть элемент ткацкого или прядильного производства. Порой встречаются грузики с характерными потертостями — явными следами нитей в канале.

С середины I-го тысячелетия н. э. часть городищ запустела или их население стало сокращаться. Вероятнее всего, жители городищ перешли на мелкие неукрепленные поселения — селища в поймах рек и их притоков, то есть на территории, до сих пор еще очень слабо исследованные. Представляется, что именно на таких селищах жили коренные жители до прихода волны славянского населения X в. То, что дьяковское и славянское население какое-то время сосуществовали на всей территории Волго-Окского междуречья, очевидно, поскольку нынешние названия большинства рек этого региона имеют неславянские корни¹.

¹ Существует и противоположная точка зрения, сторонником которой является, например, Н. А. Кренке. Однако в последнее время этот исследователь отказался от представлений о полном исчезновении коренного населения и запустении территории в VIII–IX столетиях. В настоящий момент позиция Н. А. Кренке смягчилась до тезиса о «резком снижении заселенности региона в VIII–IX вв.». Новейшее сжатое изложение и обоснование этой позиции см.: Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 60–62. Однако, строго говоря, современный уровень археологической исследованности территорий позволяет лишь констатировать, что на традиционных местах, маркированных материалами ранне- и позднедьяковского времени, не обнаружены артефакты или иные признаки, свидетельствующие о продолжении прежнего характера обживания этих пунктов в VIII–IX вв.

¹ Ландшафты Московской области... С. 46–47.

В целом, по данным Н. А. Кренке, в бассейне Москвы-реки по состоянию на 2002 г. было выявлено 239 памятников железного века, в том числе 82 городища и 154 селища. Долина среднего течения Москвы-реки от устья Рузы до устья Пахры была заселена в железном веке наиболее густо. Здесь расположено 28 городищ и около 70 селищ. На этом участке реки длиной 170 км среднее расстояние между городищами около 6 км¹. В Можайском районе во время археологических работ 1920-х, 1950-х, 1990-х и 2009–2010-х гг. выявлен 21 памятник раннего железного века, среди них 7 городищ,² остальные селища³. Пять городищ расположены на Москве-реке и ее притоках, два — на Протве. Раскопки проводились на всех москворецких городищах района и на одном из протвинских (у села Борисово). Раскопки на городище Троица, которые велись в течение трех лет, стали эталонными для этого типа памятников⁴. На основании материалов, полученных при раскопках городищ (могильники этого времени в Подмоскovie практически неизвестны) удалось установить периодизацию дьяковской культуры, занятия населения, связи его другими регионами⁵.

Археологические раскопки на территории Можайского кремля (рис. 10) в 2005 г. выявили здесь слои и находки, относящиеся к дьяковской культуре. На нижней площадке, на северо-западной оконечности холма, в раскопе 4/2005⁶ к западу от памятника павшим в Великой Отечественной войне обнаружена яма с находками раннего железного века и неславянской лепной керамикой, выходящей за верхнюю хронологическую границу, принятую для культур раннего железного века⁷. На се-

¹ Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 51.

² Москворецкие городища: у д. Троица (Троицкое), у д. Рахманово (не сохранилось), у д. Горки (Бородинское), у д. Тетерино (не сохранилось), у д. Долгинино (не сохранилось); протвинские городища: у д. Алексеевка, у села Борисово.

³ Археологическая карта России. Московская область. М., 1995. Ч. 2. Можайский район. С. 79–96. Слои дьяковской культуры были выявлены и изучены в селе Бородино в 2010–2011 годах.

⁴ Там же. № 1031 (14). С. 92–94.

⁵ Янишевский Б. Е. Можайская земля... С. 22.

⁶ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 4/2005.

⁷ Предварительное заключение сделано к.и.н. сотрудником ИА РАН Н. А. Кренке.

верном склоне верхней площадки в раскопе 1/2005¹ и выше по склону найдены глиняный дьяковский грузик и пряслице. Это позволяет предполагать, что и на верхней площадке в районе Петропавловского и Ново-Никольского соборов также может быть открыто поселение раннего железного века. Характер этих поселений невозможно пока определить в точности. Но по геоморфологическим особенностям местоположения эти поселения могут быть городищами².

¹ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 1/2005.

² Археологические разведки, производившиеся в апреле 2006 г. напротив Можайского кремля в урочище Брыкина гора, дали ряд интересных находок финно-угорского облика IX–X вв., что позволяет искать в этом месте могильник и поселение, относящиеся к дославянскому населению этих мест, а лепную керамику из раскопа 4/2005 предположительно связать именно с этим населением.

Глава 5.
ПРЕДПОСЫЛКИ
РОЖДЕНИЯ ГОРОДА.
ОТ ДРЕВНОСТИ
К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Заселение славянами берегов Москвы-реки, как это подтверждается археологическими данными, проходило в три этапа. На первом этапе, относящемся к VI–VII вв., москворецкий бассейн оказался юго-западной частью обширного региона в междуречье Клязьмы, Волги и Москвы-реки, где формировалось ядро населения будущей Ростово-Суздальской земли — летописная мера¹.

Как убедительно показал В. В. Седов, это название поволжско-финского племени было присвоено обширной группе ассимилированного финно-уграми населения, значительную часть которого составляли пришедшие сюда славяне, носители браслетообразных височных колец с сомкнутыми или заходящими друг за друга концами. Оторвавшиеся от основного массива славянских племен переселенцы, прибывшие в эти места в VI–VII вв., почти полностью растворились среди местных балтских и финно-угорских племен, оставив после себя, казалось бы, лишь упомянутые браслетообразные височные кольца, да некоторые архаические диалектизмы русского языка, которые могли сформироваться не позднее VI–VII вв. Однако последствия этого раннего проникновения славян в страну угро-финских и балтских лесов со временем оказались куда более заметными.

Славяне принесли с собой сельскохозяйственные орудия более прогрессивные, чем те, что были у местного населения. Кроме серпов и кос стали применяться железные наконечники для сохи — сошники. Это позволило обрабатывать более сложные для распашки почвы, которые ранее не возделывались. Кроме того, славяне обладали невиданным здесь прежде опытом использования социально-культурных, торговых, военных и организационных форм. В итоге воздействие на местные племена оказалось настолько сильным, что разрушило их прежнюю

систему архаического хозяйствования и расселения. К примеру, в междуречье Волги и Клязьмы замирает жизнь на большинстве городищ. На смену им приходят неукрепленные поселения. Подобные процессы, несомненно, происходили и в долине Москвы-реки с VI по X в.

Вторая волна славянского переселения относится к X в.¹ Вновь прибывших было, как и прежде, немного, однако достоверно славянская керамика X–XI вв. найдена в ряде пунктов среднего течения реки Москвы (Звенигород, Москва, Боровский перевоз) и на реке Пахре. Судя по группировке памятников раннего славянского расселения, переселенцы проникли в Подмоскovie со Средней Оки (район Серпухова) по ее левым притокам и попали на Москву-реку по притокам Пахры и по самой Пахре. Могла использоваться для продвижений на север и Протва, верховья которой расположены в Можайском районе.

Третья волна славянского населения появляется в бассейне Москвы-реки в конце XI — начале XII вв. К этому времени создается единая древнерусская культура. Этот процесс хорошо виден по керамике. Гончарная посуда, начинает господствовать к XII в., а формы и орнаментация ее почти одни и те же — от Новгорода до Владимира. Но кое-что все-таки сохранилось от прежней племенной структуры. Именно в XII в., когда государственная власть в княжествах укрепились, появляется особый вид женских украшений — височные кольца. Области распространения разных типов этих украшений в основном совпадают с летописными известиями о границах расселения славянских племен в IX–X вв.

Берега Москвы-реки в ее среднем и нижнем течении, а также территория к югу от нее заселялись с исходной летописной территории вятичей (Ока и верховья Дона). Участки вдоль реки Москвы в ее верхнем течении, берега ее притоков — Истры, Рузы, а также территория к северу от города Москвы (район реки Клязьма) — заселялись с исходной летописной территории кривичей (Смоленщина). В могильнике Красный Стан-2 под Можайском, найдены височные кольца, имеющие аналогии в погребальных комплексах из окрестностей Новгорода Великого, что говорит об участии новгородских словен в заселении московского края.

¹ При написании этого раздела использовались материалы и тексты Б. Е. Янишевского, опубликованные в его монографии: *Янишевский Б. Е. Можайская земля в древности и средневековье. Можайск, 2003.*

¹ Седов В. В. Диалектно-историческое членение древнерусской общности // В. В. Седов. Избранные труды. М., 2005. С. 862–865.

Особенно плотно славяне заселили участок москворецкого бассейна от Звенигорода до Москвы. Вероятно, понравился переселенцам холмистый ландшафт, изрезанный большим количеством оврагов с ручьями и речками, и почвы — не очень влажные и не слишком сухие. Однако и в верховьях Москвы-реки найдено достаточно много славянских поселений, чтобы считать эти места вполне освоенными.

В XII в. на берегах Москвы-реки и ее притоков было основано не менее 700 поселков. Эти данные получены путем подсчета курганных могильников (кладбищ), каждый из которых соответствовал одному поселению. Если считать, что в деревне жило одновременно хотя бы 10–15 человек, то Подмоскovie испытало приход 7–10 тысяч человек, заселивших берега крупных рек весьма плотно. По оценкам специалистов, славянское население Подмоскovie в XII в. превышало прежнее население дьяковских городищ, как минимум, на порядок.

Древнерусские поселки располагались, в среднем, на расстоянии 1,7–2 км друг от друга вдоль обоих берегов реки. Однако на карте археологических памятников выделяются их сгущения, где селища, оставшиеся на месте славянских поселков, находятся друг от друга на расстоянии не более 100 м. Такие скопления поселений встречаются не только на берегах Москвы-реки, не только по всему ареалу расселения славянских племен, но и, к примеру, в Скандинавии¹. По мнению исследователей, концентрация селищ, указывает на место расположения центра сельской округи — прообраза последующей «волости» времени княжения этой территории². В окрестностях Можайска известны три таких сгущения.

Центром одного из них было дьяковское городище под названием Тушков городок³. Городище было освоено славянами не позднее XI в. Рядом с городищем расположено небольшое селище XIV в. После перехода этой территории от Смоленского к

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // ИСССР. 1986. № 5. С. 65.

² Гоняный М. И., Шишков А. В. К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. в бассейне Верхнего Дона // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1996; Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 149.

³ Археологическая карта России. Московская область. Можайский район. М., 1995. Ч. 2. С. 94–96.

Московскому княжеству здесь некоторое время существовал небольшой средневековый город Тушков с крепостью, посадом и городским кладбищем.

Второе сгущение древнерусских поселений находится в 9 км ниже по течению Москвы-реки у дьяковского городища Троица¹.

Третья подобная группа древнерусских памятников зафиксирована в нижнем течении реки Искон (левого притока реки Москвы) в 24 км от Троицкого городища ниже по течению реки. И хотя древнерусских селищ здесь открыто немного, былая плотность их подтверждается многочисленными курганными группами². Кроме того, именно в этих местах исследователи помещают «волость Искону», упомянутую в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича в 1136 г.³ Важно отметить, что внутри этой зоны сгущения древнерусских памятников также имеется городище железного века, известное как Сергоский Курган (Долгинино)⁴. Итак, в окрестностях Можайска наблюдается закономерность: всякое скопление древнерусских памятников имеет внутри себя городище железного века.

Чем же привлекали славян холмы и мысы, на которых располагались давно покинутые укрепленные поселки живших здесь ранее балтов и угро-финнов? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы не можем оставить без внимания проблему «цезуры» или хронологического разрыва между древностями раннего железного века и раннеславянскими памятниками⁵. Суть проблемы «цезуры» состоит в том, что в VIII–IX вв. за сто-двести лет до появления в регионе отчетливых славянских древностей на городищах раннего железного века перестает формироваться культурный слой. Первый и простейший вывод, который напрашивался из этого наблюдения, — запустение территории и уход отсюда людей. Однако постоянно накапливающиеся данные археологии оставляют все больше места для других объяснений.

¹ Там же. С. 93–94; Янишевский Б. Е. Можайская земля ... С. 30.

² Археологическая карта России. Московская область. Можайский район. М., 1995. Ч. 2. С. 81.

³ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 43–45.

⁴ Археологическая карта России. Московская область. Можайский район. С. 81.

⁵ Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. С. 60–62.

Интересные особенности изменения материальной культуры и системы расселения IX–X вв. зафиксированы на примере памятников Карелии. Часть тамошних племен утратила традиции керамического производства, а на поселениях прекратилось активное отложение культурного слоя. Лишь очень тщательные и обширные раскопки позволили установить, что жизнь в этих местах продолжалась с прежней интенсивностью. Исследования показали, что произошло резкое изменение образа жизни местного населения, втянутого в сферу международной торговли пушниной. Люди покинули многовековые стационарные поселения, полностью отказались от сельского хозяйства, а все необходимое для жизни стали получать в обмен на пушнину. Керамическая посуда, в частности, была заменена импортными медными и железными котлами. Это привело к тому, что одна из главных составляющих культурных напластований — фрагменты керамики — совершенно исчезла из культурного слоя, что у нынешних археологов создало впечатление полного запустения территории¹. Подобные же процессы, могли происходить в VI–VII вв. на территории междуречья Волги, Клязьмы и Москвы-реки.

Важно отметить, что теория запустения территории прямо противоречит материалам исторической лингвистики. Известно, что большая часть топонимики структурной речной сети Подмосковья восходит к дославянскому населению, прежде всего — к балтам². Передача названий рек из уст в уста (а других способов в те времена в этих местах не существовало) исключает полное запустение территории. Наконец, письменные источники указывают, что даже в XII в. в среде славянского населения еще оставались отчетливые «анклавы абorigенов», например балтское племя голядь, обитавшее на Протве³.

¹ Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 21, 281–285.

² Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972.

³ «В лето 6655 (1147)... Святослав же, шед, взя Людиголядь вверх Поротвы и прииде к Георгию на Москву.» ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 76. Вполне возможно, что в среде славян продолжали существовать анклавы не только балтского, но и финно-угорского населения. В пользу этого говорят археологические разведки, производившиеся в апреле 2006 г. напротив Можайского кремля в урочище Брыкина гора. Эти работы дали ряд интересных находок финно-угорского облика IX–X вв., что позволяет искать в этом месте могильник и поселение, относящиеся к дославянскому населению этих мест, а лепную керамику из раскопа 4/2005 предположительно связать именно с этим населением.

Отмеченное археологами группирование славянских поселков вокруг, казалось бы, заброшенных городищ в очередной раз доказывает, что эти места не переставали посещаться людьми и оставались для них притягательными¹. Изменившаяся еще за сто-двести лет до активного оседания в этих местах славян функциональная и смысловая суть городищ, их значимость, могла свободно передаваться, как и топонимики, изустно от абorigенов к пришельцам в период их соприкосновения и ассимиляции одних другими.

Не следует забывать, что на догосударственном этапе, и даже на этапе формирования древнерусской государственности, главным регулятором общественно-политической жизни оставались родоплеменные традиции и обычаи, чрезвычайно похожие по своей структуре у народов с разной этнической культурной историей. Славянское население, структурированное по схеме «семья–род–племя», приходившее в эти места, начиная с VI–VII вв., встречалось с местными балтскими и финно-угорскими общинами, организованными точно так же.

Несмотря на малую численность абorigенного населения, не существовало сколь-либо обширных и удобных для жизни территорий, куда запросто мог проникнуть и закрепиться чужак. Веками отработанный механизм получения права пребывания на данной территории или права прохода через эти земли — вот что встречало всех, кто сюда приходил, будь то отдельный че-

¹ Подобная концентрация славянских поселений вокруг инокультурных и, казалось бы, давно покинутых городищ абorigенов-предшественников совсем не редкость. Так, хорошо изученная территория Москвы дает нам 9 таких стяжений по долине Москвы-реки. Перечислим их по порядку, вниз по течению: 1) ручей Барышиха — Мякининская пойма; 2) Крылатское-Кунцево-Фили 3) долина р. Раменки и нижнего течения р. Сетунь; 4) район Андреевского монастыря; 5) район Московского кремля; 6) долина р. Котловки; 7) район Коломенского; 8) долина р. Язвенки; 9) Братеево-Капотня. Во всех перечисленных случаях концентрации славянских селищ соответствует городище дьяковской культуры. Перечислим их в том же порядке: 1) система из четырех городищ: Тушинское, Спас-Тушинское 1 — Спас-Тушинское 2 — Пенягино; 2) Кунцевское; 3) Матвеевское — Сетуньское; 4) Мамоново; 5) Кремлевское (возможно, два); 6) Нижне-Котловское; 7) Дьяковское; 8) Царицыно-1; 9) Капотня. Отметим, что №№ 3, 5 и 8 выявлены в последние годы благодаря тщательным исследованиям. Впрочем, подмеченное совпадение не носит обязательного характера. Так, крупнейшее стяжение древнерусских памятников на Теплостанской возвышенности не связано ни с одним из дьяковских городищ. (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. Цветные вклейки. Рис. 3 и 4).

ловец, или семья, или род, или даже князь со своей дружиной и людьми. И были возможны лишь две поведенческие модели: война с последующим покорением или межобщинный диалог, закрепленный затем договором согласно местным обычаям.

Являясь местом традиционного почитания, местным святилищем или иным осознанным этнокультурным маркером, древнее городище могло играть важную роль в процессе формирования структуры окрестного культурного и политического ландшафта, в том числе и в сфере договорных отношений, в частности при фиксации права той или иной общины занимать ту или иную территорию. Городище или отдельные его части могли выступать в роли своего рода общепризнанной площадки для ведения межобщинного диалога и публичной демонстрации его результатов. Лаврентьевская летопись фиксирует для середины X в. такого рода знаковую констатацию права присутствия тремя терминами: «повост», «знамянье», «место»¹.

Термин «повост» или «погост» (от древнерусского — погостити) в исходном своем смысле означал «стан для князей и княжеской дружины для собирания дани»². Такие поселения были своего рода противовесами общинным центрам. Поэтому погосты возникали в стороне, но и не слишком далеко от наиболее заселенных и освоенных местными общинами земель. Так было с Шестовицами под Черниговом, Гнёздовом под Смоленском, Тимерёвом в Верхнем Поволжье и в ряде других случаев. Погосты вмещали в себя не только административную функцию. Здесь широко была представлена торговая, ремесленная и транспортная функции. Важную роль в деятельности погоста играла церковная функция, возобладавшая впоследствии на тех погостах, которые прекратили свое развитие и остались лишь местом погребения для окрестных деревень. В период своего расцвета погосты представляют собой довольно крупные протогородские поселения с постоянным населением от 500 человек, где не только концентрировался, но и в значительной мере перерабатывался прибавочный продукт, поступающий от феодальной эксплуатации подчиненной территории.

Погост занимал особое положение в перечне учреждаемых княжеской властью селитебных образований в ходе окняжения

¹ «В лето 947. Иде Вольга Новугороду. И оустави по Мьсте повосты и дани. И по Лузе оброки и дани и ловища. Ея суть по всей земли знамянья и места и повосты» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 60.).

² Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. 2000. Т. 6. С. 488.

той или иной территории. Он всегда задумывался изначально как протогород, как средоточие всего того, что могла предложить верховная власть аборигенному населению, жившему своей сложившейся традицией. Погост представлял собой высший и стадийно последний инструмент окняжения, знаменующий переход от стадии формирования государства к его функционированию. Поэтому селитебные образования, выполняющие функцию погоста, возможно обнаружить и за пределами Древней Руси. Например, в Скандинавии, где процессы складывания государственности возможно корректно сравнивать с Древней Русью, довольно убедительно выявлены аналоги древнерусским погостам. В Швеции, Норвегии и Дании таковыми выступают хусабу — усадьбы конунга, управляющиеся его слугами и предназначенные для остановки конунга и его дружины во время постоянных переездов по подвластной территории¹.

Если устройство погостов завершает процесс проникновения княжеской власти на прежде независимую от князя территорию, то «знамянье» и «место» относится, на наш взгляд, к архаичным, исходным проявлениям межобщинного диалога.

Термин «знамянье» в древнерусском языке обозначает знак, отметину². Тюркским аналогом этому слову служит термин тамга. Таким «знамяньем» или знаком могла фиксироваться принадлежность различных предметов от пряслица до бортного дерева. Однако в обсуждаемом контексте это скорее фиксация права. В этом смысле выступает княжеский знак на монете. Такой же смысл могло нести княжеское «знамянье», нанесенное на идола, крест, камень или просто на дерево в священной роще на почитаемом всеми месте. «Знамянье» — это первый шаг по пути легального общепризнанного проникновения князя как представителя пришлой общины в сложившуюся систему местных общин. Тем не менее, сама практика фиксации специальным знаком заявленного или признанного права рождена в недрах первобытности.

Термин «место» занимает в летописном перечне положение между «знамяньем» и «повостом». Само слово «место» в древнерусском языке весьма многозначно³. В самом широком смысле, место — это «определенное пространство, на котором что-либо

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства. С. 68–70.

² Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 398–399.

³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. 2002. Т. 5. С. 107–110.

происходит, находится; пространство, которое занято или может быть занято чем-либо или кем-либо». Именно в этом значении, на наш взгляд, употребляется это слово в рассматриваемом летописном перечне. «Место», в нашем понимании, — это участок, территория, отведенная под представительскую функцию в качестве фиксации достигнутого согласия в результате межобщинного диалога. Этот участок должен обладать признаками престижности, располагаться рядом с равными по значению «местами», находиться на почитаемом месте. В древнерусский период такое «место» могло представлять собой укрепленный «княж-двор», который мог периодически посещаться князем и его дружиной, его гостями. Такой укрепленный двор-«место» был характерен для ранней стадии окняжения, когда договорные отношения еще не носили характера административного подчинения данной территории князю. «Место» впоследствии могло превратиться в погост или в феодальный замок, вокруг которого мог сформироваться средневековый город. Значительная часть городов Древней Руси формировалась подобным образом¹. Тем не менее, практика обладания своим местом на городище или святилище, как и практика использования своего знака-метки, относится к декларативным политическим приемам, изобретенным в эпоху первобытности.

Включение архаичных «*знаменья*» и «*места*», наряду с погостом, в летописный перечень применявшихся княгиней Ольгой инструментов управления свидетельствует о том, что в середине X в. различные территории формирующегося Древнерусского государства находились на разных стадиях огосударствления — от полной независимости до полной подчиненности.

В условиях многовековой славянской колонизации обширных пространств балтских и угро-финских лесов «*знамянье*» и «*место*», должно было стать общепринятой практикой фиксации результатов межобщинного диалога. Древние городища железного века в наибольшей степени подходили для такой практики. «Знамянья»-метки, а также укрепленные дворы-«места» на городищах издревле должны были стать неотъемлемой частью

¹ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 42. Таблица 1. На территории Древней Руси малых городищ, которые могли возникнуть как феодальные усадьбы-замки или «места», насчитывается более 300. Характерно, что в период развитого средневековья слово «место» в значении «город» зафиксировалось в украинском (місто), польском (miasto) и литовским (miestas) языках.

ландшафта лесной зоны Русской равнины и сразу обращать на себя внимание пришельца. В этом плане весьма показателен древнескандинавский топоним Gaḡḡar (Гардар, дословно — дворы), применявшийся для обозначения Руси¹. Возникший в середине — второй половине IX в., топоним Gaḡḡar является для территории Руси древнейшим названием, возникшим на устах тех, кто активно участвовал в становлении ее государственности.

¹ Тема эта детально исследована Т. Н. Джаксон. См.: AUSTR Í GÖRDUM: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. По мнению автора указанной монографии, топоним Gaḡḡar часто неточно переводят как «города», опираясь на фонетическое сходство древнескандинавского «гардар» и русского «грады». Широко распространено также ошибочное мнение, что изобилие городов, увиденное варягами в IX в., заставило последних назвать Русь Gaḡḡar или Gaḡḡaríki «страной городов». Однако для обозначения города варяги применяли слово borg, а городов на Руси даже в X в. насчитывалось не более 21.

Глава 6.

«...МОЖАЕСК НА РЕЧКЕ НА МОЖАЕ...» К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА

Так еще в конце XVI в. обозначался город Можайск в переписных книгах и других официальных документах. Эта неразрывная связь ойконима и гидронима сохраняется и по сей день. В ойкониме «Можайск» гидроним «Можая» выступает в качестве топоосновы, что является обычной практикой складывания древних топонимов.

Дославянские истоки корня «можа-» сейчас общепризнаны¹. Лингвистический пласт, из которого происходит название реки Можая, начал выявляться исследователями еще с конца XIX — начала XX вв., в частности, в работах И. П. Филевича и А. Л. Погодина. Отчетливо проблема проявилась в первой половине — середине XX в. в работах по топонимике К. Бути, М. Фасмера, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачёва. Весьма убедительно и полно эта проблема представлена в работах В. В. Седова, совместившего данные топонимики и археологии².

В настоящее время отнесение топонима «Можая» к кругу гидронимов балтского происхождения практически неоспоримо. Гидроним «Можая» расположен в северо-восточной части обширной области древней балтской гидронимики, которая простирается неразрывно от Балтийского моря на западе до низовьев реки Цны на востоке; от верховьев рек Волга, Шелонь и Великая на севере до рек Сейм, Десна и правых притоков Припяти на юге³. Время складывания этого гидронимического массива отно-

сят к раннему железному веку¹. «Можая» значит «малая» (ср. литовское *mažai*), что совершенно подходит для имени этой речки длиной 3 километра. Данный топоним не уникален и имеет ряд аналогий в области распространения балтской гидронимики².

Таким образом, установлено, что название города Можаяск представляет собой топооснову «можа-» с добавлением форманта «-еск», оформляющего ойконим. Формант «-еск» довольно распространен в названиях летописных древнерусских городов, как больших (Смоленск), так и малых (Волковыеск). Вообще, из 320 летописных древнерусских городов формант (-еск) присутствует у 42 (13%).

При сопоставлении зоны распространения формантов «-еск» в названиях древнерусских летописных городов с областью балтских гидронимов, обнаруживается следующее (рис. 11). Из 42 городов с формантом «-еск» в названии в зоне балтских гидронимов оказывается 37 городов, что составляет 88%. Доля городов с формантом «-еск» в области балтских гидронимов составляет 21%, тогда как вне этой зоны — всего 4%. Очевидно, что между ойконимами с формантом «-еск» и областью распространения балтской гидронимики прослеживается тесная корреляция. Такая корреляция могла сложиться только в раннем железном веке, в период продуктивности балтского словообразования на данной территории. Из этого следует, что в раннем железном веке на данной территории формировались не только гидронимы, но и ойконимы, что, в свою очередь, совершенно естественно, поскольку люди, жившие здесь поименовывали не только реки на своей земле, но и населенные пункты, в которых жили.

Показанная взаимосвязь как территориальная, так и хронологическая, позволяет утверждать, что формант «-еск» в названиях подавляющего большинства древнерусских городов следу-

¹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 12.

² Изучив довольно мелкую карту масштаба 1:200000 мы обнаружили еще шесть похожих названий рек: две Можайки (Калужская обл., Мосальский р-н и Тверская обл., Андреапольский и Нелидовский р-ны); Мажица (Тверская обл., Удомельский р-н); Мажа (Республика Беларусь, Минская обл., Копыльский р-н); Можя (Республика Беларусь, Минская обл., Крупский р-н и Могилевская обл., Круглянский р-н); Мажинка (Республика Беларусь, Витебская обл., Докшицкий р-н. Разумеется большая часть речек с названием «Малая» на картах такого масштаба не указывается. К этому перечню добавим литовский город Мажейкяй (литовская калька Можайска) и город Мажа в Белоруссии.

¹ Мы намеренно уклоняемся от пространного обсуждения бытующих многочисленных парадоксальных и омонимических версий происхождения топонима «Можай», к примеру, от повелительной формы глагола «мочь». И хоть призыв «можай!», в смысле «моги!», несет немалый заряд креативности, такое топонимическое построение мало, чем отличается от выведения названия пирога «расстегай» от повеления раздеться.

² Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. В частности, в этой работе на с. 8–64 содержится исчерпывающий историографический очерк проблемы.

³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Рис. 1.

ет признать не славянским, а родственным ему балтским *-ъskъ*¹, а значит, и сами ойконимы следует признать балтскими и отнести их формирование не к древнерусскому периоду, а к раннему железному веку. Дальнейшее языковое развитие русского языка сформировало на базе исходного форманта суффикс *-ск-*, весьма характерный для русских ойконимов. А в литовском языке такое развитие привело к появлению суффикса *-išk-* (*-ишк-*). Современные ойконимы с суффиксом *-ишк-* и окончаниями *-е*, *-ес*, *-ис*, *-яй*, широко распространены на территории Литвы², есть они и в Белоруссии³, и в северо-восточной Польше⁴.

Отнесение времени формирования летописных ойконимов на *-еск* к раннему железному веку, разумеется, не означает удревнения этих городов⁵. Просто становится очевидным, что

¹ Здесь буквы *-ъ* и *-ь* обозначают редуцированные (сверхкраткие) звуки *-i-*; *-u-*, восходящие к общему для балтов и славян индоевропейскому пряязыку. Эти редуцированные гласные исчезли, или лучше сказать «проявились» в русском языке уже к XI в. Ср., например, греческое византийское озвучивание древнерусского «смоленѢскѢ» как «меленИскА».

² На карте масштаба 1:200 000 мы обнаружили на территории современной Литвы 73 подобных топонима: Арлавишкес, Арменишкяй, Афяришки, Бабришкес, Багаславишкис, Бальберишкис, Бертешкяй, Бугуцишки, Буткишкяй, Вайскунишкес, Вайснориске, Виавадишкяй, Виденишкяй, Вилкавишкис, Гелгаудишкис, Гервишкес, Гринкишкис, Гритишкис, Груздишке, Дарсунишкес, Даугелишкес, Девянишкис, Дуокишкис, Еришкяй, Зубишкес, Ионишкелес, Ионишкис, Казитишкес, Каиришкяй, Калнишкяй, Карзакишкис, Каркажишке, Качергишке, Куктишкес, Купишкис, Купрелишкис, Лаворишкес, Лаудишкяй, Лебенишкяй, Либискяй, Ликишкис, Маркутишкяй, Миежишкяй, Миколишкяй, Невяришкис, Палюнишкис, Пильвишкяй, Плутискес, Пошкишкес, Пурвинишке, Радвилишкис, Радишке, Рокишкис, Рудишкес, Румишкис, Румшишкес, Сайдутишкис, Сакшкяй, Семелишкес, Скапишкис, Скудутишкис, Соделишкяй, Спавлишкяй, Стаклишкес, Стрелишкяй, Сувайнишкис, Такнишкяй, Тиркилишкяй, Тришкяй, Чиоблишкис, Чиотишкяй, Шиеминишкяй, Эйшишкес.

³ На карте масштаба 1:200 000 мы обнаружили на территории современной Белоруссии 29 подобных топонимов: Антонишки, Блажишки, Больтишки, Валейкишки, Варвишкес, Василишки, Вертелишки, Войнаришки, Гаружишки, Гарутишки, Довгердишки, Дотишки, Жодишки, Иоткишки, Кемелишки, Конвелишки, Липнишки, Михалишки, Мосцвелишки, Полецкишки, Путришки, Радивонишки, Сидарышки, Токаришки, Трибутишки, Уртишки, Юратишки, Явтеришки, Якубишки.

⁴ Иоделишки, Прузишки, Тракишки, Шиплишки.

⁵ Мы не находим сил вести дискуссию с А. Н. Бубенниковым, посвятившим 400-страничную монографию доказательствам того, что «город Гелон-Голынеград-Голяд-Можай-Можайск ... является одним из древней-

пришедших в иноэтничную среду славян встречали не только звучащие названия больших и малых рек, но и названия поселений. В случае с покинутыми городищами, такие названия могли представлять собой простые топонимы — названия почитаемых урочищ, но могли быть и ойконимами, то есть принадлежать укрепленным дворам-«местам», располагавшимся на городищах. Это еще раз подкрепляет гипотезу о важной роли древних городищ железного века в процессе образования древнерусских городов. Тем более что всякое тщательное археологическое изучение древнерусского города приводит к обнаружению на его территории древнего городища железного века, как это произошло и в случае с Можайском.

ших городов мира.» (Бубенников А. Н. История Земли Можайской Руси Святой (512 г. до н. э. — 1812 г.). Книга русской истории. М., 2003., С. 36).

Глава 7.

МОЖАЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ
В ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД

Все исследователи единогласно находят место рождения города Можайска на Никольской горе. Культурный слой древнерусского времени был открыт на территории Можайского кремля уже в 1981 г.¹ Это было подтверждено раскопками 2005–2006 гг.² Тем не менее, в археологическом контексте Можайское городище существует как бы само по себе, а вокруг Можайского кремля никакого скопления древнерусских памятников не наблюдается. В этом плане «городище Можайское» ничем не отличается множества дьяковских городищ бассейна Москвы-реки, вокруг которых никаких скоплений древнерусских памятников нет. Тщательные и долговременные археологические обследования города Можайска не оставляют надежды изменить сложившееся положение.

Имеются смутные данные о ныне утраченном древнерусском селище в северной части города в устье Филимонова оврага на правом берегу Москвы-реки³. Археологические разведки на территории города позволили выявить еще два новых небольших по площади участка, где в подъемном материале присутствует керамика XIII–XIV вв.⁴. Однако эта керамика не самая ранняя и может происходить с территории посада города Можайска. В писцовых книгах Можайска 1627 г. в описании межи земель Лужецкого монастыря сохранилось редкое упоминание, как считают, о курганном могильнике XI–XIII вв.: «а та дорож-

ка обняла могильник, что была церковь Ивана Милостиваго Лужецкого монастыря в служней слободке...»¹. Тем не менее, никаких следов ни этого, ни других курганных могильников, обозначающих какое-либо скопление вокруг Можайского городища, до сих пор не найдено. При раскопках в Лужецком монастыре в 1996 г. под культурным слоем XV–XX вв. выявлен пахотный горизонт (следы пашни), располагавшейся на месте будущей обители преподобного Ферапонта. Однако керамика из пашни не выразительна и датируется широко XIII–XIV вв., а поблизости не открыто никакого древнерусского селища².

Как уже было показано, Можайский кремль расположен на двух разновысоких оползневых холмах, связанных крепостным валом (рис. 6). Площадка кремля определяется археологами как городище³ именно благодаря этому крепостному валу, который объединяет оба холма в единую фортификационную систему с окольной длиной около 630 метров и площадью почти 5 га.

С юго-восточной и восточной стороны, со всполья, вал поставлен на бровку холма. Здесь высота его со стороны площадки городища составляет 5–6 метров. С северо-западной и юго-западной сторон крепостной вал проложен поперек оврагов, отделяющих нижний холм городища от верхнего. Вал в этих местах играет роль своеобразной дамбы, формирующей Чистое и Грязное озерца, фигурирующие в письменных источниках. У Чистого озерца высота валов со стороны крепости составляет 4 метра, со стороны засыпанного Грязного озерца — не более 2 метров. Вал на западном мысу городища со стороны площадки крепости практически не прослеживается. Небольшое серповидное в плане всхолмление высотой не более 1,5 м на самом мысу представляет собой отвалы от работ начала XIX в. по разборке каменных крепостных стен. Крепостной вал в этой части городища никогда и не возвышался над уровнем площадки крепости. Это объясняется тем, что здесь, в месте впадения ручья Петровского, долина реки Можайки резко расширяется, и все окрестные территории оказываются существенно ниже уровня площадки крепости. Здесь вал как бы прислонен к склону холма, что создает крутизну, препятствующую прямому приступу. Если

¹ Молчанов А. А., Кавельмахер В. В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске. М., 1981. Архив ИА РАН. Р-1. № 8409.

² Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля.

³ Археологическая карта России. Московская область. Можайский район. С. 187. № 27.

⁴ Янишевский Б. Е. Новые древнерусские памятники окрестностей г. Можайска // Макариевские чтения. Можайск, 1996. Вып. 4. С. 177–185.

¹ Можайские акты. СПб., 1892. С. 131.

² Янишевский Б. Е. Отчет о раскопках Можайской экспедиции в г. Можайске Московской области. Архив ИА РАН. Р-1.

³ Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. № 975 (27). М., 1995.

не учитывать естественное осыпание внешней кромки холма, земляная фортификация прекрасно сохранилась почти по всему периметру городища. Только на участке длиной около 100 метров на южной бровке холма наземная часть вала была скрыта в конце XVIII — начале XIX в. в связи со строительством Ново-Никольского собора.

Именно на месте этого скрытого вала в 2005 г. был заложен раскоп 2/2005 с целью изучения всех периодов Можайской крепости (рис. 10). Археологические исследования 2005 г. показали, что вал здесь насыпали не ранее XIV в. Валу предшествовало православное кладбище второй половины XII–XIII вв., которое в свою очередь перекрывало селитьбу XII в.¹ Следовательно, если продолжать искать первоначальный Можайск в пределах Можайского кремля, то селитьбу и кладбище, обнаруженные под валом в раскопе 2/2005, следует рассматривать как неукрепленный посад, а первоначальную крепость следует искать западнее — в районе Ново-Никольского собора. Археологические работы 2005–2006 гг. в подклете Ново-Никольского собора подтвердили это предположение.

Наличие вала под Никольским собором подтверждено археологическими наблюдениями за инженерно-геологическими зондажами, заложенными в подклете собора в 1991 и 2001 гг.² Зондаж 1991 г., был повторно раскрыт в 2005 г. (Приложение 2. Шурф 10/2005). В 2006 г. шурф расширили на север до размеров раскопа (Приложение 2. Раскоп 1/2006). В результате этих работ открылась внутренняя пола крепостного вала XII–XIV вв., структурированного деревом. Прослежено три строительных периода укреплений: верхний — из глины, а два нижних — из гумусно-древесной насыпи. Общая высота насыпи вала составила более 400 см. Зондаж 2001 г., заложенный по оси проезда белокаменных ворот возле окна в южной стене собора, открыл внешнюю полу крепостного вала. В верхней части вал сложен из глины, а в нижней — из гумусно-древесной насыпи. Общая высота насыпи вала составила здесь 930 см. Общая ширина вала под Никольским собором оценивается не менее чем 15 метров. Верхний глиняный ярус вала предшествует строительству белокаменных ворот и датирован XIV в., что соответствует валам, открытым в раскопе 2/2005. Нижние древесно-гумусные ярусы

¹ См. Приложение 2 «Археологическая изученность территории Можайского кремля». Раскоп 2/2005.

² См. там же. Шурф 10/2005.

вала, структурированные дубовыми клетями, датированы XII–XIII вв. Это, вероятно, и есть первоначальный вал города Можайска.

В итоге, появляются основания предполагать, что наиболее ранним ядром селитьбы древнего Можайска является западная, мысовая часть большего из двух холмов, где уже в XII в. существовала крепость, окруженная гумусно-древесной насыпью. В этот период к востоку от укреплений, на том же холме через балку, существовала неукрепленная селитьба, на которую в течение XIII в. распространилось православное кладбище.

Однако размеры площадки первоначальной крепости внутри валов не превышают 2 тыс. кв м. А вместе с неукрепленным посадом площадь поселения составляет не более 0,5 га. Этого, по современным представлениям о средневековом городе, совершенно не достаточно для размещения полноценной городской функции¹. С позиций сегодняшней исторической науки, древнерусская крепость с примыкающей к ней селитьбой на Можайском городище никак не может считаться городом. По своему размеру это типичная феодальная усадьба-замок². Высокий социальный статус владельца усадьбы подтверждается находками. Среди прочего упомянем обломки причерноморских амфор, фрагменты серебряных украшенных сканью браслетов-поручей, детали дружинного снаряжения коня и всадника, фрагменты стеклянных браслетов, ключ от цилиндрического замка, предметы вооружения³.

Таким образом, установлено, что на месте будущего Можайска не сложилось скопления древнерусских поселений, хотя городище железного века здесь присутствует. Следовательно, первоначальный Можайск возникает не как общинный центр, а как следствие прямого межобщинного диалога княжеской власти с многополярным аборигенным политическим сообществом. «Знаменье», а потом и «место», зафиксировавшее на древнем

¹ Куза А. В. Социально-историческая типология среднерусских городов X–XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). М., 1983. Выпуск 6. В данной работе городом признается поселение с размерами укрепленной части от 1 га; Древнерусское градостроительное искусство X–XV вв. М., 1993. С. 28–29. В данной книге город определяется как укрепленное поселение общей площадью от 2,5 га.

² Древняя Русь. Город, замок, село. С. 48.

³ Янишевский Б. Е. Можайск и его округа в XI–XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. М., 2008. С. 41–90, 154, 156, 171.

почитаемом городище общепризнанное и законное присутствие в этих местах смоленского князя, следует считать точкой отсчета истории города Можайска¹.

В дальнейшем «место», укрепленный двор, усадьба-замок князя обрастает сельскими поселениями, посадом и становится настоящим городом. В этом плане, первоначальный Можайск удивительно напоминает город Кучков (раннюю Москву), который также возникает в стороне от основного массива вятических поселений². Первоначально на Боровицком холме появляется «место» — княжеский двор Юрия Долгорукого³. Там же рядом находилось городище дяковского времени, площадка которого, открытая под Архангельским собором, продолжала существовать в качестве священной рощи на окраине города большую часть XII в.⁴.

¹ Конечно, это лишь гипотеза. Однако гипотеза позволяет структурировать процесс познания, что в конечном счете гораздо важнее для науки, нежели сама гипотеза.

² *Панова Т. Д.* Москва и монгольское нашествие: Характер культурного слоя Кремля XIII в. // *Русь в XIII в.: Древности темного времени.* М., 2003. С. 97–102.

³ Отсюда Юрий Долгорукий обратился к своему союзнику, троюродному брату и будущему зятю новгород-северскому князю Святославу Ольговичу: «Приди ко мне, брате, в Москов». Встреча в усадьбе Юрия Долгорукого состоялась, согласно Ипатьевской летописи, 4 апреля 1147 г.

⁴ *Панова Т. Д.* Историческая и социальная топография московского Кремля в середине XII — первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. (рукопись). С. 293. Рис. 96.

Глава 8. КОГДА ВОЗНИК ГОРОД МОЖАЙСК?

Считается, что впервые в летописи Можайск упомянут в 1231 г. в связи с походом новгородского князя Ярослава Всеволодовича против черниговского князя. Однако в другом списке летописи в этом сюжете на месте Можайска упомянут Мосальск (ныне — город в Калужской области, стоящий также на реке Можая)¹. В дальнейшем русские летописи, а также и другие письменные источники «не замечают» Можайска вплоть до 1277 г., когда впервые упоминается «град Можаетск»². Город Можайск не назван в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г., хотя там указана расположенная в 10 км на северо-восток от Можайского городища волость Искона, которая платит смоленскому князю 40 гривен серебра³. Нет Можайска и в списке городов, зафиксированном в начале XIII в. грамотой Смоленской епископии «А се погородие», в которой перечислены поступления в пользу епископа со всех периферийных городов Смоленского княжества⁴.

Как было показано выше, с позиций современной археоло-

¹ «В лето 6739. ... Того же лета князь Ярослав Всеволодич иде с Новогородци ратью на Чернигов на великого князя Михаила, сына Чернаго, внука Святослава, правнука Олгова, и пожже Шернеск, и стоав под Можайском, паки возвратися вспять, всяк хлеб и овощ пострави, и опустоши, и пожже вся власти и села. Тогда же убиен бысть под Можайском боарин его Иван Боша, и Олдан подвойской, и иных многих избиша, и без мира отыдиша.» ПСРЛ. М., 2000. Т.10. С. 102–103. Большая часть современных историков придерживается точки зрения, что правильно в летописи читать не «Можайск», а «Мосальск».

² «В лето 6785... Федор, о нем же ныне глаголем, да брат его Глеб, да Михайло, сии изобидеша его, и даша ему град Можаетск един; а брат его Глеб на великом княжении седяше в Смоленске. А князю Федору Ростиславичю, о нем же днесь глаголем, седяшу в Можайску, еще не имущу жены...» ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 153–154.

³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–145.

⁴ *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 24–25.

гии изначальный Можайск в виде крошечной крепости площадью 2 тыс. кв м и такого же посада перед ней не был городом. Это был укрепленный княжеский двор, то есть «место», закрепившее пребывание в этих краях смоленского князя. И для самого существования такого двора ему должна сопутствовать система иерархически соподчиненных поселений и территорий, где реализовывалась «не поместившаяся» здесь часть полноценной городской функции¹. Судя по археологическим данным, которые не противоречат летописным сообщениям, Можайск становится городом только во второй половине XIII в., когда вокруг него появляются полноценные посады. Однако если под основанием города понимать все-таки тот самый княжеский двор, хотелось бы уточнить время и обстоятельства его возникновения.

Можайское городище, как уже говорилось, расположено в верхнем течении реки Москвы. Освоение этих мест начали еще в бронзовом веке индоевропейские лесные воины-кочевники. В раннем железном веке речные берега усилиями балтских и финно-угорских лесных земледельцев были превращены в полевые угодья. Эта местность, представлявшая собой изначально глухие унылые леса, к периоду раннего средневековья превратилась в сложный природный комплекс, сочетающий луга, поля и леса. Местный ландшафт, представленный здесь четырьмя физико-географическими местностями, был местом обитания для нескольких родоплеменных образований угро-финнов, балтов, смоленских кривичей, а позднее и москворецких вятичей, потомков смешения верхнеокских славян-вятичей и местных москворецких племен.

Обитатели глухих москворецких лесов, находившихся на границе Смоленской, Черниговской и Ростовской земли были почти не затронуты политическими, экономическими и духовными процессами Киевской Руси. Еще в первой половине XI в. здесь царила языческая старина, привлекавшая сюда всех, кто уходил от окняжения и христианизации. Постепенно в этих местах сложилась особая общность непокорного, подвижного и вооруженного народа, известного как москворецкие вятичи. Они не знали городов, не строили крепостей. Девственный лес служил им и домом, и крепостью. Все поменялось после 1073 г.,

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства. С. 65.

когда сыновья Ярослава Мудрого начали борьбу за киевский престол.

После смерти в 1054 г. князя Ярослава Мудрого из семи его сыновей в живых оставалось пятеро¹. Старший из оставшихся, Изяслав Ярославич, стал великим князем Киевским. Второй по старшинству, Святослав Ярославич, стал князем Черниговским. Третий, Всеволод Ярославич, стал князем Переяславским. Младшие сыновья Ярослава, Вячеслав и Игорь, последовательно княжили в Смоленске до смерти в 1057 и 1060 г. соответственно, после чего Смоленское княжество некоторое время управлялось оставшимися тремя братьями совместно, а в 1064 г. по взаимному согласию смоленским князем стал сын старшего из братьев Ярополк Изяславич (Приложение 3). Ростовская земля, управлявшаяся наместниками Ярослава Владимировича Мудрого, не делилась и формально продолжала управляться Киевом.

В 1073 г. средний из Ярославичей, Святослав, убедил Всеволода изгнать старшего брата Изяслава из Киева. Великим киевским князем стал Святослав, а Всеволод, щедро вознагражденный за помощь, получил власть над Черниговской², Смоленской³ и Ростовской⁴ землями, на скрещении которых в бассейне Москвы-реки находилась обширная неокняженная территория⁵, где в составе конгломерата племен самыми сильными были москворецкие вятичи (рис. 12)⁶.

В 1076 г. узурпатор киевского княжения Святослав Ярославич внезапно умирает. Старший из Ярославичей, ранее изгнан-

¹ Первый сын Илья Ярославич умер в 1020 г. князем Новгородским. Второй сын Владимир Ярославич (1020–1052) умер в 1052 г. князем Новгородским. Остальные сыновья: Изяслав (1024–1078+), Святослав (1027–1076+), Всеволод (1030–1093+), Вячеслав (1036–1057+), Игорь (1036–1060+).

² Всеволод Ярославич сам стал княжить в Чернигове.

³ Смоленским князем стал сын Всеволода Ярославича Владимир Всеволодович Мономах.

⁴ В Ростов были направлены наместники Всеволода Ярославича.

⁵ Юшко А. А. Московская земля в IX–XIV вв. М., 1991. С. 113. Рис. 2, 37. На наш взгляд, в конце XI в. неокняженная территория, была существенно шире на запад и несколько шире на северо-восток по сравнению с границами, показанными А.А.Юшко на середину XII – начало XIII в.

⁶ За основу этой иллюстрации взята карта Ю. Б. Корякова, разработанная в 2007 г. и размещенная в интернете в составе ресурсов Википедии по адресу: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3a/Rus-1015-1113.png>

ный Изяслав, возвращается в Киев. Всеволод уступает ему киевский стол, удерживая за собой Черниговскую, Смоленскую и Ростовскую земли. В результате этих событий шестеро сыновей Святослава Ярославича, зачинщика убоицы в среде потомков Ярослава Мудрого, остались без городов, с которых они могли бы кормиться, то есть оказались князьями-изгоями. Началась беспощадная война изгоев-Святославичей за возвращение Черниговского княжения, длившаяся 31 год. В своей борьбе Святославичи опирались на касогов и хазар Тмутаракани, а также на половцев, которые составляли основу их войска. Предводителем князей-изгоев выступил Олег Святославич, прозванный Гориславичем. Он, не взирая на поражения, предательства, гибель братьев, плен, ссылку на остров Родос, упорно двигался к своей цели — отцовской отчине. Не осталось в стороне от интересов Святославичей и Смоленское княжество, как бывшее поначалу совместным владением Ярославичей. На него претендовал Давыд Святославич. Разумеется, спорной территорией становилась и Ростовская земля.

Последний из Ярославичей, Всеволод, умер в 1093 г., будучи великим князем Киевским. Через месяц после смерти отца трагически погиб его младший сын Ростислав. Он утонул в реке Стугна, спасаясь от половцев, разгромивших русское войско. Остался лишь один Всеволодович — Владимир Мономах, который унаследовал Черниговскую, Смоленскую, Ростовскую земли и киевское великое княжение в придачу. Он-то и принял на себя основной удар гражданской войны, разгоревшейся с новой силой.

В 1093 г. Давыд Святославич вытесняет Владимира Всеволодовича Мономаха из Смоленска, а Олег Святославич усиливает натиск на Чернигов. Понимая, что он не в состоянии удержать все наследство отца, Владимир Мономах уступил великокняжеский киевский стол своему двоюродному брату Святополку Изяславичу, как старшему в роду. Пытаясь вернуть себе Смоленск и удержать Чернигов, Владимир Всеволодович с новой силой выступает против Святославичей, теперь уже имея в союзниках великого князя Киевского Святополка Изяславича.

Война за Смоленск шла с переменным успехом. Изгнанный оттуда в 1094 г., Давыд Святославич в 1095 г. вернулся вновь. В 1094 г. Олег Святославич в конце концов добился своего — изгнал Владимира Всеволодовича Мономаха из Чернигова. В 1095 г. Олег Святославич захватил Муром, убив сына Владимира Мономаха, Изяслава, а затем совершил опустошительный

поход на Ростовскую землю, поставив там, хотя и ненадолго, своих наместников.

В 1097 г. усилиями русских князей, пытавшихся погасить бесконечную и расползавшуюся все шире войну, в городе Любеч был созван съезд, основным вопросом которого стало рассмотрение норм и правил наследования княжеской власти. На съезде было провозглашено правило «каждый да держит отчину свою»¹. Таким образом, все возвращалось к положению 1054 г. — к наследию трех Ярославичей: Изяслава, Святослава и Всеволода.

Святополку Изяславичу отводился Киев и отчина Изяслава — Туровская земля². Для Святополка Изяславича это означало подтверждение его великокняжеского статуса и гарантию сохранения за ним и его потомством Туровской земли. Для Святославичей — Олега, Давида и Ярослава отчиной признавалось Черниговское княжество³, включавшее в себя тогда и Новгород-Северский, и Рязань, и Муром, а также анклавы — Тмутаракань и Белую Вежу. Это означало признание правоты Святославичей в их 30-летней борьбе за наследство отца. Владимиру Всеволодовичу Мономаху также доставалась отчина его отца⁴ — Переяславское княжество.

¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 256–257. Значение решений Любечского съезда трудно переоценить. Раньше перемещение одного только князя из одного города в другой на пути к киевскому столу приводило к перемещению всех князей, идущих вслед за старшим. Таким образом, пребывание князя в городе было, по сути, временным, так князем воспринималось и соответственно использовалось «на износ». Дать княжения своим сыновьям, то есть предоставить им средства к существованию, отец мог только из того, чем он временно обладал на данный момент. Любые затруднения в карьере, тем более гибель старшего в семье, могла превратить всех его сыновей в князей-изгоев. А это означало постоянное воспроизводство причин и поводов для бесконечной войны внутри разросшегося рода Рюриковичей. Введение понятия «держат отчину свою» означало, что соискатель великокняжеского титула рискует теперь только своей головой. Наличие у него отчины значительно уменьшало риск и для него, и для его сыновей превратиться в князей-изгоев. Это давало возможность «пересидеть» невзгоды.

² «...Святополкъ Киевъ, Изяславъ...» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 209). Эту формулу следует понимать так: Святополк получает Киев, как великое княжение и Изяславо, то есть отчину — Туровское княжество.

³ «...Давыдъ и Олегъ, и Ярославъ, Святославъ...» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 209). Эту формулу следует понимать так: братья Святославичи получают Святославо, то есть отчину — Черниговское княжество.

⁴ «...Володимеръ Всеволожь...» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. С. 209). Эту формулу следует понимать так: Владимир получает Всеволоже, то есть отчину — Переяславское княжество.

Решение Любечского съезда обернулось для хозяина любечского замка Владимира Мономаха большими потерями и проблемами. Во-первых, съезд утвердил хотя и добровольную, но все же существенную политическую потерю Владимира Всеволодовича — великое киевское княжение. Во-вторых, съезд признал территориальные потери Владимира Всеволодовича, ограничив его отчинные права Переяславским княжеством. В-третьих, съезд не определил окончательный статус Смоленского и Ростово-Суздальского княжеств, в ресурсах которых чрезвычайно нуждалось Переяславское княжество, находящееся в состоянии постоянной войны с половцами. И хотя Смоленское и Ростово-Суздальское княжества Владимир Мономах удержал за собой, поставив туда княжить сыновей Святослава Владимировича и Вячеслава Владимировича соответственно, такое положение вещей оспаривалось Святославичами.

Черниговская земля, некогда объединявшая обширные владения Всеволода Ярославича, после Любечского съезда оказалась между Переяславским, Смоленским и Ростово-Суздальским княжествами. И если принадлежность Владимиру Мономаху Переяславского княжества была защищена отчинным правом, то отсутствие общей устойчивой границы между спорными северными территориями могло привести к утрате контроля над Смоленской и Ростовской землями (рис. 12).

В конце X — начале XI в. из Ростова в Смоленск был только один путь — через Волгу в Днепр в обход лесной страны вятичей. Три победоносных похода против вятичей: в 966 г. Святослава Игоревича¹, в 981 и 982 гг. Владимира Святославича мало что изменили в деле безопасной дороги через вятичские леса². Поэтому в 1015 г. муромский князь Глеб, узнав от коварного Святополка о смерти своего отца — киевского князя Владимира Великого, не мог поспешать по прямой, а отправился навстречу своей гибели из Муромов вниз по Оке, далее вверх по Волге, затем по реке Вазузе и ее притокам в Днепр, откуда до Смоленска, где в устье реки Смядины и настигли его убийцы, посланные Святополком Окаянным³.

¹ «В лето 964... И иде на Оку реку и на Волгу. И налесе Вятичи. В лето 966 Вятичи победи Святослав и дань на них възложи» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 65).

² «В лето 981... В сем же лете и Вятичи победи и възложи на нь дань от плуга якоже отец его имаше. В лето 982. Заратишася Вятичи и иде на ны Володимир и победи я второе» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 81–82).

³ ПСРЛ. Т. 1. С. 135–137.

Положение с дорогами с юго-запада на северо-восток изменилось при Владимире Всеволодовиче Мономахе. В 1068 г. 14-летний Владимир Всеволодович совершил свой первый поход «сквозе вятичи»¹. С 1078 г. предприняты новые походы на вятичей — «по две зиме на Ходоту и на сына его...»². И хотя покорить окончательно вятичей не удалось, и они массами уходили с реки Оки на реки Пахру и Москву, в пределах Черниговской земли окняжение вятичей шло полным ходом. Таким образом, был проторен второй путь в обход основного массива вятичских лесов — теперь уже с юга. Из реки Десны, с которой связаны и Киев, и Чернигов, и Смоленск, через ее левый приток речку Болву, путь пролегал в верховья Жиздры, оттуда в Оку. Далее, миновав с юга земли вятичей, многочисленными левыми притоками Оки из пределов Муромского княжества можно было попасть в Ростово-Суздальскую землю.

И вот в 1097 г., с потерей Черниговского и Муромо-Рязанского княжеств, Владимир Мономах лишается южного пути из Смоленска в Ростов и Суздаль. А северный путь по Волге также был не надежен, поскольку выше устья реки Сестры выходил за пределы Ростовской земли.³ В этих условиях оставалось одно — снова торить путь «сквозе вятичи», теперь уже по Москве-реке. Однако на этот раз ни сил, ни времени на покорение вятичей у Владимира Мономаха не было. Поэтому единственным политическим средством был «ряд» — договор между князем и вятичами. Опыт таких взаимоотношений, как мы показали выше, освоили еще издревле. А в 861 году договор между варягами Рюрика и тремя племенными образованиями северо-запада: словенями, кривичами и чудью лег в основу государственного устройства Древней Руси.

Попытки достижения согласия с москворецкими вятичами осуществлялись, вероятно, как со стороны Смоленского княжества, так и со стороны Ростовского. Хронологические рамки этих переговоров определяются достаточно уверен-

¹ «14 лет первое к Ростову идох сквозе Вятиче. Посла мя отец» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 247).

² ПСРЛ. Т. 1. С. 248.

³ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. Рис. 1. Ростовская земля в конце XI в. Участок Волги от реки Сестры до реки Вазузы вошел в Ростово-Суздальскую землю не ранее середины XII в. См. Там же рис. 2. Суздальское княжество в середине XII в.

но периодом с 1097 по 1113 г., то есть с момента Любечского съезда, когда появилась проблема поиска нового пути между Смоленском и Ростовом и до прихода Владимира Мономаха на великое княжение в Киев, когда такая проблема перестала существовать¹. Именно в этот период был основан город Владимир Залесский (1108 г.)², а также, мы полагаем, еще две крепости, одна из которых стала впоследствии Москвой, а другая Можайском.

Как было показано выше, догосударственные политические технологии формировали особое отношение людей к привычным им этнокультурным маркерам, в роли которых зачастую выступали древние городища раннего железного века, уже носившие в то время функции более представительские, сакральные, нежели жилые или фортификационные. Эти сакрализованные элементы ландшафта могли служить местом фиксации неких межобщинных правовых коллизий, что приводило к появлению объектов, называемых в русских летописях «места и знамяныя»³. Иначе говоря, в результате заключения договора князь имел право установить на сакральной территории особый знак, «знамянье», или получить часть сакральной территории, «место», для размещения своего представительства. Так в период между 1097 и 1113 гг. на высоком оползневом холме в излучине реки Можайки при впадении в нее Петровского ручья, рядом с одним или двумя древними городищами был построен укрепленный княжеский двор-«место» и православная церковь, что и положило начало городу Можайску.

Из четырех существовавших в округе центров ни Тушков городок, ни Троицкое городище и ни Долгининское, а именно гора в излучине Можайки больше всего была пригодна для контроля нового пути «сквозе вятичи». Ведь от верховьев реки Можай-

¹ К середине XII в., ко времени, когда впервые упомянута Москва, политическая ситуация изменилась совершенно. Смоленская и Ростовская ветви Мономашичей перестали быть союзниками, а черниговские Святославичи, напротив, вступали в союзы то с одними, то с другими. Так, владимирский князь Юрий Владимирович Долгорукий был союзником и тестем своего троюродного брата новгород-северского князя Святослава Ольговича, а сын его родного племянника, смоленский князь Роман Ростиславич воевал с ним из-за Киева и того же Чернигова.

² ПСРЛ. М., 2005. Т. 20. С. 103.

³ ПСРЛ. Т. 1. С. 60.

ки не более 1500 метров до истоков реки Мжуг, которая впадает в реку Протву, впадающую в Оку. Этот речной путь представлял собой кратчайшую дорогу из недружественного Черниговского княжества к верховьям Москвы-реки. Кроме того, в долине Протвы обитало непокоренное еще балтское племя голядь.

Глава 9.

КНЯЖЕСКОЕ «МЕСТО»
МОЖАЙСК В НАЧАЛЕ XII В.

Первоначальная крепость Можайска, как это было установлено археологическими раскопками, располагалась на Можайском городище, на западном мысу большего из двух холмов, составляющих основу Можайского кремля (рис. 13). Укрепления носили традиционный для этого времени характер, были аналогичны ранним укреплениям Москвы и реконструируются нами, вслед за Г. В. Борисевичем, следующим образом (рис. 14). Они представляли собой древесно-гумусную насыпь, структурированную бревенчатыми дубовыми конструкциями и покрытую слоем глины. Первоначальная облицовка вала представляла собой «хаковую» конструкцию: горизонтально уложенные бревна удерживались при помощи деревянных балок с крюками. Балки были «впущены» в вал и удерживались там при помощи свай, пропущенных в специальные отверстия¹. По верху вала была устроена деревянная стена, составленная из срубов. Башен на стенах для крепостей этого времени не предусматривалось². Во второй половине XIII в. вал лишился «хаковой» облицовки, был досыпан и расширен без изменения трассы укреплений³.

¹ Фрагмент такой конструкции, характерной для фортификации XI–XII вв., был найден в апреле 2006 г. при археологических работах внутри Ново-Никольского собора в насыпи вала второй половины XIII в. Полной аналогией данной находки является конструкция вала, обнаруженная в 1959 г. в Московском кремле. Этот факт укрепляет нашу гипотезу о единой программе градостроительства на пути «сквозе вятичи», в рамках которой в начале XII в. были основаны Москва и Можайск. Такая фортификационная традиция уверенно связывается с Польшей и западными княжествами Древней Руси, а привнесение этой практики в московщину фортификацию — с деятельностью Владимира Мономаха и его сыновей. Подробный обзор этого вопроса сделан Т. Д. Пановой (*Панова Т. Д.* Историческая и социальная топография Московского кремля... С. 123–128. Рис. 35, 36, 40–44).

² Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 59.

³ Раскопки в Ново-Никольском соборе весной 2006 г. позволили зафиксировать заглубленную в материк на 50 см прямоугольную постройку с

К востоку от крепости археологически зафиксирован посад, относящийся к XII в. (рис. 15). К северу от посада было небольшое православное кладбище. В первой половине XIII в. посад исчезает, а его место занимает расширившееся православное кладбище¹.

Въезд в крепость был устроен в виде захаба и снабжен проездной воротной башней, в которой, как мы полагаем, находилась церковь². Основанием для реконструкции местоположения ворот служат следующие наблюдения. Известно, что в подклете Ново-Никольского собора находятся белокаменные ворота, наследующие, как полагают, древний въезд в Можайскую крепость³. Археологические раскопки 2005 г. дают основания утверждать, что обнаруженный в подклете Никольского собора въезд в крепость — не самый ранний. Исследования валов внутри подклета Никольского собора показали, что белокаменные ворота основаны не ранее рубежа XIV–XV вв.⁴ Лежащий ниже ярус суглинистого вала, армированного деревом, а также залегающий ниже до материка древесно-гумусный вал, армированный дубовыми клетями, следов воротных конструкций не содержат. Прямо в проеме белокаменных ворот обнаружена постройка XIII–XIV вв., а внутренняя пола древесно-гумусного вала оформлена дощатыми ступенями. Следовательно, еще в конце XIV в., въезд в крепость находился в другом месте.

Археологические исследования 1981 г. позволяют предположить, что ранний въезд в крепость располагался на месте церкви Петра и Павла⁵. В раскопе, примыкавшем к северо-восточному углу этой церкви, с глубины 70–90 см открыт слой коричневой глины мощностью 100 см. Под пластом глины залегал слой насыщенного органикой гумуса, в котором встречались курганная керамика XII–XIII вв. В слое глины также обнаружена курганная керамика того же времени, а также обломок височ-

очагом в углу. Постройка перекрыта внутренней полкой крепостного вала, расширенного во второй половине XIII в.

¹ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскопы 1/1981, 2/2005.

² Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 59.

³ Мокеев Г. Я. Можайск — священный город русских. М., 1992. С. 62.

⁴ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Шурф 10/2005, раскоп 1/2006.

⁵ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 1/1981.

ного кольца вятического типа. Авторы отчета определили слой глины как специальную подготовительную подсыпку, сделанную перед постройкой собора рубежа XIV–XV вв.

В раскопе 2/2005 г. в 15 метрах к югу от церкви Петра и Павла открыта такая же стратиграфия, как и в 1981 г., то есть выявлено два яруса крепостного вала XIV в., перекрывшего кладбище XIII в., под которым открылись напластования селитбы древнерусского времени¹. Валы насыпаны из желто-оранжевого суглинка, армированного бревенчатыми клетями. В связи с этой находкой появляется возможность трактовать слой глины, обнаруженный в раскопе 1/1981, как следы разрушения крепостного вала, находившегося к западу от раскопа 1981 г. Этот вал следует датировать XII–XIV вв., а время его разрушения — началом строительства церкви Петра и Павла, что, по нашему мнению, произошло на рубеже XIV и XV вв. На месте разрушенных валов образовался искусственный холм, возможно устроенный намеренно. Поэтому можно согласиться с мнением А. А. Молчанова и В. В. Кавельмаха, что открытый ими слой коричневой глины — это подсыпка под собор, при этом добавив, что такое искусственное возвышение было устроено на месте древнего земляного въезда в Можайскую крепость. Расположение остатков древних ворот под западной половиной церкви Петра и Павла во многом определило особенности строительной истории этого городского собора. Просадки фундаментов и стен в западной части церкви, заметные и сейчас на остатках древней кладки, привели к потере устойчивости и обрушению западной части церкви в 1844 г.

¹ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 2/2005.

Глава 10.

«МОЖАЙСКИЙ» УДЕЛ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА В XII–XIII ВВ.

После 1113 г. ничто уже не угрожало путям, соединяющим Смоленское и Ростово-Суздальское княжества. С 1113 по 1116 гг. в Смоленске княжил шестой по старшинству сын Владимира Мономаха Вячеслав Владимирович¹. Княжение его не носило чрезвычайного характера и представляло собой один из этапов движения этого князя из Суздаля через Смоленск и Переяславль Южный к Киевскому княжению. А в период с 1116 по 1128 гг. в Смоленске и вовсе не было необходимости держать князя. Здесь правили наместники Владимира Мономаха, а после его смерти — наместники его старшего сына Мстислава Владимировича, унаследовавшего киевский стол². В этот относительно спокойный период изменения коснулись всей Смоленской земли. Не избежала их и крепость-предшественница нынешнего Можайска.

К концу первой трети XII в. функция этого поселения постепенно менялась от княжеской усадьбы-«места» к погосту, игравшему важную роль в процессе феодализации, окняжения и христианизации местного населения. Помимо постоянного гарнизона и воеводы здесь появилось население, обслуживавшее процесс сбора, учета и отправки собираемых податей, а также периодически вершился княжеский суд. К востоку от крепости продолжал существовать небольшой неукрепленный посад. Часть прилегающих с севера пологих склонов холма стали распахивать. В одной из балок было устроено глинище для местных гончаров. Процесс окняжения шел об руку с христианизацией местного населения. Постепенно здесь сформировалась православная община, что подтверждено находками обломков византийских амфор для вина и масла. Служение осуществлялось не только для населения посада, но и для окрестных деревень. Скорее всего, церковь размещалась в башне над воротами

¹ Годы жизни 1083–1154.

² Годы жизни 1077(?)–1132.

в крепость. Рядом с церковью существовало кладбище. Таким образом, древний Можайск постепенно преобразовался из княжеского «места» в погост. Эволюция погоста, в зависимости от исторических обстоятельств, могла пойти двумя путями — от погоста к селу и от погоста к городу. В силу событий, изложенных ниже, Можайск пошел по второму пути.

Владимир Всеволодович Мономах был последним общепризнанным и неоспоримым лидером Древнерусского государства. С его смертью в 1125 г. начался новый и последний период в жизни Киевской Руси, завершившийся гибелью единого государства в результате монголо-татарских нашествий 1238–1240 гг. В основе социально-политических особенностей этого периода лежала формула, выработанная на Любечском съезде князей в 1097 г., — «каждый да держит отчину свою». Теперь технология борьбы за киевский великокняжеский титул, основанная, как и прежде, на праве феодального наследования от брата к брату, получила иное физическое выражение. Как и раньше, за претендентами на великое княжение стояли их дружины, союзники и родственники. Однако, если в предшествующие времена соискатели великого княжения опирались на временно подчиненные им территории, то после решения, принятого в Любече, за их спинами стояли их отчины — неотчуждаемые и неоспоримые части формально единой Киевской Руси. Иначе говоря, теперь за Киевское великое княжение боролись не столько князья, сколько княжества, выдвигающие этих князей, которые, в свою очередь, привлекали для своей борьбы все силы и средства своих отчин¹.

¹ Этот порядок получил свое логическое завершение в 1169 г., когда владимирский князь Андрей Юрьевич Боголюбский взял штурмом Киев, отдал его сначала на разграбление союзным половцам, а потом — в управление своему брату Глебу Юрьевичу. Примечательно то, что Андрей Боголюбский не принял титул Великого князя Киевского, а объявил себя Великим Князем Владимирским. Этим политическим жестом Андрей Боголюбский низвел борьбу за киевский стол с общерусского на региональный уровень. По сути, Андрей Боголюбский сделал великокняжеский титул «отчиной», неотрывной от суверенности Владимиро-Суздальского княжества и принадлежности его потомкам Юрия Владимировича Долгорукого. Тем самым процесс перехода от соперничества князей к соперничеству земель, начатый еще в первой половине XII в., был окончательно завершен. А это значит, что в конце 60-х гг. XII в. в недрах набирающей обороты феодальной раздробленности уже зародились ростки будущего собирания русских земель в единое централизованное государство.

Неудачи на пути к желанному титулу не приводили к политическому краху претендента и всех его наследников, как это часто случалось ранее. Потерпевший неудачу князь возвращался в свою отчину, собирался с силами и испытывал судьбу вновь и вновь. Внешне это проявлялось в своеобразном «мерцающем» княжении, когда тот или иной князь попеременно княжил то в Киеве, то в своем отчинном княжестве. Таким образом, наблюдаемое «мерцающее» княжение — верный признак превращения данного княжества в отчину¹. Получение территорией статуса отчины могло дать дополнительный импульс к урбанизации. Поэтому выяснение времени формирования отчины может стать важной опорой для определения даты основания города поселения или преобразование догородского поселения в город.

В середине XII в. в борьбу за великокняжеский киевский титул вступил смоленский князь Ростислав Мстиславич². Трижды

¹ Такой процесс формирования отчины наблюдается в Ростово-Суздальской земле в первой половине XII в. Седьмой сын Владимира Мономаха Юрий (годы жизни 1090–1157) попеременно трижды княжил в Суздале (1108–1135, 1136–1149, 1151–1155) и трижды боролся за Киевский престол, за что, собственно, и получил прозвище Долгорукий (1135 — Переяславль, 1149–1151 — Киев, 1155–1157† — Киев). Здесь наблюдается «мерцающее» княжение. Следовательно, во второй трети XII в. Ростово-Суздальская земля стала отчиной Юрия Владимировича. Черниговская земля, ставшая, с 1097 г. неоспоримой отчиной Святославичей, в середине XII в. также дает пример «мерцающего» княжения. Черниговский князь Изяслав Давыдович (годы жизни ?–1161), опираясь на Чернигов, шесть раз менял княжение в борьбе за Киев (1152–1154 — Чернигов, 1154–1155 — Киев, 1155–1157 — Чернигов, 1157–1158 — Киев, 1159–1161 — ?, 1162† — Киев).

² Ростислав Мстиславич (годы жизни 1110–1168) трижды правил в Киеве (1154, 1159–1161, 1162–1168), откуда его упорно выбивал его соперник Черниговский князь Изяслав Давыдович. Первая попытка Ростислава Мстиславича закрепиться в Киеве была дважды незаконной. И вот почему. Хоть Ростислав Мстиславич был сыном старшего из княживших в Киеве сыновей Владимира Мономаха, но по нормам наследования по линии Мономашичей, он имел право претендовать на великокняжеский титул только после смерти последнего из сыновей Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого (1090–1157†). Это, во-первых. Во-вторых, была еще линия Святославичей, которая происходила от четвертого сына Ярослава Мудрого — Святослава, то есть была старше Мономашичей, происходивших от пятого сына Ярослава Мудрого — Всеволода. Поэтому Изяслав Давыдович из рода Святославичей, имел больше прав на киевское княжение, нежели Ростислав Мстиславич. К тому же Ростислав был на поколение младше Изяслава. В 1162 г. Изяслав Давыдович в последний раз изгнал

приходил в Киев Ростислав и дважды возвращался княжить в Смоленск, пока окончательно не утвердился в Киеве¹. Его старший сын Роман Ростиславич был смоленским князем 5 раз: два раза он уступал свое княжение изгнанному из Киева отцу и трижды пытался сам удержаться в Киеве². Такое «мерцающее» княжение указывает на то, что к середине XII в. Смоленское княжество выделилось из отчины Владимира Мономаха в качестве отчины его внука Ростислава Мстиславича.

С этого момента отчины начали формироваться уже внутри самого Смоленского княжества, ведь только опираясь на собственные отчины, дети Ростислава Мстиславича могли строить свою политическую карьеру как внутри Смоленского княжества, так и за его пределами. Это неизбежно привело к изменению статуса региональных центров Смоленской земли, возникновению новых городов и трансформации догородских поселений в города. Поэтому важно попытаться выявить границы и время возникновения отчин, образовавшихся в Смоленском княжестве, а также определить место в этих процессах древнего Можайска.

Усмоленского князя Ростислава Мстиславича (1110–1168†) было пять сыновей: Роман (1180†), Мстислав (1180†), Рюрик (1214†), Давыд (1140–1197†), Святослав (1169†)³. Разделение территории княжества, произошедшее, вероятно, еще при жизни Ростислава Мстиславича, реконструируется как система шести уделов, в пяти из которых княжили его сыновья, а шестой принадлежал семье в целом (рис. 16)⁴. Неизменность удельного деления в сочетании с признаком «мерцающего» княжения позволяют предполагать, что

Ростислава Мстиславича из Киева и в том же году умер. После него не осталось претендентов на великое княжение со стороны Святославичей старше по происхождению, чем Ростислав Мстиславич, который стал киевским князем и был им до своей смерти в 1168 г. Следовательно, с точки зрения правил наследования, первые два периода княжения в Киеве смоленского князя Ростислава Мстиславича были незаконными.

¹ Годы княжения в Смоленске Ростислава Мстиславича: 1125–1154, 1154–1159, 1161.

² Годы княжений Романа Ростиславича: 1154 (Смоленск), 1159–1161 (Смоленск), 1161–1171 (Смоленск), 1171–1173 (Киев), 1173–1174 (Смоленск), 1175–1177 (Киев), 1177–1180† (Смоленск).

³ Иногда упоминают еще шестого сына Юрия.

⁴ В качестве исторической подосновы использована карта Смоленского княжества, подготовленная Л. В. Алексеевым и опубликованная Б. А. Рыбаковым: *Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества*. М., 1982. С. 525.

уже при жизни Ростислава Мстиславича в рамках удельных владельческих прав начинают формироваться элементы «отчинного» права, окончательно возобладавшие после 1168 г. (рис. 17)¹.

Общий удел (1)², принадлежащий всей семье, занимал запад нынешней Смоленской области и включал в себя земли от Велижа до Рославля, а также Смоленск с прилегающими землями. Время образования удела относим к середине XII в.

Старший сын Ростислава Мстиславича, Роман и его потомки связаны с Мстиславльским уделом (2), занимавшим юго-запад Смоленского княжества от Днепра до Мстиславля. Эти земли ныне входят в состав Беларуси. Начало формирования элементов «отчинного» права, судя по признаку «мерцающего» княжения, датируется серединой XII в.³

Второй сын Ростислава Мстиславича, Мстислав и его потомки связаны с Торопецким уделом (3), находившимся в верховьях рек Кунья и Западная Двина. Западная половина этой территории находится ныне в Псковской области, восточная — в Тверской⁴.

Третий сын Ростислава Мстиславича, Рюрик, и его потомки связаны с Вяземским уделом (4), который в середине XIV в. разделился на Вяземское и Дорогобужское княжества. Теперь эта территория составляет центральную и восточную часть Смоленской области⁵.

¹ Порядок старшинства сыновей Ростислава Мстиславича, границы их отчин и некоторые другие вопросы истории Смоленского княжества подаются здесь без детальной аргументации, так как эти вопросы выходят за рамки повествования.

² Разумеется, название «Общий» здесь условно.

³ Годы и города княжения Романа Ростиславича: 1154 (Смоленск), 1154–1159 (без княжения), 1159–1161 (Смоленск), 1161 (без княжения), 1161–1171 (Смоленск), 1171–1173 (Киев), 1173–1174 (Смоленск), 1175–1177 (Киев), 1177–1180† (Смоленск). Два периода Роман Ростиславич не значится никаким князем. В эти годы он уступает Смоленское княжение своему отцу Ростиславу Мстиславичу, изгнанному из Киева, и существует только за счет своей отчины, как и его сын Ярополк Романович (1174†), который сам уступал отцу Смоленское княжение, когда того изгоняли из Киева в 1173 и в 1177 гг.

⁴ Мстислав Ростиславич княжил в Смоленске в 1175–1177 гг., а затем до своей смерти в 1180 г. был новгородским князем. Его сын Мстислав Мстиславович Удалой (1228†) с 1181 по 1213 г. был торопецким князем. Второй сын Мстислава Ростиславовича, Давыд, значился торопецким князем до своей гибели в 1226 г. в битве с литовцами близ Усвята.

⁵ Рюрик Ростиславич (1214†?) княжил в Киеве шесть раз (1173, 1180–1182, 1194–1202, 1202–1203, 1206, 1207–1210). В ходе своей непрерывной

Четвертый сын Ростислава Мстиславича, Давыд, после смерти в 1169 г. пятого сына Ростислава Мстиславича, Святослава, оказался владельцем двух уделов Фоминско-Березуйского (5) и Можайского (6)¹. Фоминско-Березуйский удел занимал северо-восточную часть Смоленского княжества и включал в себя верховья реки Березы и правобережье Волги от истока до реки Шоша. Ныне эта территория входит в Тверскую область. Границы Можайского удела, вошедшего в 1303 г. в состав Московского княжества, определяются на основании «волостей Можайских», перечисленных в 1389 г. во второй духовной грамоте Дмитрия Ивановича Донского². На севере и востоке удел включал реку Икону и верховья реки Рузы³, на западе — реку Гжать.

40-летней борьбы за Киев он воевал с представителями всех княжеств-отчин, яростно претендовавших на великое княжение, в том числе и со своим старшим братом Романом Ростиславичем. В 1204 г. Рюрик Ростиславич был пострижен в монахи. Однако через год он сбросил рясу и вновь в 1206 г. стал великим князем Киевским. Важно отметить, что Рюрик никогда не был Смоленским князем, следовательно не мог опираться на Смоленское княжество в целом как на свою отчину. Только его собственная отдельная отчина, находившаяся внутри Смоленского княжества, могла дать ему возможность вести, с переменным успехом, 40-летнюю борьбу за Киевское княжение и не превратиться в князя-изгоя. То же касается и его потомков. Характерно, что после смерти Рюрика Ростиславича (предположительно в 1214 г.) его сын Владимир Рюрикович занимает Смоленский стол (1214–1219 гг.), а через 10 лет становится великим князем Киевским (1224–1235 гг.).

¹ В данном случае название «Можайский» применено нами условно, поскольку точное название этого удела нам не известно. Два удела оказались в руках одного князя, возможно, потому, что Рюрик Ростиславич, главный претендент на удел, оставшийся в 1169 г. после смерти Святослава Ростиславича, пребывал в непрерывной борьбе за Киевское княжение. Впрочем, как и остальные его братья — Мстислав и Роман. А Давыд Ростиславич, у которого не было надежд дожидаться своей очереди княжить в Киеве, занял возможность получить не один, а два удела внутри Смоленского княжества.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 34.

³ Ряд исследователей, вслед за П. В. Голубовским (*Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895*), предлагают провести восточные границы смоленских земель XII–XIII вв. гораздо восточнее, вплоть до устья Пахры и Протвы, опираясь на поиск фонетической схожести населенных пунктов, указанных в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича с современными топографическими названиями (Литературу об уставной грамоте см.: датировка — *Щапов Я. Н. Смоленский устав князя*

Можайский и Фоминско-Березуйский уделы разделились вновь только после смерти Давыда Ростиславича в 1197 г.¹ Фоминско-Березуйский удел отошел к его сыну Константину Давыдовичу² и остался отчиной его потомков, уже никогда не претендовавших ни на Смоленское, ни на Киевское княжение. Можайский удел стал отчиной другого его сына, Мстислава Давыдовича,³ и сохранялся за его потомками до 1303 г., когда был отобран Юрием Даниловичем Московским.

В последней четверти XII — первой трети XIII в. Можайский удел представлял собой лесной край, живущий в меньшей степени за счет земледелия, в большей — за счет лесных промыслов и в значительной части за счет торговых и транзитных путей из Черниговского княжества в Смоленскую, Владимиро-Суздальскую и Новгородскую земли. Никаких городов, в нынешнем научном смысле этого слова, в этот период здесь не было⁴. Система княжеских погостов, в числе которых был и Можайск, давала необходимый доход, позволивший Мстиславу Давыдовичу в течение 22 лет спокойно дожидаться своей очереди на Смоленское княжение⁵.

Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 39; текст грамоты — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–145). Такой подход подвергся обоснованной критике (*Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 256*).

¹ Давыд Ростиславич был смоленским князем с 1180 до 1197+ г.

² Константин Давыдович умер в 1218 г. Один из его сыновей, Юрий Константинович, положил начало роду князей Козловских. Другой его сын, Глеб Константинович, стал родоначальником князей Фоминских.

³ Годы жизни Мстислава Давыдовича: 1193–1230+. Годы смоленского княжения: 1219–1230+.

⁴ Этот вопрос обсуждался в разделе «Можайское городище в древнерусский период». Подробнее см.: *Куза А. В. Социально-историческая типология среднерусских городов X–XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6.; Древнерусское градостроительное искусство X–XV вв. М., 1993. С. 28–29.*

⁵ После смерти в 1197 г. Давыда Ростиславича, его сын Мстислав Давыдович не мог сразу получить Смоленское княжение. Прежде всего, в 1197 г. он был четырех лет от роду. Кроме того, перед ним было достаточно претендентов на Смоленское княжение. С 1198 по 1214 г. в Смоленске княжил старший в роду Смоленских Ростиславичей Мстислав III Романович Старый, ушедший затем на Киевский стол. С 1214 по 1219 г., после неуспешной попытки вокняжиться в Киеве, в Смоленске княжил следующий по старшинству Владимир Рюрикович, вновь отправившийся добывать Киевский стол. В 1220 г. умер старший из Смоленских

Прокняжив 10 лет в Смоленске, в 1230 г. Мстислав Давыдович умер. В тот год и в следующий Смоленск поразили мор, погубивший 32 тыс. горожан, а возможно, и самого 37-летнего князя¹. Ослабевшее княжество подверглось нападению литовского князя Миндовга². И все эти напасти совпали с началом 10-летней войны за Смоленское княжение. Драматические события этого периода наглядно демонстрируют, насколько далеко зашел к этому времени процесс всеобщей раздробленности, охвативший не только экономику и политику Древней Руси, но и само мироощущение всех слоев общества. Ведь даже после 1238 г., когда чудом уцелевшее Смоленское княжество закружилось в водовороте событий обломком некогда единой страны, ничто не могло остановить беспощадной борьбы за Смоленский стол между потомками братьев Ростиславичей — Романа и Давыда.

Как уже упоминалось, Роман был старшим сыном Ростислава Мстиславича, а Давыд — четвертым. Спор из-за Смоленского княжения возник между их внуками. Двое внуков Романа Ростиславича Святослав и Всеволод Мстиславичи³ имели все преимущественные права на Смоленское княжение как старшие в роду смоленских князей. Им противостоял единственный внук Давыда Ростиславича Ростислав Мстиславич⁴, который после смерти своего отца в 1230 г. решительно занял Смоленский стол в обход старшинства⁵. Есть основания

Ростиславичей Игорь Романович. Следующие по старшинству Владимир и Давыд Мстиславичи княжили соответственно во Пскове и в Торопце и по каким-то причинам не выступили претендентами на Смоленский стол. Следующий по старшинству Ростислав Рюрикович умер в 1218 г. Наконец, родной брат Мстислава Давыдовича Константин также умер в 1218 г. Таким образом, Мстислав Давыдович, ждавший своего часа 22 года, в 1220 г. стал смоленским князем.

¹ «В лето 6738 (1230). Тогож лета бысть мор силен в Смоленсцѣ, створиша 4 скудельници и положиша в дву 16 тысяч, а в третьей 7000, а в четвертой 9000. Се же бысть по два лета» (ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 125).

² Годы правления литовского князя Миндовга: 1230–1263.

³ Святослав Мстиславич (12-е колено), годы Смоленского княжения (1232–1239+). Всеволод Мстиславич (12-е колено), годы Смоленского княжения (1239–1249+).

⁴ Ростислав Мстиславич (12-е колено), † после 1240, годы Смоленского княжения (1230–1232, 1239).

⁵ Борьба за Смоленское княжение была особо острой еще и потому, что только потомки первого из Ростиславичей Романа Ростиславича и четвертого из Ростиславичей Давыда Ростиславича сохраняли право на

полагать, что в борьбе за Смоленское княжение Ростислав Мстиславич опирался не только на свою Можайскую отчину на крайнем востоке Смоленской земли, но и на литовского князя Миндовга, являясь его ставленником. Святослав Мстиславич, княживший тогда в Полоцке, смог противопоставить Ростиславу только полоцкие полки. Вероятно, его Мстиславльская отчина, находившаяся на юго-западе Смоленского княжества, оказалась к тому времени в руках Миндовга. В 1232 г. Смоленск был взят штурмом, после чего приведенные Святославом полочане учинили в городе резню¹. Ростислав вынуждено отступил в свою можайскую отчину, где его застали события грозного 1238 г.

Считается, что к 1238 г. у Ростислава Мстиславича было четверо сыновей: Константин, о котором ничего, кроме имени, не известно, а также Глеб, Михаил и Федор². Все они имели прямое право на Смоленское княжение. Но в обычных условиях практически не имели бы на это никаких шансов. Ведь перед ними стояли внуки старшего из Ростиславичей, Романа Ростиславича, — Святослав и Всеволод Мстиславичи, у которых тоже могли оказаться сыновья, обладавшие правом старшинства перед сыновьями Ростислава Мстиславича. Однако случилось так, что ни Святослав, ни Всеволод не оставили сыновей, поэтому единственным препятствием на пути

Смоленское княжение. Сыновья второго из Ростиславичей Мстислава Ростиславича в Смоленске не княжили, поэтому все его потомки уже не имели прямого выхода на Смоленское княжение. Сын третьего из Ростиславичей Рюрика Ростиславича Владимир Рюрикович в Смоленске княжил (1214–1219). Однако ни брат Владимира Ростислав, умерший в 1218 г., ни его сын Андрей Владимирович, погибший в 1223 г. на Калке, ни его брат Ростислав Владимирович, так и не стали смоленскими князьями. Поэтому все потомки Рюрика Ростиславича уже не могли выйти за пределы своей Вяземской отчины. Сын четвертого из Ростиславичей Давыда Ростиславича, Константин, умерший в 1218 г., не успел стать Смоленским князем. Поэтому эта часть потомства Давыда Ростиславича сформировала фоминских и козловских князей, не имевших прямого выхода на смоленское княжение.

¹ «В лето 6740 (1232)... В то же лето взя Святослав Мстиславич, внук Романов, Смоленск на щит с полочаны, на память святых мученик Бориса и Глеба, исече смолнян много, а сам седе на столе» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 281).

² Глеб Ростиславич (годы Смоленского княжения 1249–1278+). Михаил Ростиславич (годы Смоленского княжения 1278–1279+). Федор Ростиславич (годы жизни ок. 1238 — 1298+), (годы Смоленского княжения 1280–1297).

сыновей Ростислава Мстиславича к Смоленскому княжению могли стать исторические обстоятельства. Ведь Смоленское княжество оказалось в этот период между двух огней — татаро-монгольским нашествием и литовским завоеванием.

Глава 11.
«БОЛЬШАЯ ОБЛАВА».
НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ
1237–1238 гг.

События 1237–1238 гг. подробно изложены в большинстве списков русских летописей¹. На основании этих сведений маршрут военного похода хана Батыя (Бату) 1237–1238 гг. традиционно реконструируют следующим образом² (рис. 18). После битвы на реке Воронеж хан двинулся на Рязань. Его основными силами или отдельным отрядом был взят город Пронск. С 16 по 21 декабря 1237 г. захвачена Рязань. Затем войска Батыя подошли к Коломне, возле которой около 1 января 1238 г. произошла битва, проигранная объединенным русским войском. Далее татаро-монгольские войска направились вверх по Москве-реке, и с 15 по 20 января 1238 г. они овладели Москвой. Через долину реки Сходни Батый переходит на Клязьму и к 3 февраля 1238 г. подходит к Владимиру, который за три дня, с 5 по 7 февраля, был взят.

Из военного лагеря под Владимиром Батый разослал три отряда (тумена). Один отряд взял Суздаль и вернулся в основной лагерь. Другой отряд отправился вниз по Клязьме до Оки и Волги, оттуда двинулся вверх по реке Волге, захватил Городец, Кострому, затем Галич Мерьский. Третий отряд (тумен Бурундая) был направлен в погоню за владимирским князем Юрием

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 460–466, 514–522; Т. 3. С. 74–76, 286–289; Т. 4. С. 215–222; Т. 6. Вып. 1. С. 287–300; Т. 10. С. 105–113; Т. 16. С. 51; Т. 20. С. 156–158; Т. 22. С. 396–400; Т. 23. С. 74–76; Т. 24. С. 92–94; Т. 25. С. 126–130; Т. 43. С. 90–92; Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005. С. 106.

² Недавно подробное исследование на эту тему опубликовал К. И. Комаров, из работы которого взята в качестве исторической подосновы карта для иллюстрации 18 (*Комаров К. И. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1237–1238 гг.)* // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006. С. 16–39). См. также: *Мазуров А. Б. О датировке сражения русских дружин с монголо-татарами под Коломной зимой 1237–1238 гг.* // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997; *Песков Д. Железный век*. Опубликовано в интернете: <http://www.kulichki.com/~gumilev/debate/Article07.htm>.

Всеволодовичем. Войско двигалось по следам князя через сдавшиеся и сожженные Ростов, Ярославль, вверх по Волге до устья Шексны и Мологи, оттуда вверх по Мологе до устья Сити, где князь был настигнут, окружен и разгромлен 4 марта 1238 г.

После взятия Владимира основные силы татаро-монголов двинулись через Юрьев-Польской к Переяславлю-Залесскому. Отсюда осадная техника и тяжелые грузы в сопровождении части войска были отправлены по рекам Нерль и Волга к Твери. Основное войско достигло Твери другим путем: через Дмитров и Волок Ламский. Тверь была взята сходу, и войска Батыев вверх по реке Тверце направились к Торжку, где оказались 21 февраля. Ожесточенное сопротивление жителей города затянуло осаду до 5 марта 1238 г. Во время двухнедельной осады часть войска Батыев пустилось в погоню за беженцами («все людье секуще, акы траву»), ухидившими по «Селигерскому пути». Преследование остановилось в 100 верстах от Великого Новгорода у Игнача Креста.

Собравшись на совет, татаро-монголы решили разделиться на тумены и идти дальше облавой «и всякий город, область и крепость, которая им встретится, брать и разорять»¹. С этого момента, как полагают исследователи, войско Батыев повернуло на юг к Козельску, где простояло в осаде 7 недель до лета. Лишь по приходу дополнительных войск, город был взят в три дня, после чего армия хана ушла в половецкие донские степи. При таком маршруте отступления от Твери войско Бату весной 1238 г. неизбежно должно было пройти через Смоленское княжество. Однако ни летописных², ни археологических³ данных о разгро-

¹ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.

² В тех летописях, где рассказ о первом походе Батыев приведен целиком, существует две основных формулы повествования. В первом случае поход к Игначу Кресту и осада Козельска разделены точкой, заголовком «О Козельске» или датой. В любом случае, по смыслу соединять Игнач Крест и Козельск, как это традиционно принято, некой воображаемой линией, по которой прошло войско Батыев, нет оснований (ПСРЛ. Т. 4. С. 215–222; Т. 20. С. 156–158; Т. 23. С. 74–76; Т. 43. С. 90–92). Вторая формула более явственно разделяет походы к Игначу Кресту и к городу Козельску, уточняя, что от Игнача Креста Батый повернулся вспять (ПСРЛ. Т. 1. С. 460–466, 514–522; Т. 6. Вып. 1. С. 287–300; Т. 22. С. 396–400; Т. 24. С. 92–94; Т. 25. С. 126–130). И только в Никоновской летописи весь маршрут от Игнача креста до Козельска приведен полностью: «Оттуда же возвратися Батый к Рязани, и иде ко граду Козельску...» (ПСРЛ. Т. 10. С. 112).

³ На территории нынешней Смоленской области, кроме Смоленска, известно 5 древнерусских городов: Велиж, Вязьма, Дорогобуж, Ельня и

ме Смоленского княжества в 1238 г. не имеется. Характерно, что нет никаких данных о стычках татарских и литовских войск, что было бы весьма вероятно, если бы татаро-монголы двигались облавой сквозь Смоленское княжество, на территории которого шла война Смоленского князя Святослава Мстиславича с литовским князем Миндовгом¹. Кроме того, возникает вопрос, как «идти облавой» через леса и болота Смоленско-Клинской гряды и без того нагруженному добычей конному войску в марте? Неясно, кто принимал такое решение, и где проходил совет? Непонятно, как взаимодействовали остальные силы татаро-монголов, вторгшиеся на Русь зимой 1237–1238 гг.? Эти и многие вопросы не находят убедительного ответа в рамках гипотезы «большой облавы», якобы прокатившейся от Твери к Козельску через весенние хляби смоленских лесов.

В летописном рассказе о Батыевом нашествии содержится сообщение о том, что тумен Бурундая (отряд, посланный в погоню за владимирским князем Юрием Всеволодовичем), выполнив свою задачу, собрав добычу и пленных «шед Шереньского леса, и стаха станы ту»². С. З. Чернов в своих работах убедительно показал, что «Шереньский лес» следует искать на реке Шерна между Москвой и Переяславлем-Залесским на границе нынешней Московской и Владимирской областей³. Здесь, как показали археологические и историко-ландшафтные исследования, на Старой Переяславской лесной дороге располагался погост, известный в духовной грамоте Дмитрия Донского как «Шерна городок», а в писцовой книге 1623–1624 гг. как «Могутово, Ше-

Ростиславль. Ни в одном из этих городов не отмечено археологических свидетельств разгрома 1238 г. (Археологическая карта России. Смоленская область. М., 1997. Часть 1. № 270; Часть 2. № 783, 829, 882, 1170). Тщательная картографическая фиксация древнерусских селищ по Москве-реке показала, что селища ниже города Москвы прекращают свое существование в первой половине XIII в., что связывают с походом Батыев 1238 г., тогда как селища выше города Москвы прекращают свое существование только в конце XIII в., что связывают с походом Дюденя 1293 г. (Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. С. 19, 22–23, Рис. 5).

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 115. Известно, что в следующем 1239 г. великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович вынужден был пойти походом на литовцев, чтобы снять осаду Смоленска.

² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 294–295.

³ Чернов С. З. Раскопки на селище Могутово 2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII в. // АО. 2002 г. М., 2003; Чернов С. З. Усадьба на посаде Шерны // Русь в IX–XIV вв. М., 2005.

ренское городище тож». Здесь с XII в. находился традиционный пункт сбора войск¹. Мы полагаем, что погост в Шернском лесу был выбран как пункт сбора татаро-монгольских войск после зимней кампании. Помимо тумена Бурундая, сюда вернулись и остальные отряды, отправленные на Городец, Кострому и Галич, а также на Тверь и Торжок. Вероятно, именно здесь состоялся совет, на котором вырабатывались планы дальнейших действий. Из-за приближающегося вскрытия рек решено было основной лагерь перенести к Рязани, а оттуда уже двигаться посуху туменами облавой к Козельску. В Никоновской летописи маршрут от Игнача Креста до Козельска описан так: «Оттуда же возвратися Батый к Рязани, и иде ко граду Козельску...»².

Все перечисленные обстоятельства дают основание полагать, что весной 1238 г. после Игнача Креста батыево войско повернуло обратно, а поход на Козельск проходил не через Смоленское княжество, а от Рязани на запад через Черниговские земли. Дополнительным аргументом для такой реконструкции служит стабильность Торопецкой, Фоминско-Березуйской, Дорогобужской и Вяземской удельных династий Смоленского княжества на протяжении XIII–XIV вв., вплоть до захвата этих княжеств Литвой. Все вышесказанное касается и Можайского удела, избежавшего не только татарского разгрома, но и литовских набегов. Именно эти обстоятельства позволили Ростиславу Мстиславичу и его сыновьям Глебу, Михаилу и Федору продолжить через некоторое время борьбу за Смоленское княжение.

¹ В летописной записи за 1177 г. читаем: «Князь же Всеволод поеха к нему за Переславлем под Шерньским лесом в то же время приехали к нему Новгородци» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 382, 383).

² ПСРЛ. Т. 10. С. 112

Глава 12.

«...СИИ ИЗОБИДЕША ЕГО, И ДАША ЕМУ ГРАД МОЖАЕСК ЕДИН...» ОТ ПОГОСТА К ГОРОДУ

Вторую и последнюю попытку укрепиться на Смоленском столе Ростислав Мстиславич предпринял в 1239 г. после смерти смоленского князя Святослава Мстиславича. В том году тумены хана Батые разгромили Черниговское княжество и, как полагают, выслали разведку к Смоленску¹. Более весомую угрозу для Смоленска представлял Миндовг, вновь напавший на княжество. Литовский князь, преследуя свои интересы, вероятно, вновь способствовал Ростиславу Мстиславичу занять Смоленский стол в обход теперь уже Всеволода Мстиславича. У Всеволода, последнего из потомков Романа Ростиславича, не было тогда ни княжения, ни отчины, поэтому ему в борьбе с литовцами и Ростиславом пришлось прибегнуть к помощи великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. И снова Ростислав Мстиславич был изгнан из Смоленска². В следующем 1240 г. он попытался захватить Киев, однако в том же году был пленен Даниилом Мстиславичем Галицким и пропал со страниц летописей теперь уже навсегда³. Лишившиеся отца Глеб, Михаил и

¹ Известию записанного в XV в. «Слова о Меркурии Смоленском» о походе татар в 1239 г. на Смоленск доверяют далеко не все исследователи. Однако, даже если такой поход имел место, видимого влияния на Смоленское княжество он не оказал. Подробнее об этом см.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 5. С. 164–166; Хрусталев Д. Г. Русь: от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2004. С. 144.

² «В лето 6747-е (1239)... Того же лета князь велики Ярослав Всеволодич, внук Юрья Долгорукаго, ходи на Литву, и победи их Смолнян бороня, и посади у них Всеволода Мстиславича, внука Романа Мстиславича, шурина же брата своего Константина Всеволодича» (ПСРЛ. Т. 10. С. 115).

³ «В лето 748 (1240). Посла Батый Мелгукаса согладати Киева. Он же шед, ста у городка Песочнаго; виде Киев, удивися красоте его и величеству; посла послы на нь ко князю Михаилу Всеволодичю Черниговскому с лестию. Он же тех избиша, а сам бежа ко сыну во Югру; а Ростислав Мстиславич, внук Давыда Смоленского, пришед седе в Киеве. Данило же Мстиславич, внук Мьстислава Изеславича, пришед на нь, ят его, а

Федор Ростиславичи сидели в своей Можайской отчине вплоть до 1249 г., когда со смертью Всеволода Мстиславича исчезли последние преграды на их пути к Смоленскому княжению¹.

Неизвестно, оставил ли Ростислав Мстиславич духовную грамоту, по которой определялся раздел его отчины между сыновьями, однако очевидно, что к 1249 г. такой раздел формально должен был состояться. Суть этого раздела донесена до нас в летописном известии от 1277 г.: «В лето 6785... Федор, о нем же ныне глаголем, да брат его Глеб, да Михайло, сии изобидеша его, и даша ему град Можаяск един; а брат его Глеб на великом княжении сядяше в Смоленске. А князю Федору Ростиславичю, о нем же днесь глаголем, сядящу в Можайску, еще не имущу жены...»². Ко времени летописной записи 38-летний Федор Ростиславич Черный (Чермный) уже был Ярославским князем, имел детей, был увенчан воинской славой, обласкан ханом. Тем не менее, и через 30 лет несправедливый раздел наследия Ростислава Мстиславича привлекал внимание летописца. В чем же была обида, нанесенная братьями малолетнему Федору, и какое значение имело это событие для истории города Можайска?

Можайская отчина Ростислава Мстиславича в первой половине XIII в. представляла собой лесной край, в котором не было ни городов, ни крупных открытых поселений. Известно несколько небольших погостов, в числе которых, возможно, был Можайск да малодворные деревни, расположенные вдоль рек. Христианизация края не была еще завершена и ограничивалась погостами с округой. Население, как и ранее, жило в меньшей степени сельским хозяйством, занимаясь преимущественно лесным промыслом и обслуживанием многочисленных транзитных путей: из Черниговской земли в Новгородскую, из Смоленской — в Ростово-Суздальскую. Именно этой отрасли был нанесен особый урон в ходе татаро-монгольского нашествия на соседние княжества в 1238–1240 гг. Поэтому в крае царило за-

Киев даст Дмитрови своему держати противу безбожных» (ПСРЛ. Т. 20. С. 158–159).

¹ Глеб Ростиславич был Смоленским князем в 1249–1278(+) гг., Михаил Ростиславич — в 1278–1279(+) гг., Федор Ростиславич — в 1280–1297 гг. С тех пор Смоленское княжение находилось в руках потомков Глеба Ростиславича вплоть до 1404 г., когда волею литовского князя Витовта последний смоленский князь Юрий Святославич лишился своего титула, а княжество — своего независимого статуса.

² ПСРЛ. Т. 10. С. 154.

пустение¹. В этих условиях единственным источником существования для княжеской семьи, владевшей Можайской отчиной, был совокупный доход, получаемый со всей земли. Небольшой погост Можайск, взятый отдельно сам по себе, без тяготеющей к нему округи, без связанных с ним сборов и пошлин, словом, в том виде как он обозначен в летописи, «Можаяск един», не мог составлять удела, так как не давал необходимых средств. Тем не менее, братья Глеб и Михаил не оставили 10-летнему Федору никакого выбора, «изобидеша его, и даша ему град Можаяск един». При этом «брат его Глеб на великом княжении сядяше в Смоленске» и продолжал удерживать все доходы отчины, справедливо опасаясь за свое великокняжеское будущее.

Остаются неизвестными опекуны малолетнего Федора Ростиславича, которым пришлось решать, как вырастить княжича, как не допустить превращения его в князя-изгоя и как сохранить ему права на Смоленское княжение. Был только один способ добиться этого — приобрести для малолетнего князя отчину, с доходов от которой тот мог бы существовать, дожидаясь своего часа. Следовательно, предстояло превратить «Можаяск един», доставшийся Федору Ростиславичу, из погоста в город, не номинально, а фактически, то есть развить здесь все функции, присущие городскому поселению: административную, религиозную, военную, ремесленную, торговую, налоговую. Для этого надлежало сформировать вокруг крепости систему посадов и слобод, построить церкви, обустроить торговлю, обеспечить транспортные возможности. Все это в итоге должно было вместить в себя необходимую систему налогов и сборов, нужных для существования и развития отчины, а также для «кормления» князя, его дружины и администрации. Судя по тому, что в 1277 г. Можайск назван «градом»², поставленная задача была выполнена. Основным фактором, способствовавшим трансформации Можайска из погоста в город, стал начавшийся в середине XIII в. приток сюда населения из разоренной Черниговской земли, с верхней Оки и Протвы³.

¹ Археологическим свидетельством такого запустения служит, например, разрастание весьма аскетичного православного кладбища, заполнившего все пространство прежней селитьбы к востоку от крепости. (Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 2/2005).

² ПСРЛ. Т. 10. С. 154.

³ Возможно, с этим населением связано появление в культурном слое Можайска второй половины XIII — начала XIV в. белоглиняной керамики,

Превращение Можайска из погоста в город никак не отразилось на внешнем виде первоначальных укреплений. Крохотная крепость площадью 2 тыс. кв м, расположенная на одном из мысов оползневого холма, просто не могла вместить не только городскую функцию, но и новый большой княжеский двор. Археологические работы в кремле не открыли напластований XIII в. вне зоны слоя древнерусского времени. Селитьба разрасталась на окрестных территориях. Основной посад фиксируется на левом берегу Можайки напротив кремля в урочище Брыкина гора. На правом берегу Можайки, к северу от кремля, также фиксируется пятно селитьбы XIII–XIV вв. (рис. 19). Княжеский двор середины – второй половины XIII в., следует искать либо на Брыкиной горе, либо на высоком холме на правом берегу Можайки в районе церкви Иоакима и Анны.

Итоги раздела наследства Ростислава Мстиславича способствовали тому, что Можайск быстро приобрел черты города-отчины. Ведь в условиях отсутствия конкуренции со стороны других поселений, Можайск не только быстро «кристаллизовал» вокруг себя систему соподчинения города и округи, но и начал активно проникать во все уголки бывшей отчины Ростислава Мстиславича, быстро превращая ее в княжество, управляемое стольным городом. Ибо нормы феодального законодательства предполагали осуществление права собственности не только на территории, но и на сборы и повинности, зачастую далеко простирающиеся за пределы собственно земельных владений. Поэтому отчинное право на новые сборы и повинности, связанные с функционированием городского поселения, активно подчиняло Можайску территории, формально ему не принадлежащие. В итоге все доходы стали формироваться в рамках системы отчины Федора Ростиславича, а от старой отчины его братьев, в административном и экономическом плане, не осталось и следа. Это обстоятельство привело к конфликту между Федором Ростиславичем и его племянниками, сыновьями старшего брата Глеба, что, в свою очередь, закончилось переходом прав собственности на Можайское княжество от смоленских великих князей к московским.

Летописное известие 1293 г. застает этот конфликт в самом разгаре¹. Однако на фоне беспощадной войны между сыновья-

совершенно не характерной для Смоленского княжества, однако хорошо известной калужским археологам.

¹ «В лето 6801. Идоша во Орду ко царю князи Рустии жаловатися на великого князя Дмирея Александровича Владимерскаго... Царь же

ми Александра Невского за Владимирское великое княжение можайский конфликт почти не заметен. «Дюденева рать», как прозвали это очередное татаро-монгольское нападение, сопровождаемая теперь уже самими русскими князьями¹, прошла старым Батыевым путем и в очередной раз razорила все Владимирское княжество, взяв 14 городов «и всю землю пуста створиша». Однако на этот раз отряд, шедший вверх по течению Москвы-реки, зашел существенно дальше на запад в сравнении с 1238 г. Он дошел до верховьев Москвы-реки и razгромил город Можайск², принадлежащий соседнему Смоленскому княжеству. Выходит, что союзник Андрея Александровича Городецкого Федор Ростиславич Черный «навел татар» на Смоленское княжество, где он к этому времени законно княжил уже 13 лет, да к тому же еще и razорил свою отчину, город Можайск. В настоящее время в литературе существует два объяснения произошедшему.

розслуша их жалобу... и отпусти с ними брата своего Дюдены со множеством вой... Рать же Татарская, со князем Андреем Александровичем Городецким и со князем Федором Ростиславичем Ярославским пришедше, взяша Владимир... и Суздаль, и Юрьев, и Переславль, Дмитров, Москву, Коломну, Можаяск, Волок, Угличе поле, всех градов взяша 14, и всю землю пуста створиша» (ПСРЛ. Т. 10. С. 168–169).

¹ «Наведение татар на Русь» выглядит неприемлемым с нравственной точки не только в наших глазах, но и на взгляд современников этих событий. Например, епископ Серапион Владимирский так сказал о нравственном климате, воцарившемся на Руси: «Зависть умножилася, злоба перемаже ны, величанье възнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша, несытовство имения поработи ны, не дасть миловати ны сирот, не дасть знати человеческого естества — но, акы зверье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаем и не перестанем, абы всех погубити, а горкое то именье и кровавое к собе пограбити; зверье едше насыщаються, мы же насытитися не не можем: того добывше, другого желаем!» (Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981. С. 448). Тем не менее, с позиций феодального права, именно это и должно было произойти. Вассалы монгольского хана пожаловались своему сюзеру на своего обидчика, такого же вассала, получившего из рук хана ярлык на княжение и не выполнившего своих обязанностей. Долгом сюзерена является защита вассала, иначе обязательства вассалитета теряют силу. Поэтому сюзерен своими военными силами наводит порядок. Однако такая «нормальная» логика уже не находила безоговорочной опоры в обществе. Так, под нравственным влиянием православной церкви, рождалась новая русская духовность, уже в конце XIII в. выходявшая за рамки обычных феодальных представлений о мире.

² В археологическом материале этот поход обернулся гибелью всех селищ выше Москвы-реки, уцелевших в первой трети XIII в. (Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. С. 23. Рис. 5).

Одно принадлежит перу А. А. Горского, другое — А. В. Кузьмину. А. А. Горский полагает, что Федор Ростиславич Черный в 1293 г. отбивал Можайск у Даниила Московского, который захватил город еще до 1293 г.¹ А. В. Кузьмин считает, что Можайск был разгромлен Федором Черным, потому что там княжил его племянник Святослав Глебович, бывший сторонником владимирского великого князя Дмитрия Александровича, против которого и была нацелена «Дюденева рать»². Вторая точка зрения кажется более правдоподобной, поскольку укладывается в логику как предшествующих, так и последующих событий борьбы Федора Ростиславича Черного со своими племянниками.

Старший брат Федора Ростиславича Черного Глеб умер в 1278 г., будучи великим князем Смоленским. Прокняжив год, в 1279 г. скончался и средний брат Михаил Ростиславич. Смоленское великое княжение по закону перешло к Федору Ростиславичу Черному, который стал к тому времени князем Ярославским, и продолжал быть князем Можайским. Четверо сыновей Глеба Ростиславича Святослав, Роман, Александр и Всеволод оказались в трудном положении, поскольку им надо было где-то «сидеть», дожидаясь своей очереди на Смоленское княжение. Казалось бы, они могли «кормиться», оставаясь в пределах можайской «отчины». Однако без города Можайска владение территорией бывлой «отчины» Ростислава Мстиславича уже не имело смысла, так как вся система доходов была связана с Можайском. Федор Черный не был обязан уступать Можайск своим племянникам по двум причинам: во-первых, Можайск был отчиной Федора, полученной им при «обидном» разделе наследия Ростислава Мстиславича в середине XIII в.; во-вторых, Глеб Ростиславич никогда в Можайске не княжил, поэтому его дети не могли пре-

¹ По мнению А. А. Горского, присоединение Можайска к Москве произошло не позднее 1293 г. Смоленский князь Федор Ростиславич Черный (Чермный) сам шел вместе с ратью и не мог разорять собственные земли! Он был союзником князя Андрея Александровича, боровшегося за Владимирский стол и приведшего татар в свою поддержку. Московский же князь Даниил Александрович был противником князя Андрея Александровича, поэтому татары прошли огнем и мечом по всей Москве-реке — от Коломны до Можайска (Горский А. А. Политическая борьба на Руси в к. XIII в. и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3. С. 80).

² Кузьмин А. В. Князья Можайска и судьба их владений в XIII–XIV вв. Из истории Смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2004. № 4(18). С. 107–122.

тендовать на княжение в нем¹. Перед сыновьями Глеба Ростиславича появилась реальная угроза стать князьями-изгоями. Поэтому им ничего не оставалось делать, как, пользуясь отсутствием Федора Ростиславича, заявить свои права на Можайское княжение, посадив в Можайске Святослава Глебовича. Столь решительный и не правовой шаг мог быть предпринят только при условии поддержки старшего князя, каковым на тот момент являлся сын Александра Невского, владимирский великий князь Дмитрий Александрович, который, нуждаясь в союзниках в борьбе со своим братом Андреем, вполне мог поддержать Святослава Глебовича. В этом случае становится понятной реакция Федора Ростиславича Черного, не пожалевшего родного города ради отмщения старых и новых внутрисемейных обид.

Ответный удар братьев Глебовичей не заставил себя ждать. В 1297 г. старший племянник Федора Черного, Александр Глебович, захватил Смоленское княжение², а Святослав Глебович опять оказался князем в Можайске. Ответная военная операция, предпринятая Федором Ростиславичем в 1298 г., успеха не имела³, а в 1299 г. не стало и его самого. Так, в пользу Александра Глебовича и его потомков решился вопрос Смоленского княжения⁴.

¹ Думается, была и третья, наиболее важная, причина — не прошедшая обида на брата Глеба, чьи дети должны были теперь испить горькую чашу, доставшуюся некогда их дядьке.

² «В лето 6805 (1297). Князь Александр Глебович взя лестию под отцем княжение Смоленское» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 364).

³ «В лето 6806 (1298)... Того же лета князь Феодор ярославский собрав воя многы, иде ратию к Смоленску на сыновца своего князя Александра и бияся по многы дни у града, и не взя его, бе бо крепок велми, и взвратися к Ярославлю» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 364).

⁴ Эта победа далась Александру Глебовичу дорогой ценой. Его агрессивные действия и показное неуважение к отчинным правам, вероятно, не на шутку встревожили потомков Рюрика Ростиславича, князей Вяземского и Дорогобужского. Давно лишившиеся прав на Смоленское великое княжение, потомки Рюрика Ростиславича постепенно перестали считать Вяземское и Дорогобужское княжества частью Смоленского княжества, а в сложившихся обстоятельствах окончательно предпочли самостоятельность опасной зависимости от Смоленского великого князя. Это привело в 1300 г. к войне, в результате которой войско Андрея Глебовича было разбито, а сын его убит. «В лета 6808 (1300). Князь Олександр Глебович Смоленский ходи ратию к Дорогобужу, и оступив, и воду отня. Князь же Андрей Вяземский приде и поможе им; и убиша князя Александра сына, а самого брата раниша, а Смольнян убиша двести человек» (ПСРЛ. Т. 20. С. 172).

Иначе обстояли дела с Можайским княжением. Святослав Глебович никак не мог быть признан законным можайским князем даже после смерти Федора Ростиславича Черного, потому что Можайск являлся отчиной Федора Черного. К тому же у Федора был прямой наследник — ярославский князь Давыд Федорович. В этих условиях, при одинаковой слабости позиций как Александра Глебовича Смоленского, так и Давыда Федоровича Ярославского, вмешательство ближайшего к Можайску соседа — набиравшего силу Московского княжества — было лишь вопросом времени. В 1303 г. сложившимися обстоятельствами решил воспользоваться честолюбивый старший сын Даниила Александровича Московского Юрий. Город Можайск был захвачен, а Можайский князь Святослав Глебович пленен и отправлен в Москву¹. Захват Можайска неизбежно «тянул» к Москве и всю остальную территорию Можайского княжества, учитывая всю связанную с городом систему налогов и сборов. Начался длительный, почти столетний период постепенного «вживления» Можайска и тяготевших к нему волостей в структуру Московского княжества, закончившийся в конце XIV в. формированием Можайского удельного княжества и обретением Можайском очередного князя, теперь уже из дома московских Рюриковичей.

¹ «В лета 6811 (1303)... Тое же весны Юрьи Данилович со братиею ходи к Можайску и взя его, а князя Святослава изымав, приведе на Москву» (ПСРЛ. Т. 20. С. 173).

Глава 13.

ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКВЫ. МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В XIV В.

Сразу же после присоединения Можайска к Московскому княжеству городскую крепость коренным образом перестроили. По археологическим данным, это произошло в первое десятилетие XIV в. Заметим, что в этот же период перестраивают и крепость Коломны, захваченную Даниилом Александровичем на два года ранее Можайска¹. Теперь все течение Москвы-реки от истока до устья принадлежало Москве.

В результате перестройки размеры Можайской крепости приблизились к нынешним очертаниям (рис. 20). Оба холма, верхний и нижний, обвели единым крепостным валом протяженностью 630 метров. Археологическая датировка вала опирается на материалы раскопа 2/2005². В насыпи самого раннего горизонта этого вала была найдена только серая керамика. Ни курганный, ни красной грубой керамики не обнаружено, что указывает на дату, близкую к началу XIV в.³. Однако очень малое количество керамики (буквально, единицы фрагментов) и совершенно стерильный характер насыпи заставляют с осторожностью относиться к датировкам и рассматривать дату — начало XIV в. — как *terminus postquem* (нижняя дата), а 1340 г. как *terminus ante quem* (верхняя дата)⁴.

¹ Сруб в основании новой Коломенской крепости датирован 1307 г. (Мазунов А. Б. К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское. М., 2005. С. 292). На протяжении всего XIV в. история Можайска и Коломны идет параллельными путями. Как будет показано далее, некоторые важные события коломенской истории находят свои аналоги в истории города Можайска.

² Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 2/2005.

³ Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 58.

⁴ Новая можайская крепость должна была непременно существовать к 1340 г., поскольку в этом г. литовский князь Ольгерд безуспешно ее штурмовал. «В лето 6849... Тое же осени, на Покров пречистыа Богородици, прииде Ольгерд, князь велики Литовский, со многою ратью ко граду

Размер новой площадки крепости составил 210 метров с запада на восток и 180 метров с севера на юг. Новые большие валы примыкали с востока и запада к уже существовавшей с XII в. крепости, которая сохранялась в виде «застенья», или «кожуха», при въезде, устроенном согласно фортификационным традициям того времени по типу захаба¹. Земляные валы, насыпанные из материкового суглинка, были структурированы сосновыми срубами, а также имели бревенчатую облицовку². Крепостные валы пересекали овраги, отделявшие нижний холм от верхнего. Поэтому на месте верховьев этих оврагов сформировались два пруда, которые могли использоваться как внутренний источник воды. Такой прием был характерен для русского оборонного зодчества, начиная с древнерусского времени³. Надо полагать, что оба пруда имели дренажные устройства, проложенные сквозь валы⁴.

Крепость, полностью перекрывшая старую дорогу из Смоленска во Владимир и Москву, должна была иметь двое ворот

Можайску, и власти и села плени, и посад пожже; и под градом стоя и града не взем возвратися во свояси» (ПСРЛ. Т. 10. С. 213). С другой стороны, деревоземляной кремль Коломны, имеющий много общего с Можайской крепостью (и по конструкции, и по истории бытования), был построен в 1307 г. (Мазуров А. Б. К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское. М., 2005. С. 292). Таким образом, отсутствие до 1339 г. в Москве мощной современной крепости, по видимому, не являлось препятствием для укрепления вновь присоединенных окраинных городов.

¹ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI вв. М., 1962. С. 108–137.

² Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 2/2005. В 1375 г. (судя по полученным дендродатам) был произведен ремонт укреплений. С внутренней стороны вала пристроили городни из еловых бревен, засыпав их материковым суглинком. Внутреннюю полу вала облицовали горизонтально уложенными бревнами. С внутренней стороны вала было устроено мощение из жердей, уложенных вдоль вала и закрепленных частоколом. Важно отметить, что подобные работы в то же время производились в Коломне. Важно и то, что, по заключению экспертов, деревья, использованные для ремонта, были спилены в одном регионе, вероятнее всего, в верховья Москвы-реки (Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М., 2001. С. 467–492. Таблицы 35–44).

³ Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 262–263.

⁴ Подобное устройство известно в Московском кремле. (Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского кремля... С. 300. Приложение 4. № 33. С. 59–60. Альбом иллюстраций. Рис. 48).

(рис. 21). Северные ворота располагались, по нашему мнению, на месте, традиционном и для последующих периодов, там, где в XVII–XVIII вв. размещались каменные Петровские ворота. От брода через реку Можайку, от устья Петровского ручья, к воротам вел земляной пандус, устроенный вдоль северного склона холма и хорошо заметный в настоящее время. Место южных ворот было унаследовано от предыдущего периода. Прежние ворота усовершенствовали и превратили в захаб. В воротной башне, как и прежде, надо полагать, размещалась церковь, рядом с которой продолжало разрастаться кладбище, занимавшее теперь уже весь юго-восточный угол крепости и частично перекрытое новыми крепостными валами.

Деревоземляные валы крепости служили основанием для деревянных стен. Для этого периода предполагается существование башен, расположенных, согласно нормам тогдашней фортификации, неравномерно, с увеличенной частотой башен со стороны «приступа»¹. Все башни, на наш взгляд, стояли на местах, на которых позднее в XVI–XVII вв. возвели каменные башни. Одна башня стояла на самом западном мысу, где укрепления обращены острым углом в сторону переправы через Можайку. В XVII веке на этом месте находилась каменная Косая наугольная башня. Три другие башни располагались с восточной стороны крепости, где на противоположном берегу естественного оврага возвышался коренной берег Можайки, превышающий на 7 метров уровень поверхности площадки крепости. Башни стояли на месте последующих каменных: Белой, Красной и Круглой наугольной башен. Расстояние между этими башнями составляло 90–100 метров.

Склоны холмов под стенами крепости, надо полагать, были освобождены от леса и кустарника. Также леса не было и на западных склонах оврага между крепостью и коренным берегом. Какая-то растительность могла сохраняться по самому тальвегу этого оврага, поскольку он был проточный. С северной стороны от крепости пойменная часть реки Можайки представляла собой влажный луг. Склоны Брыкиной горы, предположительно, были покрыты растительностью, как и сейчас.

В самой крепости кустарник мог сохраняться в обширном овраге, расположенном в восточной половине огороженной

¹ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI вв. М., 1962. С. 108–137.

территории. В овраге продолжало функционировать глинище. Северо-западные склоны холма в пределах крепости могли использоваться под огороды или пашню. Селитьба занимала западную часть крепости: один участок располагался вдоль дороги от северных ворот к южным¹, два других участка занимали верхний и нижний холмы, разделенные засыпанным ныне прудом.

Уже в 1339 г. в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты — самой первой из дошедших до нас духовных грамот московских князей — Можайск и Коломна «со всеми волостями» отдаются в наследство старшему сыну². Однако в это время, не говоря уже о начале XIV в., вотчинные права на Можайск и Коломну носили декларативный характер. Потомкам Даниила Московского еще предстояло эти права отстоять³. В спор с Москвой за Можайск могли вступить прямые наследники Федора Ростиславича Черного — ярославские, а также смоленские князья, у которых этот город был отобран в 1303 г.

Ярославский князь Давыд Федорович княжил с 1299 по 1321(†) г. Его сын Василий Давыдович Грозны Очи княжил в Ярославле с 1321 по 1345(†) г. В 1330 г. он взял в жены Евдокию Ивановну, дочь великого князя Владимирского и Московского Ивана Даниловича Калиты. Вероятно, этим браком был окончательно урегулирован вопрос о Можайской отчине со стороны потомков Федора Ростиславича Черного⁴.

Несколько иначе обстояли дела с правами на Можайск со стороны смоленских князей. С 1297 по 1313(†) г. в Смоленске княжил Александр Глебович. Имея с востока недружественные,

¹ Там, где сейчас проложена асфальтированная парковая дорожка.

² «Се дал есмь сыну своему болшему Семену: Можаяск со всеми волостями, Коломну со всеми Коломенскими волостями...» (ДДГ. С. 7, 9).

³ Острейший кризис вокруг Коломны, сопровождавшийся вероломными набегами, разорением окрестностей, договорами, которые тотчас же нарушались, и даже противостоянием на Куликовом поле, продолжался до 1385 г. После преодоления «горячей стадии», вплоть до начала XV в., вопрос о принадлежности Коломны продолжал существовать в дипломатической сфере. (Мазунов А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. С. 92–106.) В случае с Можайском вопрос о правах на отчину решился несколько раньше, полагаем в 1352 г.

⁴ Отметим, что дочь Василия Давыдовича и Евдокии Ивановны стала последней княгиней Смоленской, будучи замужем за Юрием Святославичем, завершившем в 1404 г. династию смоленских князей. Евдокия была праправнучкой Федора Ростиславича Черного, а Юрий Святославич был праправнуком старшего брата Федора — Глеба Ростиславича.

нанесшие ему в 1300 г. военное поражение Дорогобуж и Вязьму¹, а с запада — постоянную военную угрозу в лице литовского князя Витеня, смоленский князь не делал явных попыток вернуть Можайск. Брат Александра Глебовича, Святослав, княживший в Можайске и плененный в 1303 г. Юрием Даниловичем Московским, вероятно, также примирился с потерей Можайска. Во всяком случае, его изначальный статус московского пленника изменился настолько, что в 1309 г. он выступил против своих смоленских родственников².

С 1313 по 1359(†) г. в Смоленске княжил Иван Александрович. В 1316 г. после гибели литовского князя Витеня³ к власти в Литве пришел его брат князь Гедимин, сменивший враждебные отношения со Смоленском на союзнические⁴. Иван Данилович Калита со своей стороны пытался выстраивать союзные отношения с Гедимином. В 1333 г. состоялась свадьба его старшего сына, Семена, и дочери Гедимины, Августы⁵. Однако избежать конфликта со Смоленском не удалось. В конце 30-х гг. XIV в.,

¹ ПСРЛ. Т. 20. С. 172.

² В 1309 г. Святослав Глебович объявился с дружиной под стенами Брянска, откуда изгнал князя Василия Александровича, приходившегося ему племянником. Ответ Брянского князя был исполнен незамедлительно и выдержан в стиле того времени. «В лето 6818... В ту же зиму, по Крещении, Петр митрополит Киевский и всея Руси прииде во Брянск, и в то время князь Василий прииде ратью Татарскою ко Брянску на князя Святослава; митрополит же Петр рече Святославу: «поделися, сыну, со князем Васильем княжением, или бежи из города.» Святослав же, на мужество свое надеясь и на многу силу Брянску, рече: «Брянци мя, господине, не пустят, но хотят за мене головы своя положить;» и не послуша слова отца своего митрополита, и поиде противу рати. Соступившем же ся им, и бысть сеча зла; Брянци же выдаша князя Святослава, коромолници суще, поврыгше стяги своя, бежаша; князь же Святослав двором своим токмо много бився, и тако ту убиен бысть априля 2. Петр же митрополит затворися тогда во церкви, и ту съхрани его Бог от поганых» (ПСРЛ. Т. 7. С. 185).

³ Считают, что Витень погиб от удара молнии.

⁴ С этого времени Смоленское княжество прочно и окончательно вошло в орбиту литовской политики. Принципы союзных отношений, выражавшиеся со стороны литовского князя стандартной формулой: «старини не рушим, новин не вводим», позволили Смоленскому княжеству сохранить на несколько десятилетий видимость прежнего политического устройства.

⁵ «В лето 6841(1333). Тое же зимы женися князь Семен Иванович на Москве, приведоша за него княжну из Литвы, именем Айгусту, а во крещении нарекоша ю Анастасию; а князь Семен тогда бе 17 лет» (ПСРЛ. Т. 7. С. 203–204).

пользуясь покровительством Гедимины, Иван Александрович Смоленский, как полагают, перестал платить «ордынский выход» и стал предъявлять свои права на исторические смоленские земли, включая Можайск¹. Это привело в 1340 г. к союзному походу русских князей в составе татарского войска хана Узбека на Смоленск², а в 1341 г. — к ответному походу литовских войск на Можайск³. Оба похода успеха не достигли, но и миром не окончились. Пауза в противостоянии может объясняться смертью соперников — великого князя Московского и Владимирского Ивана Даниловича Калиты в 1340 г. и великого князя Литовского и Русского Гедимины в 1341 г. Их дети Семен Иванович Гордый⁴ и Ольгерд Гедиминич⁵ вскоре продолжили войну⁶. Мира удалось достичь только в 1352 г. после военной экспедиции Семена Гордого на Смоленск⁷. Заключив двойной мир и с Литвой, и со Смоленском, князь Семен Иванович, надо полагать, окон-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. С. 511, 518.

² «В лето 6848(1340). Прииде из орды Тувлубий, отпущен царем к городу ко Смоленску ратью, а с ним князь Иван Рязанский Коротопольный, и приидоша в землю Рязанскую... А Товлубий поиде ратью с Переяславля ко Смоленску; с ним же посла рать свою и князь Иван великий Данилович, по цареву повелению, князя Костянтина Васильевича Суждальского, князя Костянтина Борисовича Ростовского, князя Иоана Ярославича Юрьевского, князя Иоана Дрютского, князя Феодора Фоминского, а с ними великого князя воеводы Александр Иванович и Феодор Акинфович; и стояше у города немного дний, и поидоша прочь, граду не успевшу ничтоже» (ПСРЛ. Т. 7. С. 206).

³ «В лето 6849(1341). Того же лета приходи рать Литовская к Можайску, и погнгоша посад, а города не взяша» (ПСРЛ. Т. 7. С. 206).

⁴ Годы правления 1340–1353(+).

⁵ Годы правления 1345–1377(+).

⁶ Масло в огонь конфликта могла добавить история с неудачной второй женитьбой в 1345 г. Семена Ивановича на Евпраксии Федоровне, внучке Святослава Глебовича, последнего Можайского князя из смоленской династии. Через год после свадьбы Семен Гордый отослал Евпраксию к отцу в Волок Ламский под предлогом того, что «великую княгиню на свадьбе испортили; ляжет с великим князем, а она ему покажется мертвец» (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. С. 261).

⁷ «В лета 6860 (1352). Князь велики Семен, собрав вой многи, поиде к Смоленску. И егда бысть у Вышегорода на Поротве, ту приидоша к нему послы Волгерда о миру з дары; он же отпусти их с миром, а сам поиде к Угре, хотя ити ко Смоленску; сретоша его послы Смоленские с челобитьем; он же стоя на Угре восемь дни, своя посылая послы во Смоленск, и взем мир, возвратися» (ПСРЛ. Т. 20. С. 186).

чательно урегулировал вопрос о Можайской отчине со стороны смоленских князей.

В 1353–1358 гг. статус Можайских земель вновь претерпел изменения, связанные с коллизией вокруг завещания Семена Ивановича Гордого. В 1353 г. эти земли достались в наследство вдовой великой княгине Марии Александровне¹. Между тем в 1358 г., по завещанию Ивана Ивановича Красного, эти земли составили часть наследства его сына Дмитрия Ивановича, вернувшись, таким образом, в удел старшего сына². Научная традиция данного вопроса демонстрирует единодушие исследователей, которые полагают, что Иван Красный попросту отобрал у Марии Александровны часть ее наследства в свою пользу³. Однако прямых указаний в письменных источниках на столь явное клятвopеступление не найдено, а перераспределение территорий могло носить характер внутрисемейного компромисса⁴.

¹ «А чим мя благословил отец мои, князь великий, — Коломна с волостми и с селы и з бортью, Можаяск с волостми и с селы из бортью,... а в городе на Москве жеребеи мои тамги,... или буде чего забыл написати свое купли и оучастка, чим мя благословил отец мои,... то все дал есмь своеи княгине... А что есмь писал в сю грамоту, то есмь все дал своеи княгини, ать молить бога, а душу мою поминает до своего живота» (ДДГ. С. 13–14). См. также: История Москвы. Т. 1. М., 1997. С. 50–51. Карта «Московское княжество в 30-е гг. XIV в.». Отметим, что женитьба на тверской княжне Марии Александровне, отца которой Александра Михайловича замучили в Орде в 1339 г. не без участия Ивана Калиты, была для Семена Ивановича третьим браком, против которого выступал митрополит Феогност (ПСРЛ. Т. 17. С. 32).

² «А се даю сыну своему, князю Дмитрию: Можаяск со всеми волостми, и с селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пошлинами...» (ДДГ. С. 15).

³ История Москвы. Т. 1. С. 48; Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. С. 107–108.

⁴ На наш взгляд, Иван Иванович Красный не только не нарушил духовную грамоту своего старшего брата, а, напротив, постарался соблюсти букву и, прежде всего, дух этого документа, призывавшего единственного из выживших сыновей Ивана Калиты сделать все возможное для сохранения семейного наследия («свеча бы не огасла»). События, последовавшие за гибелью в 1353 г. почти всей великокняжеской семьи, показали, что гибель политического наследия Ивана Калиты также весьма вероятна. Ведь Иван Иванович владел по завещанию только третьей Москвы с уездом, да землями по рекам Тарусе, Рузе и частью течения Москвы-реки от Звенигорода до устья Рузы, что составляло не более 15% территории княжества. Остальные земли принадлежали вдовым великим княгиням Ульяне и Марии Александровне, а также вдове умершего князя Андрея Ивановича княгине Марии Ивановне. То есть большая часть княжества состояла из

Как уже упоминалось, в XIV в. Можайская крепость пережила несколько строительных периодов, что зафиксировано в раскопе 2/2005¹. Построенные в начале XIV в. деревоземляные укрепления несут на себе следы разрушения. Мощный пожар превратил в камень глиняную поверхность вала со стороны города и уничтожил все деревянные конструкции. Связать напрямую эти разрушения с походами Ольгерда 1341, 1368, 1370 гг. прямых оснований пока нет. Во всяком случае к последней четверти XIV в. укрепления изрядно обветшали, поэтому в 1375 г. был предпринят ремонт и усиление можайской фортификации путем достройки с внутренней стороны крепости еще одного ряда городен, засыпанных глиной.

14 августа 1382 г. родился Андрей Дмитриевич, будущий удельный князь Можайский, а через 9 дней после этого Северо-Западная Русь подверглось невиданному со времен Батыева нашествия, устроенному ханом Тохтамышем². Успех победы 1380 г. на Куликовом поле сменился таким разгромом, что на

земель, имущественный статус которых мог в любое время стать предметом острого конфликта. Произшедшие в 1353–1358 гг. война с Рязанью (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 63), смута старых московских бояр (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 65), политическая чехарда в Орде (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 66) ясно показали, что у вдовствующих княгинь нет самостоятельных сил, чтобы удержать свои земли от захвата, а княжество от распада. Целостность Московского княжества могла быть обеспечена только лишь при консолидации владельцев отдельных территорий вокруг князя Московского, обладавшего титулом Великого князя Владимирского. Именно эта политическая концепция, благословленная митрополитом Алексием, стала символом верности идее сохранения наследия Ивана Калиты на последующие семь десятилетий. В рамках этой политической линии смогли быть реализованы: наследственные права Владимира Андреевича Серпуховского, пожизненное содержание всех вдовых княгинь, а также сохранение целостности Московского княжества, что в немалой степени обеспечило победу на Куликовом поле.

¹ Приложение 2. Раскоп 2/2005.

² «В лето 6890 (1382). ... Августа 14 родися великому князю Дмитрею сын Андреи» (ПСРЛ. Т. 23. С. 127). «...А царь Тахтамыш, перешед Оку реку, взя прежде всех Серпохов и пождьже и потом прииде к Москве, августа 23 ... Взят же бе град августа 26, в 7 час дни, в четверг, и огнем попаден, а люди изсечены, а инии пленены, а инии згореша, а инии истопоша, а инии в трупы и в крови издушишася; се же не токмо единой Москве сътвориша, но и в Володимери, и в Переславли, и в Юрьеве, и в Звенигороде, и в Можайске, и во всех волостех все поплениша; а Переславци сами на езеро бежаша, а град их, пришед, сожгоша, токмо в сих един сеи не взят» (ПСРЛ. Т. 23. С. 128–129).

собственных деньгах победитель Мамай до конца своих дней вынужден был чеканить арабскую надпись: «Султан Тохтамыш. Да продлится»¹. Страна вернулась в худшие времена татарской зависимости. Ордынская дань (выход) на долгие 13 лет, вплоть до 1395 г., была разверстана по всем населенным пунктам княжества. С каждой деревни бралась полтина серебром. Были разгромлены и сожжены Москва, Владимир, Переяславль, Юрьев, Звенигород и другие города и волости. В списке сожженных Тохтамышем городов значится и Можайск. Полагаем, что с этой войной могло быть связано частичное разрушение построенных в 1375 г. валов.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 26.

Глава 14.

РОЖДЕНИЕ И ГИБЕЛЬ УДЕЛЬНОГО КНЯЖЕСТВА. МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В XV В.

Разрешение всех проблем наследования, а также возвращение Можайской земли в руки старшего сына московского князя создало предпосылки для формирования Можайского удела. Реализация этой возможности наступила в результате наследственного раздела Московского княжества по духовной грамоте Дмитрия Ивановича Донского в 1389 г.¹ Можайск с волостями получил третий из здравствующих к тому времени сыновей Дмитрия Ивановича, Андрей. Ни он сам, ни его потомки практически не имели шансов занять великокняжеский престол. Так начался новый этап в жизни города Можайска, превратившегося в удельный стольный град. В это период его древняя крепость, вновь стала резиденцией князя.

Превращение древнего Можайского кремля в резиденцию удельного князя должно было состояться в период с 1389 по 1432 г.² По нашему мнению, обустройство княжеской резиденции началось еще до 1403 г., когда 21-летний князь женился на Агриппине Александровне, дочери стародубского князя³. Рабо-

ты были прерваны войной с Литвой 1404 г.¹, вспышкой чумы летом 1408 г.² и нападением хана Едигея зимой 1408 г.³

¹ «В лето 6912 (1404). ... Настоящу же лету, князь же великий Василей собра множество воа, и посла князя своа воеводы на гради Литовския, ови их идоша под Вязму, а друзии к Серпейску, и не дошедше Серпейска възвратишася въспять; а иже под Вязмою быша Москвичи, и такоже граду ничтоже успеха, и отъидоша. Тогда же князь Липятычъ Иван, воевода Московский, от Литвы убиен бысть. Литва же, вступль же глубле в страну Московскую, град Воротынескъ взяша, и в Козелсте посадиша посадники своа, и близ Мужайску воеваша» (ПСРЛ. Т. 15. С. 472).

² «В лето 6916 (1408). ... Того же лета мор бысть на люди коркою во властех Володимерьских, и Юрьевских, и Переславских, и Дмитровских, и Можайских, и Ржевских, и Рязанских, и Торусских, мало же был и в Московских» (ПСРЛ. Т. 23. С. 142).

³ «В лето 6916 (1408). ... Той же зими прииде из Орды безбожный Едегей, и с ним два царевича и множество Татаръ с ним, на Рязанскую землю; воеваша и много зла сътвориша земли Резаньстей, и поидоша ко Коломне; Коломничи же выбежаша из града, они же град Коломный пожгоша, взяша окупъ. Оттоле же окаанный Едегей с силою Татарскою прииде к Москве, месяца ноабря в 30 день, а в граде Москве: князь Володимер Андреевич, и князь Андрей Дмитриевич, князь Юрий Козелский, Митрофан епископъ Суздальский, а от бояр: Костантин Иванович, Костантин Дмитриевич, Дмитрий Василиевич, Михайло Феодорович Морозовъ, Иван Феодорович, Филипъ Василиевич, Александръ Феодорович, и прочаа бояре и множество людие затворишася в граде. Окаанный же Едегей, стоа у Москвы, нача рать распуцати по градом: инии поидоша к Серпухову, город взяша, а инии к Можайску, а инии к Звенигороду, а инии к Дмитрову, все то повоеваша, старья изсекоша, а молодья в плен поведоша; а инии идоша к Переяславлю, Переяславци побегоша, они же окаанныи сироядци град зажгоша, монастыри и святаи церкви все то огневи предаша, люди стариа изсекоша, а молодиа в полон поведоша; а инии поидоша к Ростову, князь Ростовский, епископъ и люди Ростовци побегоша, они же окаанныи град зажгоша, и святае церкви съжгоша, а Зачатиев монастырь многажды хотеша зажещи, молитвою святаа Богородици възбрани невидимаа сила, не дасть имъ зажещи» (ПСРЛ. Т. 15. С. 482–483). Вероятно, с этими событиями зимы 1408 г. связан последний ярус кладбища, располагавшегося возле внутренней стены крепостного вала Можайского кремля. Кладбище исследовано в раскопе 2 в 2005 и 2006 гг. С внутренней стороны крепости в подолу вала и рядом с ней на небольшую глубину (до 30 см) были впущены безынвентарные погребения, произведенные в простейших гробах, сделанных из подручного материала без использования гвоздей. Порой создается впечатление, что это не гроб, а облицовка ямы деревом. В качестве надгробных знаков использованы тесанные кубические белокаменные блоки, установленные над могилами в головах или в ногах погребенных. Отмечены нарушения анатомического порядка костяков в погребениях. Могильные ямы проре-

¹ «А се даю сыну своему, князю Аньдрею, Можаяск со всеми волостми, и с тамгою, и с мыгты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостми. А волости Можайские: Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глинское, Пневичи с Загорьем, Болонеск. А Коржань да Моишин холм придал есмь к Можайску. А се волости отъездные: Веряя, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репинское, да Ивановское Васильевича в Гремичах. А Колута и Роша сыну же моему, князю Аньдрею. И что вытягал боярин мой Федор Андреевич на обчем рете Тов и Медынь оу смолнян, а то сыну же моему, князю Аньдрею» (ДДГ. С. 34).

² Годы жизни Андрея Дмитриевича (1382–1432). Княжил в Можайске с 1389 г.

³ Александр Патрикеевич Стародубский (?–1407), внук пинского князя Наримунта (Глеба) Гедиминовича, до 1406 г. был князем Стародубским, но затем взамен Стародуба получил Корец, в котором и провел остаток жизни. Брат Александра, Юрий Патрикеевич, был боярином у великого князя Василия I Дмитриевича и был женат на его дочери Марии Васильевне.

И, тем не менее, несмотря на все трудности, резиденция Можайского удельного князя была создана. Разместилась она в Можайском кремле, площадь которого с начала XIV в. существенно выросла и составляла около 5 га. Фортификационная схема Можайской крепости претерпела некоторые изменения. Остатки прежнего детинца XII–XIII вв., равно как и захаб южных ворот XII–XIV вв. были окончательно срыты, а сами южные ворота, парадные, выстроенные из белого камня¹, заняли место, традиционное для последующих столетий. Там, внутри более поздних каменных ворот, они сохраняются и по сей день (рис. 22).

В остальном схема фортификации оставалась прежней, как и в XIV в. Такими же, как и прежде, насыпанными из материкового суглинка, структурированными сосновыми срубами и облицованными бревнами оставались и крепостные валы. Прежними оставались размеры крепости (210 на 180 м) и длина околных укреплений (630 м). Внутри крепости, как и прежде, были два пруда (рис. 23).

Парадная часть резиденции удельного князя была устроена на верхней площадке крепости и представляла собой комплекс двух белокаменных сооружений — крепостных ворот и собора.

Ворота устроили на новом месте, перекрыв древний вал каменной платформой-цоколем. Въезд в крепость теперь осуществлялся по деревянному мосту, ведущему на специально устроенную площадку над кручей Никольской горы и оврагом реки Можайки. Аналогом белокаменных ворот Можайского кремля могут быть представлены крепостные ворота крепости Гродно, устроенной Витовтом столицы Великого княжества Литовского конца XIV в. (рис. 24). Такая схема въезда в Можайскую крепость сохранялась вплоть до начала XIX в.

Особым образом был поставлен и белокаменный собор. После срытия прежнего воротного комплекса на месте старых

зают дневную поверхность ремонта крепости 1375 г. и впущены прямо в слой селитбы XIV в., более не возобновлявшейся. Есть признаки того, что захоронения носят чрезвычайный характер, произведены в зимнее время. В качестве временных знаков над погребениями, возможно, использованы белокаменные блоки из строительных запасов Старо-Никольского собора. Впоследствии на этом месте была произведена планировка путем насыпки слоев глины и суглинка. Поверх планировки было устроено зернохранилище, примыкавшее к крепостному валу. Керамика из слоя зернохранилища относится ко 2–3-й четверти XV в.

¹ Подробнее о воротах, их открытии и исследовании см. Приложение 4.

ворот сформировали глиняный холм диаметром около 30 метров и высотой до 2 метров. Этот холм послужил основанием для соборного храма во имя Николы Чудотворца. По нашему мнению, новый храм наследовал место старой деревянной надвратной церкви². Постройка соборной церкви, предполагала, как и в других столичных городах, прекращение функционирования бывшего здесь с XIII в. кладбища³.

Пространство вокруг собора носило парадный характер. Однако установить, какая застройка располагалась на верхней площадке крепости, пока не представляется возможным. Вполне вероятно, что вдоль валов с внутренней стороны крепости располагались житницы. Какая-то застройка размещалась вдоль дороги, соединявшей южные и северные ворота. Раскоп 4/2005, заложенный на нижней площадке крепости, позволил выявить глубокие погребя, содержащие яркую парадную кера-

² Археологические раскопки, проведенные в 1981 г., показали, что белокаменные фундаменты собора Петра и Павла не опираются на материк. Нет под ними и свайного поля. Стены и столбы сводов, сохранившиеся после перестройки собора в XIX в., залегают на каменной бутовой платформе, что роднит их по конструкции основания с белокаменными воротами. Само основание впущено в насыпной слой, названный исследователями «коричневой глиной», под которым местами сохранился мокрый гумусный слой с древнерусской керамикой и ярусом кладбища XIII в. Слой «коричневой глины», открытый при раскопках 1981 г., был назван исследователями специальной подсыпкой под собор. Археологические работы 2005–2006 гг. на раскопе 2/2005 и в Ново-Никольском соборе позволили установить, что из такого же грунта насыпались валы Можайской крепости, начиная с XII–XIII вв. Особенностью этого слоя является почти полная археологическая стерильность при очень малой примеси керамики и находок XII–XIII вв. Подклет церкви, перекрытый сводами, указан в росписи Можайской крепости, составленной в 1626 г. «В городе ж в Можайске под соборную церковью под Николою чудотворцом каменной подклет на сводах каменных, в длину 4 сажени, поперец 2 сажени с третью, а вышина сажень, а под иными своды и меньше; а окон в том подклете нет, двери деревянные на подставках железных» (Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 г. // Можайские акты. СПб., 1892. С. 120). Описание раскопок и ссылки на архивы см. Приложение 2.

³ Так, в 1325 г. с переездом в Москву митрополита Петра прекратило функционировать традиционное кладбище вокруг Успенского собора Московского кремля (Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII — первой половине XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. (На правах рукописи. М., 2003. С. 322–323. Рис. 100–101а).

мику конца XIV — XV вв., что позволяет высказать предположение, что княжеский двор находился именно там¹.

Сын Андрея Дмитриевича Иван Андреевич² получил в наследство полностью обустроенное княжество, включая все атрибуты удельного права, начиная с чеканки собственной монеты³ и заканчивая судебным суверенитетом⁴.

В 1432 г. началась феодальная война за наследство Дмитрия Донского. С 1434 года, после смерти последнего из сыновей Дмитрия Донского, Юрия Галицкого, борьба развернулась между внуками Дмитрия Донского: Василием II, с одной стороны, и коалицией сыновей Юрия Галицкого — Дмитрием Шемякой и Василием Косым — с другой⁵. Сын Андрея Дмитриевича Можай-

¹ Приложение 2. Раскоп 4/2005. Вероятность нахождения княжеского двора и на верхней площадке городища к северу от Ново-Никольского собора, где раскопки пока не проводились, не велика из-за ограниченности места между собором и бровкой холма.

² Иван Андреевич Можайский. Год рождения не известен. Точный год смерти неизвестен (1471 или 1483). С 1448 г. женат на дочери Федора Юрьевича Воротынского.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 77–88. Табл. 15.

⁴ Так, в 1443 г. «на Мироносици» (25 апреля) в Можайске состоялись казни-аутодафе боярской жены Марии Мамоновой, обвиненной в колдовстве и безымянной четы «хлебника мужика с женою», обвиненных в людоедстве. «В лето 6951 (1443). ... Того же лета князь Иван Андреевич поймал боярина своего Андрея Дмитриева и с детьми, а жену его Марью сжег безлеп. Та же зима была студена, а сено дорого, а во Тфери меженина; и пришло в Можайск голодников много, и князь велел был их кормити, они же хотели и пристава самого съести; и с тех мест почали с голоду мерети, и наклали их 3 скуделницы, да хлебника мужика сожгли в Можайске же с женою, а он люди ел, душ пятьдесят и малых и великих потерял» (ПСРЛ. Т. 23. С. 151). «В лето 6989 (1481) ... Князь же великий не послушаа того писания владычня Васьянова, но советников своих слушаше, Ивана Васильевича Ощеры боярина своего да Григорья Ондреевича Мамона, иже мать его князь Иван Андреевич Можайской за волшебство сжег» (ПСРЛ. Т. 20. С. 345).

⁵ В завещании Дмитрия Ивановича Донского содержалась такая формула: «А по грехом, отъимет бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев оудел» (ДДГ. С. 35). В состав удела, помимо земель, доходов и казны, входил великокняжеский титул: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем» (Там же. С. 34). В своей духовной грамоте великий князь Василий I Дмитриевич завещал свою отчину, включая великое княжение своему сыну Василию Васильевичу. (Там же. С. 58). Опираясь на вышеуказанную формулу завещания Дмитрия Донского, Юрий Дмитриевич оспорил

ского, Иван Андреевич, взял сторону Дмитрия Шемяки. В результате последующих событий Василий II в 1446 г. был вероломным образом ослеплен¹, Дмитрий Шемяка в 1453 г. лишился жизни², а Андрей Можайский в 1454 г. — княжества³. В итоге 22-летней войны Можайское княжество оскудело.

завещание своего брата великого князя Василия I Дмитриевича, полагая, что наследство старшего сына Дмитрия Донского, Василия, должно перейти к следующему по старшинству сыну, то есть к нему. Такая норма наследования практиковалась еще с древнерусского времени. После 9 лет споров в 1433 г. Василий Васильевич вынужден был уступить, и Юрий Дмитриевич стал великим князем Московским. Менее чем через год в 1434 г. Юрий Дмитриевич внезапно умер. И ситуация повторилась с точностью до наоборот. Правила наследования, соблюдения которых добился Юрий Дмитриевич, предполагали передачу великого княжения следующему поколению, начиная с детей старшего брата, то есть опять Василию Васильевичу. Этому воспротивились дети Юрия Дмитриевича Василий Косой и Дмитрий Шемяка Юрьевичи. В этом состояла одна из формальных причин войны.

¹ «В лето 6954 (1446). ... Того же лета здоумав три князи: князь Дмитрей Юрьевич и князь Иван Андреевич Можайский, князь Борис Александрович Тферский, царева посла велели потеряти да и казною взяли. Того же лета князь Дмитрей Юрьевич Шемяка да князь Иван Ондреевич Можайский пришли к Москве изгоном, а князь великий оу Троици в Сергиеве монастыре; и князь Дмитрей сел на Москве, а князь Иван, ехав, поймал великого князя оу Троици, и приведшее на Москву и выняша оу него очи, февраля» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 454).

² «В лето 961 (1453). Месяца апреля 9 погоре град Москва, весь Кремль, от Васильева двора Беклемишева. Того же лета, месяца июня 15, преставися великая княгини София, в черницах и в скиме, у Вознесенья в городе. Того же лета в Новеграде Великом преставися князь Дмитрей Юрьевич Шемяка; людская молва говорят, что будето съ со отравы умерл, а привозил с Москвы Стефан Бородатыи дьяк к Исаку к посаднику к Богородицкому, а Исаак деи подкупил княжа Дмитриева повара, именем Поганка, тыи же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вестью на Москву к великому князю Василию Беда подьячеи; князь же великий пожаловал его дьячеством, и прорекоша ему людие мнози, яко не на долго будет времени его, и по мале сбытись ему. Того же лета царь Турский Царьград взял» (ПСРЛ. Т. 23. С. 155).

³ «В лето 6962 (1454). ... Того же лета ходил князь великий Василий Васильевич ратью ко граду к Можайску. То слыша, князь Иван Ондреевич побежал в Литву, а князь великий Василий Васильевич град пленил и наместников посади в нем, и возвратися» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 127). После бегства в Литву Иван Андреевич был князем Стародубским, Брянским, Гомельским, Любечским. Сын его Семен Иванович вместе с внуком Дмитрия Шемяки Василием Ивановичем попросились в 1500 г. обратно на службу к великому князю Ивану III Васильевичу и были приняты вместе со своими землями, полученными ими на литовской службе (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 362).

В 1454 г. Можайскую крепость взяли штурмом войска Василия II Васильевича Темного, Можайское княжество было формально ликвидировано, а в городе посажен наместник. Фактически эта практика была введена не сразу. Великий князь Василий Васильевич завещал Можайск «со всеми волостями, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами и с Медыню и со всем тем, что к Медыни потягло» своему сыну Юрию¹. После смерти в 1472 г. бездетного Юрия Васильевича² город перешел как выморочное владение в собственность его старшего брата великого князя Ивана III Васильевича. В 1480 г. Иван III отдал Можайск своему брату Андрею Васильевичу³. После смерти в 1493 г. князя Андрея Васильевича⁴ Можайск уже никогда в удел не отдавался. Тогда же, вероятно, был фактически учрежден Можайский уезд, первое упоминание о котором относится к 1504 г. (Разъезжая грамота, разграничивающая земли Можайского, Звенигородского, Рузского и Волоколамского уездов)⁵.

¹ «Да даю же сыну своему Юрию Можаяск с волостями и с путями и с селы и со всеми пошлинами, и с Медынею и что к Медыни потягло; да Серпухов; да Хотунь с всеми пошлинами» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 494; ДДГ. С. 194).

² Юрий Васильевич Меньшой. Годы жизни 1441–1472(+). С 1462 г. был также князем Дмитровским и Серпуховским.

³ «В лето 6988 (1480). ...Тогда царь убоися и с татары побежа прочь ноября 11. ...и слыша князь велики, посла опытати, еже и бысть. И приехаша к нему братья его, он же смирился с ними и дасть князю Ондрию Можаяск, а князю Борису села Ярославичевы все делярные» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 309).

⁴ Андрей Васильевич Большой Горяй. Годы жизни 1446–1493†. С 1462 г. был князем Угличским и Звенигородским.

⁵ ДДГ. С. 395–405.

Глава 15.

«СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД РУССКИХ». МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В XVI В.

Объединение северо-восточных русских земель под властью потомков Дмитрия Донского, преодоление внутренней смуты, покорение Новгорода и Твери, освобождение от ордынской зависимости — все эти и другие исторические, политические, культурные события создали новые историко-политические, социально-культурные и этнические реалии. Наступало время превращения Московского княжества в Россию.

Как образно написал о рубеже XV–XVI вв. К. Маркс, «изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи...»¹. Главной своей внешнеполитической задачей московский Великий князь Иван III Васильевич, как и его сын Василий, считали собирание территорий Древнерусского государства, оказавшихся под властью Великого княжества Литовского. Такая внешнеполитическая задача «собираания русских земель» вступала в соперничество с аналогичной программой, заявленной и неустанно последовательно реализуемой вот уже двести лет великими литовскими князьями, начиная с Гедимины, имевшего титул Великого князя Литовского и Русского².

¹ Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // ВИ. 1989. №№ 1–4.

² Эта политика осуществлялась в рамках провозглашенной Гедимином идеи собирания русских земель вокруг Литвы, выраженной в принятии им титула Великого князя Литовского и Русского. Принцип политического взаимодействия Литовского княжества с присоединяемыми русскими землями выражался формулой «старины не рушим, новин не вводим», что позволяло княжествам сохранить прежнюю форму правления, владения и наследования, церковную иерархию, вечевые институты и общинное самоуправление. Взамен Гедимин требовал «покор» — особую грамоту, фиксировавшую вассальную зависимость. Князь, принеший «покор», обязывался выплачивать дань и оказывать военную помощь Великому

На рубеже XV–XVI вв. постоянное и неуклонное расширение территории Великого княжества Литовского прекратилось. С этого момента возникло хрупкое равновесие между Русью Литовской и Русью Московской. Однако спор этих двух политических программ было еще впереди. В те времена этот спор мог быть разрешен только на поле брани. Поэтому, можно считать, что все последующие триста лет русской истории шла то затихая, то разгораясь, война за древнерусское наследие, война, приведшая к исчезновению одного из соперников — Великого княжества Литовского, простиравшегося во времена великого князя Витовта¹ на 1200 километров с северо-запада на юго-восток от Балтийского до Черного морей и на 1100 километров с юго-запада на северо-восток от Карпат до верховьев Дона (рис. 25).

Восшествие в 1440 г. на польский престол под именем Казимира IV литовского великого князя Владислава II усилило влияние Городельской унии (1413 г.) на жизнь в Великом княжестве. Литовские князья и дворяне, не принявшие католичества, не получили прав польской шляхты. Потому их взоры все чаще направлялись в сторону Московского княжества. По феодальному праву, лежавшему в основе литовской политики «собираания земель», вассал имел право «отъезда», то есть перехода под покровительство другого сюзерена без какого-либо ущемления своих прав. Разумеется, при этом дворянин терял поместье, данное ему для исправления службы. В случае с территориями, прилегающими к русско-литовскому рубежу, коллизия заключалась в том, что в этих «верховских княжествах» сидели потомки черниговских князей, имевших свои земли не в поместной, а в вотчинной собственности, сформировавшейся еще в XIII в.

князю Литовскому и Русскому, а за это имел право заседать в его «раде», а также пользоваться его политическим и военным покровительством, в частности, не платить «выход» хану. К 1322 г. силой, договором или династическим браком Гедимин присоединил к своему княжеству Витебск, Пинск, Брест, Киев «с пригородами», Переяславль. В политическую орбиту Великого князя Литовского и Русского вошли Новгород, Псков, Смоленск, Тверь. Была создана самостоятельная Литовская митрополия с центром в Новогрудке.

¹ Витовт, Витовт Великий, Вйтаутас (лит. Vytautas, польск. Witold, белор. Вітаўт). В крещении получил имена: 1-е (католическое) — Витольд, 2-е (православное) — Александр, 3-е (католическое) — Александр. Сын Кейстута, двоюродный брат Ягайло. Годы жизни 1350–1430†. Великий князь Литовский с 1392.

В 1470-х гг. начались переходы верховских князей на московскую службу. Таким образом, под юрисдикцию Москвы попадали и вотчины этих князей. Литовское княжество начало съезживаться, усыхать за счет разрастания Московского княжества безо всякой войны. Получила распространение практика «отъезда к Москве» по любому поводу, в качестве ответной реакции на любое притеснение со стороны королевской власти и даже как способ избежать наказания за явные не правовые действия. В частности, в 1487 г. князь И. М. Воротынский¹, сидевший в вотчинном Воротынске, напал на Мезецк и разграбил его, а затем «отъехал» в Москву. Литва выразила протест, который Иван III удовлетворить отказался, что фактически привело к началу войны 1487–1494 гг., получившей название Пограничная война (рис. 26, 27)².

Первый этап войны (1487–1489 гг.) носил характер разбойничьих налетов на вяземские и верховские земли. Организация нападений на Вяземское княжество осуществлялась с опорой на Можайскую крепость братом Ивана III Васильевича, Андреем Васильевичем, имевшим Можайск в уделе. Из Можайска было совершено шесть вылазок на территорию Вяземского княжества и примыкающие к нему владения князей Глинских. На верховские земли нападали отряды князей Одоевских, И. М. Воротынского, а также великокняжеские дружины. Эти нападения привели к массовому «отъезду к Москве» верховских князей из родов Белевских и Воротынских, стремящихся таким образом уберечь от окончательного разорения свои вотчины.

Второй этап войны (1492–1493) характеризовался регулярными боевыми действиями. Уже в августе 1492 в Верховские княжества вступила русская рать Ф. В. Телепня-Оболенского, которая захватила Мценск и Любутск; союзные отряды И. М. Воротынского и князей Одоевских овладели Мосальском и Серпейском. В августе-сентябре русские вторглись во владения вассальных Литве вяземских князей и взяли Хлепень и Рогачев. К концу 1492 под властью Ивана III оказались Одоев, Козельск, Перемышль и Серенск.

Новый великий литовский князь Александр (1492–1506) предпринял ответные меры. В январе 1493 его армия вошла в верховские земли и вернула Серпейск и Мценск. Но приближе-

¹ Умер около 1534. Первый из Воротынских перешел на московскую службу.

² <http://ru.wikipedia.org/> Русско-литовские войны.

ние русского войска заставило литовцев отойти к Смоленску; Мезецк капитулировал, а Серпейск, Опаков и Городечно были захвачены и сожжены. Другой русский отряд принудил к сдаче Вязьму, а князя С. Ф. Воротынский, М. Р. Мезецкий, А. Ю. Вяземский, В. и А. Белевские «отъехали к Москве».

Не получив помощи от польского короля Яна Ольбрахта, Александр был вынужден вступить в переговоры с Иваном III. 5 февраля 1494 стороны заключили Вечный мир, по которому Литва признала вхождение в состав Московского государства отчин князей Одоевских, Воротынских, Белевских и части владений князей Вяземских и Мезецких, а Москва вернула захваченные ей в ходе Пограничной войны Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и отказалась от претензий на Смоленск и Брянск. Мир был скреплен браком Александра с дочерью Ивана III Еленой. В результате войны было присоединено Вяземское княжество, а русско-литовская граница отодвинулась на юго-запад к верховьям Жиздры.

В ходе Пограничной войны 1487–1494 гг. было осознано значение Можайской крепости, которую европейские наблюдатели называли «мощной»¹. Крепость сохраняла фортификационную схему, приобретенную ею еще в XIV в. Изменения могли коснуться лишь ремонта земляных валов, переустройства деревянных стен и башен под огневой бой, а также перевооружения крепости в соответствии с новыми военными стандартами.

В начале XVI в. ограничение прав некаатолических слоев общества в Великом княжестве Литовском приобрели массовый масштаб. Дело дошло до международного конфликта, когда литовский князь Александр Ягеллон попытался обратиться из православия в католичество свою жену, дочь Ивана III, Елену Ивановну. Иван III приобретал в глазах православной знати Великого княжества Литовского образ борца за веру. Отъезды литовской знати к Москве, поощряемые Иваном III, приняли массовый и показательный характер. Новая война была неизбежна (рис. 28).

В апреле 1500 г. в подданство к Ивану III перешли князья С. И. Бельский, В. И. Шемячич и С. И. Можайский² с города-

¹ Франческо де Колло. Донесение о Московии. М., 1996. С. 24; Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 144.

² Семен Иванович Можайский (умер. около 1505 г.) — князь из рода Можайских. Семен был сыном Ивана Андреевича и княгини Воротынской. Перешел в подданство Московскому княжеству вместе с городами

ми Белая, Новгород-Северский, Рыльск, Радогош, Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. В ответ на требование великого князя Литовского вернуть земли Иван III, не дожидаясь похода литовских войск, в мае 1500 г. открыл боевые действия на северо-западном, западном и юго-западном направлениях. На юго-западном направлении русские войска воеводы Якова Захарыча Кошкина взяли Брянск, Мценск и Серпейск. Князья, владевшие этими городами целовали крест Ивану III. На сторону русских перешли князья Трубецкие и Мосальские. На западном направлении войска под командованием бывшего царя казанского Магмед-Амина и воеводы Юрия Захарыча Кошкина овладели Дорогобужем.

От Дорогобужа русское войско под командованием Д. В. Щени¹ двинулось к Смоленску, где сконцентрировались обороняющиеся литовские войска под командованием К. И. Острожского². 14 июля 1500 г. в битве на Ведроши русские войска нанесли поражение литовцам, потерявшим около 8 тыс. человек убитыми; князь К. И. Острожский попал в плен.

После битвы на реке Ведрош русские продолжили одерживать победы: 6 августа Я. З. Кошкин взял Путивль, 9 августа А. Ф. Челяднин³ — Торопец, а союзник Московского княжества крымский хан Менгли I Гирей⁴ и его сыновья провели набег на юж-

Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем.

¹ Князь Даниил Васильевич Щеня (умер в 1519) — знаменитый московский полководец времен Ивана III и Василия III. Его прадед был русским выходцем из Литвы, поселившимся в Москве и взявшим в жены дочь великого князя. (Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII вв. М. 2005).

² Константин Иванович Острожский (белор. Канстанцін Іванавіч Астрожскі, укр. Острозький Костянтин Іванович) (1460 — 11 сентября 1530†). Князь, староста брацлавский и винницкий, воевода трокский, великий гетман Литовский с 1497. Православный. Род Острожских, согласно различным версиям, происходит либо от турово-пинских князей, либо из волынской ветви Мономаховичей, в частности от Романа Даниловича. В 37 лет стал великим гетманом Литовским, провел более пятидесяти успешных сражений против крымских татар. Меценат, покровитель православной церкви в Великом княжестве Литовском, фундатор Троицкой и Пречистенской церквей в Вильне. Умер 11 сентября 1530 г. в Турове. Похоронен в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры. (Довідник з історії України. За ред. І. Підкови та Р. Шуста. Київ, 1993).

³ Андрей Федорович Челяднин (умер 1503) — конюший боярин.

⁴ Менгли I Герай (Гирей). Крымский хан (с 1468 г.) из рода Гераев. Шестой сын Хаджи I Герая. После смерти отца Менгли начал борьбу за крымский престол. В 1467 г. он сверг старшего брата Нур-Девлета, одна-

ные и западные земли Великого княжества Литовского, разорили Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Бряславль и вывели оттуда множество пленников. В 1502 г. крымское войско Менгли I Гирея численностью 90 тысяч человек опустошило окрестности Луцка, Турова, Львова, Бряслава, Люблина, Вишнеца, Бельза и Кракова. Это заставило литовского князя Александра искать мира.

25 марта 1503 г. было подписано так называемое Благовещенское перемирие сроком на шесть лет. По нему Московское княжество получило огромную территорию, охватывающую верховья Оки и Днепра. Великое княжество Литовское лишилось 19 городов, 70 волостей и 13 сел, то есть около трети своей территории. Последовавшая за тем в 1507–1508 гг. новая война лишь подтвердила сложившееся положение вещей. До взятия Смоленска оставалось шесть лет.

В ноябре 1512 г. князь Василий III¹ объявил войну Сигизмунду I². Русские войска двинулись на Смоленск, осада которого продолжалась с января до февраля 1513 г. и окончилась неудачей. Повторная осада летом 1513 г. также была неудачной. Отряды русской армии под командованием И. М. Репни-Оболенского и И. А. Челяднина, совершали рейды в окрестностях Орши, Друцка, Борисова, Бреславля, Витебска и Минска. Отряд под командованием В. И. Шемячича предпринял поход на Киев.

ко первая попытка овладеть троном оказалось неудачной. Утвердиться на престоле Менгли смог через два года, переманив на свою сторону крымскую знать. Во время османского завоевания Крыма в 1475 г. пытался оказать туркам сопротивление, за что был свергнут с престола и доставлен в Константинополь, где провел в плену у султана Мехмеда II три года. В 1478 г. он был отпущен в Крым восстановлен на престоле с условием, что отныне Крым будет находиться под верховной властью османских султанов. Главной внешнеполитической целью Менгли Герая после 1478 г. стала борьба с Большой Ордой. Естественным союзником в этой борьбе был великий князь Московский Иван III, из-за чего ухудшились отношения Крыма с противником Московии Литвой. В 1502 г. войсками Менгли I Большая Орда была разгромлена. Это событие считается концом Золотой Орды. После исчезновения общего противника отношения с Москвой стали портиться, в последние годы жизни Менгли Герая организовывал нападения на русские территории.

¹ Василий III Иванович (25 марта 1479 – 4 декабря 1533+). Великий князь Московский (1505–1533), сын Ивана III и Софии Палеолог, отец Ивана IV Грозного.

² Сигизмунд I Старый (1 января 1467 – 1 апреля 1548+). Король Польши с 8 декабря 1506 г. и великий князь Литовский с 20 октября 1506 г., пятый сын Казимира IV Ягеллончика и Елизаветы Австрийской.

В мае 1514 г. Василий III возглавил новый поход на Великое Княжество Литовское. После почти полумесячной осады и артиллерийского обстрела 1 августа, Смоленская крепость капитулировала. После взятия Смоленска без сопротивления сдались Мстиславль, Кричев и Дубровна. Русские войска двинулись к Орше. 8 сентября 1514 г. возле реки Крапивни состоялась сражение, в котором русская армия потерпела поражение и отступила к Смоленску. Командующий литовскими войсками князь К. И. Острожский искусным маневром вынудил русских оставить Мстиславль, Кричев и Дубровну, однако на взятие Смоленска у него уже не хватило сил, и он отступил от города.

После этого интенсивность боевых действий значительно снизилась. В 1517 г. силы сторон взаимно истощились, и они преступили к переговорам при посредничестве германского посла Сигизмунда Герберштейна¹, однако для Сигизмунда I они были неудачными. Василий III отказался вернуть Смоленск.

Боевые действия возобновились в 1518–1520 гг. Русских отряды разоряли земли вокруг Вильно, Витебска, Минска, Слуцка и Могилева. Крымские татары совершили набеги на Львов и Люблин. Однако никаких кардинальных изменений в ход войны эти действия не внесли.

В 1521 г. 14 сентября 1522 г. в Москве было подписано перемирие на пять лет, по которому смоленские земли, оставались у Московского княжества, но оно отказывалось от притязаний в Литовском княжестве на Киев, Полоцк и Витебск. Попытки Великого княжества Литовского при поддержке Польши вернуть Смоленск в ходе войны 1534–1537 г. успеха не имели.

Присоединение Смоленска, превратило Можайск в тыловую, провинциальный гарнизонный город, что снизило значимость Можайской крепости². Иначе дело обстояло с сакральным, религиозным значением можайской крепости, в которой с XIV в. хранилась чудотворная резная деревянная в рост икона

¹ Сигизмунд (Зигмунд) фон Герберштейн (23 августа 1486 – 28 марта 1566+), барон, австрийский дипломат, уроженец современной Словении (владел местными диалектами, что помогло ему в России), писатель и историк. Наибольшую известность как в России, так и за ее пределами приобрел за свои обширные труды о географии, истории и внутреннем устройстве Московского Великого княжества и царства.

² Независимо от военной значимости города и крепости, духовная значимость древней Никольской горы с годами только возрастала. Подробно об этом см.: *Моисеев Г. Я.* Можайск – священный город русских. М., 1992.

Святого Николая Можайского. Можайск как транзитный город на дороге из Москвы в Смоленск, в Лужецкий и Колоцкий монастыри, приобрел притягательную силу в глазах многочисленных паломников, в том числе и высшего социального статуса. Можайская крепость нередко называлась «монастырем святого Николая», а город Можайск, приросший многочисленными монастырями и храмами, коих насчитывалось более семи десятков, получил название «священный город русских»¹.

Летописные известия XVI в. сохранили нам многочисленные записи о посещении царями Василием III, Иваном IV и Федором Ивановичем Можайска:

1527 г. — Василий III; прием литовского и императорского послов²;

1531 г. — Василий III, Елена Глинская, Иван Васильевич; «на свою царскую потеху»³;

1538 г. — Иван IV, Елена Глинская, Юрий Васильевич; паломничество к иконе Николы Можайского⁴;

1543 г. — Иван IV, Юрий Васильевич, Владимир Андреевич Старицкий «и монгыле бояре»; паломничество в Боровск и Можайск⁵;

¹ Там же.

² «В лето 7035 (1527). Приехаша к великому князю послы Литовские, а князь великий был на своей потехе в Можайске, от короля Жихгимонта, Петр Станиславовичъ воевода Полотцкы да писарь и моршалоку Богушь Боговитиновъ, и взявша с великим князем перемирие на 6 лет; да из Можайска князь великий Литовских послов отпустил, и десорева посла и папина посла из Можайска же отпустил» (ПСРЛ. Т. 8. С. 271).

³ «В лето 7039 (1531). ... А сам князь великий поехал к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь к чудотворной памяти помолитися, и с великою княгиней Еленой и с сыном своим со князем Иваном, четырехдесятого лета, Сентября 17, в неделю, а оттоле на свою царскую потеху на Волок и в Можаяск; а на Москву приехал Ноября 19, в неделю» (ПСРЛ. Т. 13. С. 56).

⁴ «В лето 7046 (1538). ... Тоя же зимы, Генваря 24, в четверг, выехал князь великий Иван Васильевичъ всея Руси и мати его великая княгини Елена и брат его князь Юрьи Васильевичъ в Можаяск помолитися образу святаго и великаго чудотворца Николы, и слушав молебна и божественныя литургии и знаменався у святаго образа, а на Москву приехал того же месяца 31, в четверток» (Там же. С. 121–122).

⁵ «В лето 7051 (1543). ... Тоя же осени, Декаврия 8, в пяток, выехал князь великий Иван Васильевичъ всея Руси помолитися в Боровек и в Можаяск и на Волок, а с ним брат его князь Юрьи Васильевичъ да князь Володимер Андреевичъ и многы бояре; а на Москву приехал того же месяца 20, в среду» (Там же. С. 144).

1544 г. — Иван IV, Юрий Васильевич «и бояре»; паломничество в Троице-Сергиевский монастырь, Волоколамск и Можайск¹;

1546 г. — Юрий Васильевич, Иван IV²;

1547 г. — Иван IV «к Николу помолитися»³;

1549 г. — Иван IV, княгиня Анастасия; «на свою царскую потеху»⁴;

¹ «В лето 7052 (1544). ... Того же месяца [Септември] 16, в неделю, выехал князь великий Иван Васильевичъ всея Руси к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь помолитися к чудотворцевой памяти Сергиевой, а с ним брат его князь Юрьи Васильевичъ и бояре, а оттоле на Волок и в Можаяск, а на Москву приехал Ноября 30, в вторник» (Там же. С. 145).

² «В лето 7054 (1546). ... Того же месяца 15, в вторник, выехал князь великий Иван Васильевичъ всея Руси к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь к чудотворцевой памяти помолитися, а с ним брат его князь Юрьи Васильевичъ; и слушав князь великий всенощнаго и заутреней и молебна и литургии и учредив игумена и братию кормом и милостынею довольно, и оттоле поехал князь великий з братом своим на свою потеху в Слободу. А из Слободы велел князь ехати брату своему князю Юрию в Можаяск, а сам князь великий приехал на Москву Октомври 5 и положил опалу на бояр своих за их неправду, на князя Ивана на Кубеньсково, и на князя Петра на Шуюсково, и на князя Александра Горбатого, а на Федора Воронцова, и на князя на Дмитрия на Палецкого; и устроив свое дело, поехал с Москвы в Можаяск того же месяца Октомври 9, а на Москву приехал князь великий Ноября 14» (Там же. С. 147).

³ «В лето 7055 (1547). О поезде великого князя в Великий Новъград. Септември 15, в среду, выехал князь великий Иван Васильевичъ всея Руси с Москвы к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь помолитися к чудотворцевой памяти; и слушав всенощнаго и заутреней и молебна и литургии и учредив братию милостынею и кормом довольно, и оттоле поехал по своим селом, в Воробьево и в Денисьево и в Починки, и в Можаяск к Николу помолитися, и по монастырем поехал молитися на Волок, и в Ржеву, и в Тверь, и в Новъгород в Великий, и в Псков, в Печерской монастырь, и назад идучи в Пскове и в Новогороде и у Пречистой на Тихвине: а на Москву приехал Декаврия 12, в неделю» (Там же. С. 149).

⁴ «В лето 7057 (1549). Месяца Септември 14, в пяток, на Воздвижение честнаго Креста, поиде пеша благоверная царица великая княгини Анастасия к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь молитися; а царь и великий князь Иван Васильевичъ всея Руси поехал с Москвы к Живоначальной же Троицы того же месяца 22, в субботу; а от Троицы царь и великий князь поехал в объезде на свою царскую потеху, и с своею царицею с великою княгиней Анастасиею, в Слободу и в Дмитров и в Звенигород и в Можаяск; а на Москву приехал месяца Октомври 28, в неделю» (Там же. С. 156–157).

1555 г. — Иван IV¹;

1560 г. — Иван IV, царица Анастасия, дети Иван и Федор; «к Николе Чюдотворцу и в монастыри помолится и по селом прохладится»²;

1562 г. — Иван IV; устройство военной ставки для управления в Ливонской войне³, прием послов Датского короля⁴;

¹ «В лето 7063 (1555). О поезде царском в Черкизово. Того же месяца 8, в понедельник, выехал царь и великий князь Иван Васильевич с Москвы в свое село в Черкизово, а оттоле в Клиньские леса посоглядати вьсхотел, а оттоле на Волок, а с Волока в Можаяск, а оттоле во княже Володимира Андреевича село в Городень, — и князь Володимир Андреевич великаго государя встретил и царь князь великий пожаловал брата своего князя Володимира Андреевича, хлеба ел и пировал в княже Володимирове селе в Городне, — а оттоле свое село в Денисиево, а из Денисиева в Крылатское; и в своем селе в Крылатцком велел церковь святи» (Там же. С. 252).

² «Лето 7068 (1560). Въезд великаго князя в Можаяск. Того же месяца [Октября] поехал царь и великий князь в Можаяск к Николе Чюдотворцу и в монастыри помолится и по селом прохладится, а с ним его царица и дети его царевичи Иван и Федор Иванович» (Там же. С. 320).

³ Ливонская война (1558–1583) велась Царством Русским за территории в Прибалтике и выход к Балтийскому морю, чтобы прорвать блокаду со стороны Ливонской конфедерации, Великого княжества Литовского и Швеции и установить непосредственное сообщение с европейскими странами. В январе 1582 г. в Яме-Запольском (недалеко от Пскова) было заключено 10-летнее перемирие (т. н. Ям-Запольский мир) с Речью Посполитой. Россия отказывалась от Ливонии и белорусских земель, но ей возвращались некоторые пограничные земли. В мае 1583 г. заключается 3-летнее Плюсское перемирие со Швецией, по которому уступались Копорье, Ям, Ивангород и прилегающая к ним территория южного побережья Финского залива. Русское государство вновь оказалось отрезанным от моря. Страна была разорена, северо-западные районы обезлюдели. Россия потеряла значительную часть своей территории. Война была проиграна. (<http://ru.wikipedia.org/>)

⁴ «Лета 7000 семьдесятых. (1562) ... Того же месяца в 21 день, по Велице дни на осмой неделе, в четверг, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пошел на свое дело Литовское, а стояти ему в Можайску. А шел князь и великий князь к Борису и Глебу на Арбат пеш за образы, а с ним царь Александр Казанской и бояре и дети боярские многие, которым с ним быти на его деле; а со образы шел архиепископ Ростовский Никандр и архимандриты и игумены. И слушал царь и великий князь обедню у Бориса и Глеба на Арбате, а, отслушав обедню, сел на аргамак, а пошел на свое дело, а заежал молиться в новой Девичь монастырь. И перевезся реку на Дорогомиллове и за рекою кушал; а стань ему был первой в его селе в Крылатцком, а в Можаяск пришел того же месяца Маиа в 24 день, в неделю. ... Того же лета Июля в 6 день, приходил ко Мценску

1563 г. — Иван IV; неоднократное посещение военной ставки в Можайске по делам Ливонской войны¹;

Крымской царь Девлет-Кирей да с ним дети его царевичи калга Магмет-Кирей царевич да Адал-Кирей царевич; и государь царь и великий князь в то время был в Можайску в великом собрание для Литовского дела. ... А на третий день сам царь пришел ко Мценску, и с нарядом, и к посаду приступал до вечера. ... А царь и великий князь тогды, царева для скоро-во отходу ото Мценска, из Можайска за царем от себя людей не посылал, чтобы людей не изволочити, для Литовского дела. — Того же лета, Июля в 10 день, приходили ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси в Можаяск Датского короля послы Емералбор гофмистер да Яков Броконгуз да Ян Трос да писарь дохтор Сахарияс да брата Датцсково же короля Арци-Магнуша писарь Френърик Груд и били челом царю и великому князю от Датцкого Фредерика короля о Ливонской земле. И царь и великий князь з Датцким с Фредериком королем велел зделати на докончании, а дал ему в Ливонской земле остров Езель да Викцкой уезд, а на острове Езеле город по-немецки Зонемъборих, а по-чюдски Масар, а в Витцкой земле городы: город Апсал, город Лод, слобода старая Перповская, город Касть, город Леяль; костел девичь в Леяле слободами, да в Колывани двор бископль да дворы поповские тое Колываские бискупли ропаты; да две мызы: мыза Яколь, мыза Фюгуфел; а в Курской земле бискупли дръжавы Куского город Пиктем, город Артен Менъден, городок Донданген, городок Неинъгуз, городок Анботоден, городок Сакен, городок Етъввань. Те города и острова были изстари ко Езелскому бискупству; а опричь тех имен и иных городов от города от Риги и от города от Колывани и от Ливонские земли и от Курские короля Датцсково послы в государя своего место Фредерика короля отступилися, что государю их Фредерику королю вперед до Ливонские земли ни до которых дела нет. На том и докончальные грамоты пописали и крест на грамотах целовали; а грамоте писали государя своего Фредерика короля государю царю и великому князю приателем и соседом, а преже того Датцкой король Иван и Фредерик король и иные короли писалися в докончальных грамотах и в посылных с прежними великими государи Московскими братом. А из Можайску царь и великий князь Датцких послов отпустил, а послов своих в Датцкую сказал князя Онтон Михайловича Ромодановского-Ряполовского да Ивана Михайловича Висковатого да дьяка Петра Григориева сына Совина. А пошли князь Онтон с товарищи из Ругодива з Датского короля послы вместе на их кораблех Сентября в 15 день. — Того же месяца Июля в 22 день царев и великого князя боярин и воевода князь Петр Семенович Серебряной с товарищи писали к государю в Можаяск, что они ходили из Дорогобужа в Литовскую землю ко Мтиславлю и у Мстиславля верхние посады пожгли; а которые люди Литовские из города выходили, и они тех людей подили; и прислали с того дела пятьдесят языков Литовских, а сами, дал Бог, в Дорогобуж пришли здорово» (ПСРЛ. Т. 13. С. 341–343).

¹ «Лета 7071 (1563). Сентября в 5 день, царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси для своего дела Литовского стоял в Можайску, а по-

1564 г. — Иван IV; дважды посещал Можайск, в октябре был на освящении церкви Успения, что у Государева двора¹ (в районе нынешней ул. Бородинской, 5–7), в ноябре при поездке в Верею и Вышгород²;

1592 г. — царь Федор Иванович; на богомолье у Николы Чудотворца³.

шел из Можайску к Москве, а шел на Боровеск и праздновал на Рождество Пречистые в Боровску в Пахнутиеве монастыре» (Там же. С. 343). «А пришел государь в Можаяск Декабря в 5 день, а с ним царь Александр Сафакиреевич Казанской» (Там же. С. 347). «Тоя же зимы, Декабря в 17 день, царь и великий князь пошел из Можайску в Торопец, а ис торопца к Лукам, а на Луки пришел Генваря в 5 день» (Там же. С. 348).

¹ Мокеев Г. Я. Можайск — священный город русских. С. 110–111.

² «Лета 7072-го (1564). ...Того же дни, Сентября в 21 день, во вторник, царь и великий князь поехал в объезд к Троице живоначалной в Троецкой монастырь молотися, а от Троицы из Сергиева монастыря поехал в Можаяск. А в Можайску свещал государь церковь Успения пречистые Богородицы дубовую брусеную о пяти верхах, что против государева двора, а у нее пять приделов, а освящена бысть Октября в 3 день, а свещал ее Ростовской архиепископ Никандр. А из Можайску государь ездил в Старицу, во княже Володимирову отчину Ондреевича дворцовым селам, а князь Володимер Ондреевич с ним же; а в Верее у князя Володимера Ондреевича государь был и пировал, и по Верейским селом дворцовым и по Вышегородским государь ездил» (ПСРЛ. Т. 13. С. 370). «Того же месяца Ноября в 26 день царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси менял со князем Володимиром Ондреевичем землями: выменил у князя Вышегород на Петров и с уезды да в Можайском уезде княжие волости, волость Олешню, волость Воскресеньскую, волость Петровскую; а променил государь князю Володимерю город Романов на Волге и с уездом, опричь Рыбные слободы и Пошехония» (Там же. С. 372). «Молебная же государь свершив в том монастыре и братию накормив, и оттоле ехал к троице в Сергиев монастырь, и преподобному чудотворцу Сергию моляся и братию накормив, и ездил в Можаяск, а из Можайска во княже Володимировскую Ондреевича вотчину в волость в Олешню, и был во всех дворцовых селех и в Верее и в Вышегороде» (Там же. С. 383). «Того же лета, Июля в 13 день приехали ко царю и великому князю из Нагай от Тинехмата-князя и от мирз Нагайские Татарове гонцы, от Тинехмата-князя гонец его Аккерей, а от Урус-мирзы гонец Асмач, и от иных мурз» (Там же. С. 384).

³ «В лето 7100-го (1592) О походе царя Федора по монастырем молитца. Царь же Федор Иванович отпусти бояр своих в Немецкую землю, а сам государь пошел по монастырем молотися и был у Живоначалные Троицы в Сергиеве монастыре, да в Можайске у Николы Чудотворца, в Боровске у Чудотворца Пафнутия, во Звенигороде у Савы в Сторожевском монастыре» (ПСРЛ. Т. 14. С. 44).

Частым посетителем Можайска был митрополит Макарий¹, бывший в 1523–1526 гг. настоятелем Лужецкого монастыря в чине архимандрита².

Анализ летописных известий позволяет утверждать, что в XVI в. развитие фортификационных функций Можайского кремля уступало место сакральным и представительским. Тому находятся археологические и архитектурные подтверждения, свидетельствующие о перестройке в 40-е гг. XVI в. белокаменного воротного комплекса.

При воссоздании в середине XIX в. Петро-Павловского (Старо-Никольского) собора на его северный фасад по обе стороны от входа были помещены две белокаменные доски с граффити. Весной 2008 г. автору этих строк совместно с архитектором-реставратором Сергеем Александровичем Шаровым-Делоне удалось прочесть до конца надпись на левой доске, а также начать чтение надписи на правой доске.

Правая плита, вмурованная в стену в перевернутом виде, вероятно, уже в момент ее установки плохо читалась. Граффити на ней очень неглубокое. Вся надпись состоит из 8 строк, начертанных по разграфленному полю полуустановом XVI в. В шестой строке прочтено: «...но молитися Богу...». Возможно, это одно из свидетельств царского паломничества к иконе Святого Николы.

Надпись на левой плите, сделанная в той же манере, что и правая, была прочтена следующим образом (рис. 29): «лета 7049-го делали паперть да и город делали того ж лета пожгле я». Наш вариант перевода таков. «В 1541 г. делали паперть да и город делали, поскольку в том году их сожгли». Причины пожара остаются пока неизвестными. Имеется предположение, что это как-то могло быть связано с бунтами и разбоем, поразившими страну в период регентства Елены Глинской и сопровождавшими первый период осуществления Губной реформы³. Как бы

¹ Макарий (ок. 1482–1563). Митрополит Московский и всея Руси (с 1542 г.), в 1526–1542 гг. архиепископ Новгородский. Сторонник иосифлянства, ученик Иосифа Волоцкого.

² *Архимандрит Макарий (Веретенников)*. Всероссийский Митрополит Макарий (Настоятельство в Лужецком монастыре) // Сборник Научной конференции «Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура 15–16 вв.». Можайск, 1993. С. 9–15.

³ Губная реформа — реформа местного управления в Русском государстве XVI в. Была вызвана обострением социальной борьбы. По этой

там ни было, в результате пожара от деревоземляной крепости остались лишь земляные валы, да обгоревшая белокаменная башня рубежа XIV–XV вв. В короткой записи о восстановительных работах на первом месте упомянута некая паперть, вместе с которой «и город делали». Архитектурные и археологические обследования церкви Петра и Павла показали, что никакой паперти (во всяком случае, с северной стороны храма, где установлены плиты с надписями) первоначально не было. Да и связывать напрямую паперть церкви Петра и Павла с «городом» нет никаких оснований. Скорее всего, речь идет о паперти церкви, устроенной на белокаменных воротах крепости. И тому есть архитектурно-археологические подтверждения.

В ходе археологических исследований в подклете Ново-Никольского собора в 2006 г. (Приложение 2) были открыты белокаменные фундаменты середины XVI в., относящиеся к ремонту прежних белокаменных ворот. В результате этой перестройки ворота увеличились в северную сторону на 5,5 м, а общие габариты комплекса составили не менее 18 м с запада на восток (вдоль линии укреплений) и не менее 15 м с севера на юг (поперек укреплений). Длина проезда ворот составила около 15 м при ширине проезда 3,4 м и высоте арки ворот в 4 м. Таким образом, с расширением верхней площадки комплекса въездных ворот на 5 м на север появилось пространство для устройства

реформе дела о «ведомых» лихих людях (разбойниках и ворах) были изъяты из суда наместников и волостелей и переданы «выборным головам» (губным старостам) из местных детей боярских. В помощь им из «лучших» (зажиточных) крестьян избирались губные целовальники. Губная реформа предоставила господствующему классу широкие возможности для использования губных органов в борьбе с антифеодальными выступлениями крестьян и холопов. Наиболее ранние губные грамоты относятся к 1539 г. К этому времени в Москве учреждается Разбойный приказ для надзора за деятельностью губных органов. В начале 40-х гг. XVI в. Губная реформа была проведена в большинстве районов России, завершена правительством Ивана Грозного к 1555–1556 гг. Наибольшее развитие губная организация как форма местного самоуправления получила во 2-й половине XVI в. в связи с образованием сословно-представительной монархии. В результате земской реформы Ивана IV губные учреждения превратились в главные органы уездного управления. В их ведение перешли составление кабальных книг, почти все уголовные дела, надзор за общественным порядком в уездах (губах) и другие полицейские функции. В Москве 1555–1556 гг. создана первая Уставная книга Разбойного приказа. В XVII в. губные старосты были ближайшими помощниками воевод (Хронос. <http://www.hrono.ru/organd/gubnaya.html>).

каменной паперти, которая заменила собой деревянную, сгоревшую, судя по надписи на белокаменной плите, вместе с городом в 1541 г. В таком случае, мы должны признать, что к этому времени на древних белокаменных воротах уже существовала каменная церковь (рис. 30).

Время строительства этой первоначальной надвратной церкви пока не ясно. По мнению С. А. Шарова-Делоне, со всей серьезностью можно было бы рассмотреть возможность отнести строительство первоначальной надвратной церкви к 50–60-м гг. XV в. Для построек этого времени характерно сочетание белокаменной кладки с кирпичными вставками¹. Подобные элементы открыты на фасаде Можайской надвратной церкви. Однако физическое отсутствие других построек этого времени не позволяет опереться хоть на какие-то аналоги. Дополнительная проблема для такого раннего датирования — толстый шов и густой раствор, по общему мнению, введенные в практику белокаменного строительства только Аристотелем Фьораванти, то есть не ранее 1475 года.

Отчасти в решении вопроса датировки первоначального надвратного храма мог бы помочь общий исторический контекст. Прежде всего, следует учесть, что строительство надвратной церкви критично снижает боевые качества крепостной башни, верхняя площадка которой оказывается занята сооружением, далеким от военных функций. В рамках этой логики, такая перестройка могла быть предпринята не ранее 1514 г., когда войсками Василия III был взят Смоленск, и Можайская крепость оказалась тыловой.

С другой стороны, у нас имеются свидетельства иноземных послов Франческо де Колло и Сигизмунда Герберштейна, посещавших Можайск в 1517, 1518 и 1526 гг. А они в один голос утверждают, что «это земля большая и богатая, но неукрепленная, хотя там и имеется мощная деревянная крепость»². Иностранные послы, приезжавшие в Можайск к великому князю искать мира, не могли не обратить пристального внимания на состоя-

¹ Церкви Воздвижения Креста на дворе В. Г. Ховрина в Московском кремле (1450 г.), собор Рождества Богородицы Боровского Пафнутьева монастыря (1466 г.), собор Вознесенского монастыря в Московском кремле в редакции В. Д. Ермолина (1467 г.) (*Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988. С. 11–12, 39–42, 44–45).

² Франческо де Колло. Донесение о Московии. С. 24; Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 144.

ние Можайской крепости. Как же они «прозевали» белокаменную башню, стоявшую на въезде в крепость уже более ста лет? Такая ошибка могла случиться в том случае, если они приняли белокаменную боевую башню за церковь, под которой осуществлялся проезд в хоть и сильную, но дерево-земляную крепость. Такое заключение может служить косвенным аргументом в пользу датирования строительства надвратной церкви периодом 1514–1517 гг.

Если датировка церкви может вызвать сомнения, то посвящение ее очевидно. Это была церковь во имя Николы Чудотворца, и предназначалась она для хранения и выставления резной деревянной иконы Николы Можайского (рис. 31)¹. Южные двери храма являлись своеобразным киотом для выставления резной фигуры святого. Северные и западные двери служили для входа молящихся. Популярность культа Николы Можайского делала необходимой устройство обширной паперти перед входом. Первоначально такую роль играл боевой всход на башню, расширенный в деревянную площадку на ее верху. После пожара 1541 г. эту паперть заменили каменной, столь просторной, что на ней во второй половине XVI в., возможно при царе Федоре Ивановиче, соорудили церковь Воздвижения Честного Креста, примкнувшую к первоначальной церкви с севера.

С южной стороны крепости перед въездом в ворота была организована обширная каменная площадка, на которую приходил деревянный мост. Археологические работы внутри Ново-Никольского собора (шурф 1/2001), а также проведенные в 2006 г. геофизические исследования участка вдоль южного фасада собора показали, что в настоящее время эта предвратная конструкция скрыта внутри поздней террасы. Белокаменная облицовка этой поздней террасы раскрыта нами на южных склонах Никольской горы. Установлено, что основание предвратной конструкции XVI в. залегает на глубине 6–9 метров от современной поверхности. Сооружение ориентировано вдоль продольной оси Ново-Никольского собора и поперек оси проезда ворот XVI в. Длина каменной въездной площадки в XVI в. составляла 26 м, ширина — около 4 м. Внешний южный край конструкции зафиксирован в 2 м к югу от нынешнего южного фасада Новоникольского собора. Внутренний северный край сооружения зафиксирован в шурфе

¹ Книга в лицах об избрании на царство царя Михаила Федоровича. Альбом. М., 1895. Прорись с миниатюры осуществлена Т. В. Виноградовой.

1/2001 под южной стеной Новоникольского собора¹. В основе сооружения зафиксированы деревянные сваи. Таким образом, Ново-Никольский собор всем своим южным фасадом, за исключением колокольни, опирается на построенную в XVI веке каменную предвратную площадку размером 26 x 4 м с глубиной залегания фундаментов 6–9 м.

Можайская крепость в XVI в. постепенно приобретала черты, характерные для монастырей. Впрочем, для монастырей XVI в. военная составляющая также была важна, что со всей определенностью проявилось во времена Смуты.

В 1596–1598 гг. дьяк Владимир Федорович Загряский с подьячими Деем Чечезовым и Леонтием Софоновым составили переписные книги по Можайску и Можайскому уезду². Помимо прочего, в этих книгах содержится самая ранняя (из дошедших до нас) подробная роспись Можайской крепости, включающая описание ее застройки и обмеры укреплений. Указаны также названия башен (рис 32).

В крепости значились:

каменная соборная церковь Николы Чудотворца Можайского с приделом мученика Христова Георгия;

на Никольских воротах — каменная церковь Воздвиженья креста с приделом Николы Чудотворца Можайского (здесь хранился резной образ Николы Можайского);

церковь Преображения деревянная шатровая;

церковь Дмитрия Солунского деревянная шатровая;

церковь Похвалы Богородицы с приделом Михаила Архангела деревянная срубная;

изба с клетью, где размещались губные старосты;

изба с сенями для городского приказчика и целовальников денежного сбора;

подворье никольского причта, состоящее из двух изб с сенями для никольского протопопа с братьями, четырех срубов для никольских соборных попов, двух изб с сенями под богадельни с 12 проживающими там нищими и двух изб с сенями для никольских сторожей;

¹ Оценка инженерно-геологических условий территории Никольской горы (Можайского кремля) с целью разработки комплекса охранных мероприятий. Выполнено по договору № 32 с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. Москва., 2002. Приложение 1.

² Книги писцовые города Можайска 1596–1598 гг. // Можайские акты. СПб., 1892. С. 5–69.

две тюрьмы, вероятно, в виде острогов, внутри которых, помимо прочего, находились две избы с сениями для тюремных сторожей;

подворье Лужецкого монастыря, состоящее из двух изб с сениями и амбара;

семь государевых житниц («ветхи пусты»).

Остальное свободное пространство крепости занимали, надо полагать, осадные дворы¹.

Деревянная крепость имела двое ворот: каменные Никольские с юга и деревянные Петровские с севера, между которыми, как и прежде, пролегла главная улица крепости. На Никольской башне находились «часы боевые». «А у них живет часовник Лукашко Федоров — живет на посаде»². Кроме того, в крепости значились четыре башни. Одна помещалась на западном мысу, на месте последующей Косой наугольной башни. Три других размещались со стороны «всполья» на «большом валу» — там, где впоследствии находились Круглая наугольная, Красная и Белая башни.

Для обмера города переписчиками была применена «народная сажень» размером 1,76 м³. Кроме того, в каждом прясле стен подсчитывалось количество бревенчатых городен, из которых эти стены были составлены. Каждая городня равнялась трем сажням, что составляло без малого 5,2 м. Далее приведем результаты обмеров прясел стен по часовой стрелке, начиная с Никольской каменной башни.

От Никольской до Наугольной, «что от реки от Можай»⁴: 27,5 городен, 81,5 сажень (143 м).

От Наугольной башни до Петровских ворот: 20 городен, 60 сажней (106 м).

От Петровских ворот до Наугольной башни, «что от речки от Москвы против Акиманского монастыря»⁵: 20 городен, 60 сажней (106 м).

¹ Вероятно, благоустройство именно этих дворов (включая дренаж) и три постройки были зафиксированы при наблюдениях в траншее 2/2005. См. Приложение 2.

² Книги писцовые города Можайска 1596–1598 гг. // Можайские акты. СПб., 1892. С. 13.

³ Известно, что ныне периметр кремлевских валов составляет 592 м. При обмерах крепости 1596–1598 гг. длина валов насчитывала 336 сажней. Следовательно, должна была применяться сажень, размером 176 см. Такие размеры соответствуют «народной сажени».

⁴ Позднее здесь стояла Косая башня.

⁵ Позднее здесь стояла Круглая наугольная башня.

От Наугольной башни, «что от речки от Москвы против Акиманского монастыря» до «другие башни, что против торгу»¹: 18 городен, 54 сажени (115 м).

От «другие башни, что против торгу» до башни, «что подле часовни»²: 10 городен, 30 сажней (53 м).

Всего длина стен по городу, не считая башен, получалась 336 сажней или примерно 592 м. От города крепость отделялась оврагом, превращенным в ров, через который вел «мост деревянной сделан на взрубех». Таким образом, вплоть до конца XVI в. Можайская крепость выглядела практически так же, как и в начале XV в. Только две надвратные церкви свидетельствовали о переменах в ее жизни. Деревянные стены и башни ко времени обмеров пришли в упадок, что и зафиксировано в росписи³.

Вооружение крепости также находилось в бедственном состоянии. Арсенал насчитывал 4 медные пушки («пищали медяны») без станков и колес («станки и колеса згнили и изломались») и 10 городских мушкетов («пищали затинные»). Две пушки имели калибр 1 фунт (около 50 мм), и к ним было 200 железных ядер, третья пушка калибром полфунта была снабжена 100 ядрами. Четвертое, самое большое, орудие имела калибр 2,5 фунта и боезапас в 100 железных ядер. Городовые мушкеты имели, видимо, калибр 1/8 фунта. Каждый мушкет был снабжен 100 железными ядрами. Пороху в арсенале содержалось 7,5 пудов. Такого вооружения, в случае его исправности, могло хватить только для боевого расчета Никольских ворот или двух башен.

¹ Позднее здесь стояла Красная башня.

² Позднее здесь стояла Белая башня.

³ «Город Можайск на речке Можайе деревянной омазан был глиною, стена обалаялась, а кровля на городе згнила...» Книги писцовые города Можайска 1596–1598 гг. СПб., 1892. С. 5.

Глава 16.

«СТАРОЕ ДЕЛО».
МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ
НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.

Роспись 1596–1598 гг. выявила бедственное состояние крепости. Реконструкция Можайского кремля началась в правление Бориса Годунова¹, активно продолжалась в недолгое царствование Лжедмитрия I и была прервана Смутой². Строительство происходило в рамках деятельности Приказа каменных дел. Ближайшим пунктом приложения усилий этого ведомства можно назвать замок Бориса Годунова в Борисовом Городке.

Данные о реконструкции можайской крепости в период до Смутного времени содержатся в росписи 1624–1626 гг.³ Из документа выясняется, что работы начала XVII в. охватили два участка укреплений длиной около 110 метров в обе стороны от Никольской каменной башни середины XVI в. (рис. 33). Эти участки укреплений обозначены в росписи термином «старое дело». Примерно посередине каждого из этих каменных участков

¹ Царствовал в 1598–1605 гг. Посетил Можайск в 1603 г.

² Краковский дворянин и коронный подстолий Станислав Немоевский, сопровождая Марину Мнишек в Москву, 22 апреля (2 мая) 1606 г. был в Можайске, о чем сделал запись в своем дневнике. «Можайск недурной городок, кремль начали строить при Борисе Годунове, в нем монастырь Святого Николая Чудотворца. Царь Димитрий приказал заканчивать этот кремль, и уже по вступлении его на престол выведена немалая часть стены.» (Записки Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 200). 3 (13) июня 1605 г. вдовая царица Марья Годунова и царь Федор Борисович были убиты и представлены народу как «отравившиеся со страху». В первой декаде июля 1605 г. Лжедмитрий I, будучи в Серпухове, издал присяжную запись для приведения народа к крестному целованию и двинулся к Москве. 20 (30) июля 1605 г. Лжедмитрий I с триумфом въехал в Москву. Менее чем через год, 17 (27) мая 1606 г. Лжедмитрий I был убит, ворвавшейся в Кремль толпой, в ходе реализации заговора, во главе которого стоял будущий царь В. И. Шуйский. (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 8. Гл. 2, 3 // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1994. С. 454–490). В XVII в. Юлианский календарь отставал от Григорианского на 10 дней.

³ Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 г. // Можайские акты. С. 99–100, 104–110, 117–119.

укреплений значатся башни: на западе — Кухня, на востоке — Белая. Появление башни Кухня знаменовало актуализацию фортификационной системы путем более равномерного распределения башен по линии стен. Толщина каменных стен крепостных прясел и башен внизу составила 2,7 м, размеры башен в плане по подошве — 7,5 × 7,5 м. Надо полагать, что нижняя часть стен и башен складывалась из белого камня, верх — из кирпича.

Весь проект новой Можайской крепости должен был состоять из двух частей: собственно строительной, опиравшейся на совокупность норм и правил современного каменного крепостного строительства, и фортификационной, включавшей приемы смены деревоземляных укреплений на каменные. Приемы реконструкции и совершенствования старых крепостей, в частности способы смены деревоземляных укреплений на каменные, были выработаны и освоены при строительстве трех поясов московских укреплений. Кремль (1485–1516), Китай-город (1534–1538) и Белый город (1584–1598) строились таким образом, что деревоземляные валы оказывались облицованными новыми каменными стенами, поставленными «подле вала». Этот фортификационный прием, изобретенный в Литве в первой половине XIV в. и теоретически обоснованный в начале XVI в. Дюрером¹, широко использовался в Европе для совершенствования земляных укреплений². По тем же правилам Федор Конь строил в 1595–1601 гг. каменные стены Смоленской крепости. Однако этот обязательный инженерный прием не нашел своего применения в можайской крепости начала XVII в. Новые каменные стены ставились по старинке на вершине древних земляных валов на ленточных фундаментах. Наиболее близким аналогом Можайской крепости в этом плане служат стены Борисова Городка, возводимого Борисом Годуновым в те же годы для своего замка в 10 км к югу от Можайска (рис. 34). Этот факт свидетельствует в пользу того, что изначально каменные стены Можайской крепости задумывались как монастырские, во многом декоративные, что совершенно соответствовало статусу, приобретенному Можайским кремлем в XVI веке.

¹ Дюрер А. Дневники. Письма. Трактаты. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 99–106.

² Этот же прием использовался и в Смоленске. Каменные стены Смоленской крепости конца XVI в. ставились Федором Конем перед линией деревоземляной бастионной крепости 1534–1536 гг., которая превращалась в компартимент. (Сапожников Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 64–65).

В росписи 1624–1626 гг. участки укреплений к востоку и к западу от Никольских ворот описаны по-разному. Так, Белая башня обозначена как «разбитая в королевичев приход»¹. При описании строительных работ по стене этого участка указано, что «поделана вновь старая городовая каменная стена и зубцы», а Белая башня «и з зубцы поделана вся вновь». Иначе отмечены работы по западному участку стен с башней Кухня. Здесь применяется термин «сделана вновь по старой подшве». Никаких указаний на состояние стен и башни на этом участке, а также информации о разборке прежних кладок не содержится.

По нашему мнению, при Борисе Годунове, в период с 1603 до лета 1605 г., на обоих участках новой стены была заложена только «градная основа», то есть фундамент и белокаменный цоколь². При Лжедмитрии I, в период с лета 1605 по лето 1606 г. восточный участок стены с Белой башней был в значительной степени закончен, тогда как западный участок стены с башней Кухней так и остался в виде «основы градной» или «подшвы». Именно поэтому в 1624–1626 гг. Белая башня и стены вокруг нее обозначены в росписи термином «поделаны вновь и з зубцы», а башня Кухня с окружающими пряслами — «сделана вновь по старой подшве». Отметим, что именно термин «сделана» применен в росписи 1626 г. ко всем остальным вновь построенным участкам крепости 1624–1626 гг.

Устаревшая фортификационная схема и незавершенность работ по реконструкции привела к тому, что в период Смуты Можайская крепость не играла заметной роли в военных действиях. Противоборствующие стороны без особого труда захватывали крепость, лишённую части своих древних укреплений и не приобретшую новых. За 8 лет, в период с весны 1605 по весну 1613, Можайская крепость восемь раз переходила из рук в руки, оставаясь разменной монетой в большой военно-политической игре³.

¹ Имеется ввиду неудавшаяся попытка взять город в 1618 г., предпринятая королевичем Владиславом Сигизмундовичем, претендовавшим на московский царский венец.

² Замок на Борисовом городке, который строился одновременно с Можайской крепостью, судя по имеющимся материалам, также остался незавершенным (*Pannofort* П. А. Русское шатровое зодчество конца XVI в. // МИА. М.; Л., 1949. № 12. С. 272–286).

³ Летом 1605 г. крепость добровольно сдается Лжедмитрию I. Весной 1606 г. она переходит в руки правительства Василия Шуйского (См.: *Соловьев С. М. Сочинения*. Кн. 4. М., 1994. С. 454–490). В начале осени 1606 г. гарнизон Можайской крепости встает на сторону Ивана Болотникова. 15 ноября 1606 г. служилые люди из Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, Серпейска совместно с

Покидая Можайск весной 1613 г., поляки учинили в городе резню, сожгли крепость и посад. Присланные в Можайск в марте 1614 г. воевода Смирной Елизарьевич Отрепьев и дьяк Михайло Смывалов установили, что Можайск опустел на 80%¹. Из оставшихся обывателей только 5% были признаны «добрыми», а 85% «худыми» и бобылями. В переписи двенадцать раз повторена одна и та же фраза: «а посадских людей и их жен и детей в прошлом во 121 г. польские и литовские люди побии и дворы их пожгли». В 1614 г. в Можайске было собрано государственных налогов в размере 75 копеек². Фактически город перестал существовать.

Нетрудно представить себе состояние Можайской крепости в этот период. Почти пустой холм, опоясанный по бровке земляными валами почти что безо всяких стен. Только с южной стороны возвышалась кирпичная на белокаменном цоколе Никольская башня с каменными надвратными церквями. Перед башней, на южном склоне Никольского холма, виднелся бастион, облицованный камнем. К восточному фасаду Никольской башни примыкала кирпичная на белокаменном цоколе крепостная стена длиной около 100 метров. На середине прясла стены одиноко стояла кирпичная на белокаменном цоколе крепостная башня.

царскими войсками под командованием воеводы Колычова заняли Можайскую крепость. В мае 1608 г. польский отряд из войска Лжедмитрия II без особого сопротивления занимает Можайск (См.: там же. С. 502–503, 519). После развала Тушинского лагеря войска, оставшиеся верными Лжедмитрию II, в марте 1610 г. пытались выбить из Можайска польский гарнизон, обратившийся на сторону Сигизмунда III, но безуспешно (*Дневник осады Смоленска // Тушинский вор*. М., 2001. С. 57). Видя шаткость своего положения, а также принимая во внимание призыв Сигизмунда III к полякам прибыть к Смоленску для осады, начальник можайского гарнизона поляк Вильчек весной 1610 г., предложил царю Василию Шуйскому купить у него Можайск за 100 рублей. Сделка состоялась. В Можайскую крепость немедленно был направлен брат царя Дмитрий с войсками. 24 июня 1610 г. после поражения под Клушиным, царские войска оставили Можайскую крепость полякам, а можаичи присягнули королевичу Владиславу и пополнили войско гетмана С. С. Жолкевского (См.: *Соловьев С. М. Сочинения*. Кн. 4. М., 1994. С. 608.). И только к весне 1613 г. Можайская крепость окончательно перешла в руки нового московского царя Михаила Федоровича Романова (См.: *Соловьев С. М. Сочинения*. Кн. 5. М., 1995. С. 34).

¹ Книги дозорные о посадах города Можайска. 1614 г. // Можайские акты. СПб., 1892. С. 70–80.

² Книги дозорные о слободах города Можайска. 1614 г. // Можайские акты. С. 80–81.

Глава 17.

«КОРОЛЕВИЧЕВ ПРИХОД». МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ В ОСАДЕ 1618 Г.

Уход поляков из Можайска, изгнание их из Москвы и даже всенародное избрание новым царем Михаила Федоровича Романова хоть и знаменовало собой угасание Смуты в обществе, но вовсе не означало конца войны, порожденной этой Смутой. Казна была совершенно пуста¹. Верные новому царю ратные люди, дворяне и казаки в поисках пропитания разбойничали и грабили повсюду². На северо-западе продолжалась война со Швецией. Шведы удерживали Новгород, Старую Руссу, Корелу, а летом 1615 г. осадили Псков. На юге отряды полковника Александра Лисовского, а также малороссийские казаки и черкасы не подчинялись польскому королю и не нуждались ни в каких поводах для продолжения разбоя и грабежей. Вся Северская земля от Чернигова до Брянска, Курска и Орла была охвачена

¹ 24 мая 1613 г. царь, обращаясь за помощью к купцам Строгановым писал: «Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские, козаки, стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, многие нужды и страсти терпели и кровь проливали, поместья и вотчины у них от долгой войны запустели и службы своей исполнять им нечем; стрельцы и козаки служивую рухлядь проесли, и на нашей службе им быть нельзя за великою бедностью; в казне нашей денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего. Выходцы и языки в расспросе боярам нашим сказывают, что литовские люди хотят идти под Москву, а в нашей казне денег и в житницах хлеба нет нисколько» (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. М., 1995. С. 16–17).

² Весной 1613 г. духовенство от имени всего Земского собора писало Строгановым: «Ратные люди великому государю бьют челом беспрестанно, а к нам, царским богомольцам, и к боярам приходят с великим шумом и плачем каждый день, что они от многих служб и от разоренья польских и литовских людей бедны и служить не могут, на службе им есть нечего и оттого многие из них по дорогам ездят, от бедности грабят, побивают, а унять их никакими мерами, не пожаловав, нельзя; только им не будет царского денежного и хлебного жалованья, то все они от бедности поневоле станут воровать, грабить, разбивать и побивать» (Там же. С. 17–18).

непрекращающимися боевыми действиями, подступавшими вплотную к Можайску.

Сложнее всего обстояли дела на западном направлении как в военном, так и в дипломатическом плане. Смоленск был взят. Там стояла наготове армия во главе с польским королем Сигизмундом III, к которому стекались отступавшие из Москвы польские отряды. Тремя годами ранее, после свержения царя Василия Шуйского, 27 августа 1610 г. Москва присягнула на царство сыну польского короля, Владиславу Сигизмундовичу. От имени этого царя даже была выпущена серебряная монета, имевшая широкое официальное хождение¹ (рис. 35). А теперь

¹ В 2005 г. на территории Можайского кремля в раскопе 1/2005 был найден клад, содержащий такие монеты. Клад представляет собой, так называемую «стопку», то есть первоначально он был завернут в бумажку. В наше время так хранят и учитывают мелочь кассиры, а в XVII в. это было распространено повсеместно. Например, в описи имущества умершего в 1645 г. Никиты Ивановича Романова перечислено множество таких «стопок», названных «бумажками», с указанием имен и сумм.

Стопка монет можайского клада спеклась от коррозии. Однако на некоторых монетах возможно прочесть: «Великий князь Владислав Жигимонтович Всея Руси». Такие монеты-копейки были чеканены в Москве от имени призванного на царство в 1610 г. сына Сигизмунда III Вазы, королевича Владислава. Чеканка производилась на Кремлевском монетном дворе с лета 1610 г. до 1 ноября 1612 г., когда сдался польский гарнизон Кремля.

До недавнего времени монет Владислава Жигимонтовича известно было немного. В кладах они встречены всего по несколько экземпляров. Единственное исключение составляет находка 1994 г. В этот год в Московском кремле под зданием Сената у Никольских ворот был найден клад монет, содержащийся в белоглиняном с зеленой поливой кувшине европейской работы. В кувшине обнаружено 3427 монет, среди которых более половины принадлежало чекану Владислава Жигимонтовича.

Большая часть кладов, содержащих эти монеты, обнаружена в Москве, причем, в центральной части. До находки можайского клада нам было известно 11 кладов, включающих монеты Владислава. Восемь из них происходят из центра Москвы: 1839 г. — Серебрянический переулоч; 1883 г. — Чистый пруд; 1902 г. — Б. Пироговская улица близ Новодевичьего монастыря; 1945 г. — Красная площадь; 1951 г. — Гончарная улица; 1994 г. — Московский Кремль, здание Сената у Никольских ворот; 1998 г. — Б. Черкасский переулоч; 1999 г. — Кадашевская набережная, 16, 18 (монеты найдены в виде «стопок», прямо как в Можайске). Один клад происходит с окраины Москвы. Он был найден в 1947 г. на Рязанском проспекте на месте села Карачарово в 5 км на юго-восток от Садового кольца, границы Москвы начала XVII в. Еще один клад происходит из ближайших окрестностей Москвы. Он был найден в 1950 г. в деревне Тимохово Ленинского района Московской области в 25 км от Садового кольца.

в польском плену находились не только братья свергнутого и умершего в плену царя Василия Шуйского, но также и отец нового царя Филарет (Федор Никитич Романов), который был в свое время послан к польскому королю Сигизмунду III с известием, что Москва целовала крест Владиславу¹. Получалось, что в России правят два царя, польский и русский, притом что отец первого держит в плену отца второго². Поэтому московским дипломатам было строго наказано отрекаться накрепко от инфор-

Информация о московских и подмосковных кладах взята из открытых источников (Векслер А. Г., Мельникова А. С. Московские клады. М., 1988. № каталога 158–161, 193, 210, 215; *Они же*. Российская история в московских кладах. М., 1999. № каталога 185, 189; Векслер А. Г. Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством офисного комплекса зданий по адресу Кадашевская наб., 16, 18. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 1. ОПИ ИА РАН № 181).

В 1998 г. монеты Владислава были найдены в составе клада петровского времени в Коломне в 100 км от Москвы (Мазуров А. Б. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1).

И вот в 2005 г. — новая находка, опять в 100 км от Москвы, теперь уже на западе — в Можайске. По нашему мнению, такая картография находок свидетельствует о том, что монеты, чеканенные от имени Владислава, шли в первую очередь на выплату жалования польским гарнизонам, один из которых стоял в те годы в Можайске, а также и другим польским шляхтичам в счет уплаты их расходов на московскую кампанию. Именно об этом они постоянно просили и Лжедмитрия II и короля Сигизмунда III. Кто им обещал больше, на стороне того они и воевали. Поэтому, возможно, часть копеек Владислава активно поступала и к тем полякам, которые оставались до поры до времени в лагере Лжедмитрия II, а потом, после убийства Тушинского вора, оказались в свите его жены Марины Мнишек. Как известно, последние годы жизни Марина провела в Коломне, где содержалась под арестом вместе с сыном и свитой. Одна из сохранившихся башен Коломенского кремля, в память об этих событиях, носит название Маринкина.

¹ В этом Филарет упрекал русских послов: «Не гораздо вы сделали, послали меня от всего Московского Российского государства с наказом к Жигимонту королю просить сына его Владислава королевича на Московское государство государем; я и до сих пор делаю во всем вправду, а после меня обрали на Московское государство государем сына моего, Михаила Федоровича; и вы в том передо мною неправы; если уже вы хотели выбирать на Московское государство государя, то можно было и кроме моего сына, а вы это теперь сделали без моего ведома» (Соловьев С. М. Сочинения. М., 1995. Кн. 5. С. 39).

² Лев Сапега заявлял в 1614 г. московскому послу Желябужскому: «Еще де то у вас не пошлый государь; два у вас государя: один у вас на Москве, а другой здесь, Владислав королевич, ему вы все крест целовали» (Там же. С. 41).

мации об избрании Михаила Федоровича Романова на царство, ибо это означало прямой и совершенно законный повод для Сигизмунда III плохо обращаться с Филаретом, а также продолжить войну с новой силой¹. Семь дипломатических польско-русских съездов, посвященных поискам выхода из военно-политического тупика, продолжались три года с 1614 по 1616 г. и окончились ничем. 1 июля 1616 г. вновь вспыхнули боевые действия, а варшавский сейм согласился выделить 22-летнему королевичу Владиславу 11-тысячное войско для похода на Москву².

В апреле 1617 г. Владислав выступил из Варшавы в Луцк, где был объявлен войсковой сбор. В августе этого года Владислав прибыл в Смоленск, в конце сентября осадил и взял Дорогобуж. В конце октября стоявшие в Вязьме воеводы — князья Петр Пронский, Михайло Белосельский и Никита Гагарин, узнав о сдаче Дорогобужа, бежали, бросив крепость без боя. В декаб-

¹ 10 марта 1613 г. Земский собор отправил дворянина Дениса Аладына к королю Сигизмунду III с грамотой, в которой, прописав все неправды Сигизмунда, требовал размена пленных. В наказе Аладыну говорилось: «Если скажут, что в Москве выбрали в цари Михаила Федоровича Романова, то отвечать: «Это вам кто-то сказал неправду; в Москву всяких чинов люди съехались и о государском избрании советуются, но поджидают из дальних областей советных же людей». Аладыну также наказано было «в задор ничего не говорить». Посол должен был «править королю челобитье от освященного собора, от бояр, окольных и от всяких чинов людей всего великого Российского царствия». Если паны скажут, что русские Владиславу изменники, то отвечать изложением неправд королевских, мол, те изменники, «которые из-под Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли и вместе с польскими и литовскими людьми придумали Москву разорить, царскую многую неисчетную казну, собрание прежних великих государей, к королю отослали, а иную ратным людям раздавали; и они, злодеи, не только пыток, но и всяких злых смертей достойны». Впрочем, уже в следующем 1614 г. дипломат Желябужский получил такой наказ: «станут говорить, что Московского государства всяких чинов люди целовали крест королевичу Владиславу, то отвечать: «Московского государства всяких чинов люди перед великим государем вашим Жигимонтом королем и перед сыном его во всем том невинны. Вся неправда и невинное христианское кроворазлитие учинились со стороны великого государя вашего, а всего Московского государства людей души от того чисты. И вам за неправду государя вашего ныне и вперед поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московском государстве, и послов о том посылать незачем, то уже дело бывшее и давно о том государю вашему и вам от всего Московского государства отказано накрепко» (Там же. С. 31–32, 37).

² Там же. С. 109.

ре 1617 г. Владислав, окрыленный успехом, вместо устройства на зимних квартирах в Вязьме, подступил к Можайску. Попытка взять город сходу не удалась, благодаря фортификационной подготовке, проведенной Можайскими воеводами в период с 1613 г.¹ С большими потерями, прежде всего от холода, поляки принуждены были отступить к Вязьме и смогли вернуться к Можайску только к лету 1618 г., чтобы начать планомерную осаду.

Можайская крепость к этому времени была укреплена наспех. На месте сгоревших деревянных стен устроили острог, под прикрытием которого размещались боевые позиции. Для установки артиллерии, на западном и северном мысах крепости² были устроены огневые позиции — укрепленные частоколом «острожки»³. У защитников крепости не было тяжелой артиллерии. Большая часть огнестрельного оружия поступила вместе с отрядом воевод Лыкова и Волуева в декабре 1617 г. и представляла собой мушкеты и легкие полевые орудия. Оснащенная таким образом крепость не могла выдержать регулярной осады. Поэтому было приказано вывести из крепости основные войска, оставив там сдерживающий гарнизон под командованием воеводы Федора Волынского⁴.

¹ Воеводы в Можайске менялись постоянно: в 1613 г. — воеводой крепости значился Нашокин (Там же. С. 34); весной 1614 г. — Отрепьев Смирной Елизарьевич; летом 1614 г. — Замыцкий Иван Андреевич; весной 1616 г. — Шеховской Семен Данилович. (Книги дозорные о посадах города Можайска. 1614–1616 гг. // Можайские акты. С. 70–97.); 1617 г. — Федор Бутурлин и Данила Леонтьев, да Борис Михайлович Лыков и Григорий Волуев, посланные в декабре 1617 г. на подмогу из Москвы с шеститысячным отрядом. Летом 1618 г. к ним присоединился еще воевода Федор Волынский (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. С. 111).

² Там, где позднее были поставлены Косая и Круглая наугольные башни.

³ Там же. С. 113.

⁴ «А если узнают, что королевич и гетман и литовские люди пришли под Можайск на осаду и почаяют от них крепкой осады и дорожной отнимки, то они бы в осаде не садились, шли бы в отход к Москве со всеми людьми, которою дорожною бережнее и куда можно, и советовались бы об отходе тайно, чтоб никто не знал. А на которую дорогу отход свой приговорят, и они бы послали от себя к боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, тайно же, чтоб он на ту дорогу подставлялся, остроги или полки подводил и помогал им. А как в отход пойдут, и они бы в Можайске оставили с воеводою Федором Волынским осадных людей к прежним в прибавку, чтоб в Можайске в осаде сидеть было бесстрашно» (Там же. С. 113).

Произведенная поляками разведка¹ выявила главную слабость Можайской крепости — ее открытость для артиллерии со стороны Брыкиной горы. Это и определило план осады. Основные силы осаждающих концентрировались в районе Якиманского монастыря. Оттуда к крепости прокладывались «шанцы» — зигзагообразные траншеи, позволявшие безопасно двигаться к крепости все ближе и ближе. Как только «шанцы» достигнут «мертвой зоны» крепости, здесь планировалась концентрация штурмового отряда, который, после подкопа и подрыва остатков каменной стены, должен будет ворваться в крепость с юго-востока, на месте теперешнего моста. Важная роль в достижении успеха отводилась артиллерийским позициям, устроенным на Брыкиной горе в 300 м от укреплений. Собранной там полковой артиллерией командовал Александр Лисовский. В задачу Лисовского входило подавление огневого боя «острожков», а также разрушение единственной боеспособной башни крепости — Белой. Но главной целью батареи Лисовского являлся постоянный огонь в спину защитникам южных укреплений, со стороны которых предполагался приступ. Ведь эти укрепления прекрасно просматривались с Брыкиной горы. К концу июля основные подготовительные осадные работы поляками были завершены, «шанцы» были подведены вплотную к городу, а Белая башня разбита. Потери личного состава в гарнизоне крепости достигли 1000 человек. В этих условиях поступил приказ к отступлению всем русским войскам из Можайска, кроме осадного гарнизона воеводы Федора Волынского, оставляемого в Можайской крепости и фактически обреченного².

¹ «Черкасский пришел в Можайск и 21 июля писал государю, что накануне пришли из-под Борисова Городища под Можайск многие польские и литовские люди, разъезжают место под Лужецким монастырем по Московской дороге к Рузе, и надобно думать, что хотят отнять Московскую дорогу от Можайска; князь Лыков писал, что, по словам перебежчика, королевич и гетман пришли со всеми людьми из-под Борисова к Можайску на осаду» (Там же. С. 113).

² «29 июля Лыков доносил, что литовские люди к их острожкам приходят каждый день, из наряду и мушкетов стреляют и ратных людей побивают, и 27 числа ранили воеводу князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского; и теперь литовские люди шанцев прибавляют позади Якиманского монастыря и за рекою Можаяю поставили против их острожков наряд, бьют из шанцев в оба острожка и тесноту чинят великую. По польским известиям, у русских побито было более 1000 человек... В первых числах августа, выбравши темную бурную ночь, при проливном дожде, Черкасский и Лыков вышли потихоньку из Можайских острожков и 6 числа достигли Боровска, откуда двинулись к Москве» (Там же. С. 113).

Тем не менее, неудачи преследовали и армию Владислава. На войсковом сборе, произошедшем в оставленном и сожженном русскими Борисовом Городке, приехавший из Варшавы Лев Сапега, вместо денег, привез требование сейма окончить войну к концу года. Недовольство, вспыхнувшее в войсках, а также голод и отсутствие припасов не оставили Владиславу выбора. Он снял осаду Можайской крепости и спешным маршем двинулся вслед за отступившими русскими войсками к Москве, в надежде взять ее штурмом. Но этим планам так и не суждено было осуществиться¹.

¹ 17 сентября 1618 г. королевич Владислав был в Звенигороде, а 30 сентября стал лагерем в Тушино. В то же время к Москве подошла союзная Владиславу 20-тысячная казацкая армия гетмана Конашевича Сагайдачного. 1 октября начался приступ. Атакующие дошли до Арбатских и Тверских ворот Белого города, но дальше продвинуться не смогли. За военными неудачами последовали затянувшиеся до холодов пустые переговоры. В итоге холод, безденежье, бескормица и ропот войска заставил королевича отступить. 1 декабря в деревне Деулино поляками, не имевшими больше ни сил, ни времени для продолжения войны, было подписано перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Текст перемирия закрепил ряд территориальных утрат России, притом что польская сторона не сняла претензий Владислава на московский престол и отказалась признать царем Михаила Федоровича. Деулинское перемирие прямо вело к возобновлению войны не позднее лета 1633 г.

Глава 18.
«ПО КИТАЙСКОМУ
ГОРОДОВОМУ
КАМЕННОМУ ДЕЛУ».
МОЖАЙСКИЙ КРЕМЛЬ
В 20-Е ГГ. XVII В.

Одним из тяжелых последствий Смуты оказалась потеря Смоленска. Теперь с запада Москву прикрывала лишь устаревшая деревянная крепость Вязьмы, да недостроенная, совершенно разбитая в 1618 г. — Можайска. Деулинское перемирие оставляло на подготовку к новой войне 14 лет и 6 месяцев¹. Поэтому реконструкция Можайской крепости стала первоочередной задачей Приказа каменных дел в царствование Михаила Федоровича.

Немаловажен был вопрос, какой быть новой Можайской крепости, поскольку 20-е — 30-е гг. XVII в. можно обозначить как период острой борьбы традиционной русской и европейской школ фортификации. Русская фортификационная школа, получившая в конце XV — начале XVI в. мощный импульс со стороны

¹ 1 декабря 1618 г. сторонами был подписан следующий текст: «Божиею милостию великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца (*титул*), его царского величества бояр и всех его царского величества думных людей и всего великого Российского царствия великих государств великие послы (*имена*) говорили с (*имена*), о королевиче Владиславе отказали накрепко, что то ныне и вперед стать не может (*т. е. чтоб ему быть на московском престоле*); а пань-рада и великие послы то дело на суд божий положили; приговорили между великого государя нашего великими российскими государствами и между великими государствами — Короною Польскою и Великим княжеством Литовским перемирье на 14 лет и на 6 месяцев: мы, великого государя бояре и всего великого Российского государства великие послы, по повелению великого государя нашего, по совету бояр и всего великого Российского государства всяких чинов людей поступились городов (*список городов*); отдать города с нарядом со всякими пушечными запасами, с посадскими людьми и с уездными с пашенными крестьянами, кроме гостей и торговых людей, а гостям и торговым людям дать волю, кто в которую сторону захочет, а духовенство, во евод, приказных и служилых людей выпустить в Московское государство со всем именем» (Там же. С. 124).

западной фортификационной теории и практики, к середине XVI в. представляла собой вполне современное направление, основанное на трех новейших принципах: регулярное построение крепости, бастионная линия обороны, пристрелянный разнокалиберный и разно уровневый огненный бой. Однако во второй половине XVI в. в России уделялось больше внимания построению новых каменных и деревянных крепостей, нежели чем развитию национальной артиллерии и собственной военно-инженерной школы в области строительства земляных бастионных укрепрайонов. В результате этого фортификационная триада была деформирована, что в конечном итоге привело к отставанию российской науки о взятии и обороне крепостей от европейского опыта¹. История строительства каменной крепости Можайска 1624–1626 гг. — яркая тому иллюстрация.

Первоначальный проект ее реконструкции составил «полатной мастер Иван Толер»². Инженер и архитектор Джон Талер работал в группе «аглицких немцев», приглашенных в Москву царем Михаилом Федоровичем, и был хорошо знаком с европейской фортификацией. Учтя уроки осады 1618 г., в проекте новой Можайской крепости Джон Талер основное внимание уделил не архитектуре, а схеме огневого воздействия крепости на окружающую местность.

¹ Ряд исследователей полагает, что следует говорить не об отставании русской фортификации второй половины XVI в., а об изменении вектора ее развития, вследствие направленности его в первую очередь против поволжских государственных образований распавшейся Золотой Орды, сибирских и крымских татар. Тем не менее, на фоне европейских фортификационных нововведений деформированная российская фортификационная триада демонстрировала явное отставание (См.: *Седов Вл. В.* Земляная крепость в Ростове. См. сайт Ростовского музея: <http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2000/sedov01.html>).

Наиболее наглядным примером разноректорного развития российской и западной фортификации служат крепости Нарвы и Иван-города. Эти крепости, построенные в XIV в. друг напротив друга через реку Нарву, с XVI в. развивались по-разному, что привело в XVII в. к ситуации, показанной на рис. 37. Заметим, что потерпевший в 1702 г. под Нарвой поражение и потерявший здесь всю свою артиллерию, Петр I вернулся сюда через два года вновь, с новыми инженерами и с новой артиллерией, чтобы одержать победу. Между 1702 и 1704 гг. был год 1703 — год основания Санкт-Петербурга, чья Петропавловская крепость символизирует собой окончательное возвращение России на передовые позиции фортификационной науки и практики.

² Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 гг. // Можайские акты. СПб., 1892. С. 123–124.

Главным слабым местом крепости являлся уклон ее площадки с юга на север, так что северный крепостной вал от Петровских ворот на восток оказывался на 5 м ниже бровки противоположного борта долины реки Можайки (рис. 38). В результате этого почти все внутреннее пространство крепости, и что хуже всего, тылы боевых позиций южной стены прекрасно простреливались с Брыкиной горы, тогда как при стрельбе из крепости большая часть Брыкиной горы оказывалась в «мертвой зоне». Как показала практика 1618 г., современная артиллерия, даже легкая полевая, не оставляла защитникам крепости никаких шансов уцелеть.

Следовательно, крепость на Никольской горе необходимо было дополнить бастионным фортом на Брыкиной горе, поместив его в 140 саженях (300 м) от крепости там, где в 1618 г. стояла батарея полковника Александра Лисовского. В случае такой постановки этот форт легко контролировал дорогу на Марфин Брод, все высоты вдоль нее, все пространство в сторону Лужецкого монастыря до Москвы-реки, устье Можайки, район Якиманского монастыря, Богородицкую, Петровскую и Воскресенскую горы. Таким образом, этот бастион, названный в документах «Брыкинский острог», не допускал бы возможности обстрелов внутреннего пространства Можайской крепости, чем обеспечивал бы ее живучесть. Крепость, в свою очередь, должна была препятствовать захвату Брыкинского острога. Чтобы добиться необходимого огневого взаимодействия этих двух укреплений, следовало обеспечить простреливаемость Брыкинского острога из Можайской крепости. А для этого требовалось поднять уровень северных валов хотя бы на один уровень с бровкой противоположного левого борта долины реки Можайки.

Конфигурация Никольской горы не давала возможности формировать здесь правильные бастионы. Поэтому Джон Талер предложил лишь досыпать вал с северной стороны крепости так, чтобы его лицевая поверхность от подошвы вала до верхней площадки составила 20 саженей в длину, а верхняя площадка — 15 саженей в ширину. Таким образом, существующая площадка западного мыса, расположенная на высоте 22 м над рекой Можайкой и имеющая ширину 30 м, при помощи насыпи продлевалась на северо-восток вдоль гребня Никольской горы и соединялась с так называемым «большим валом» с восточной стороны крепости. Внутри крепости вдоль северной стороны образовывалась единая платформа длиной 210 м, шириной 30 м,

расположенная на 22 м выше реки Можайки, на 6 м ниже верхней площадки крепости и вровень с бровкой Брыкиной горы. Эти объемные земляные работы предполагали полную засыпку чаши Чистого озера, а также подсыпку всей окружающей территории еще на 5 м. Для этого требовалось переместить 23 тысяч кубометров земли, потратить 3 года и 20 тысяч рублей. Глава Приказа каменных дел дьяк Иван Васильевич Измайлов оспори́л проект Джона Талера. Он предлагал не повышать уровень северной стороны крепости, а устроить более высокие каменные башни, снабженные артиллерийскими позициями, а также построить высокую каменную крепостную стену «по китайскому городовому каменному делу». Этим термином в русской фортификации обозначалась крепостная стена с трехъярусными стрелковыми позициями и навесными бойницами по примеру московской Китайгородской крепости. Этот проект, более экономичный по расходам и более эффектный по архитектуре, и был принят к реализации (рис. 38, 39).

Общая фортификационная схема фиксировала закрепившиеся в XIV–XV вв. трассы стен и положение башен: Никольских ворот с расширенным бастионом перед ними, Косой Наугольной башни, Петровских ворот, Круглой Наугольной башни, Красной башни и Белой башни. От схемы конца XVI в. добавилась башня Кухня, занявшая середину длинного прясла от Никольских ворот до Косой Наугольной башни. Для усиления огневой мощи северной линии укреплений была добавлена полубашня Сурино Колоно, занявшее середину прясла между Петровскими воротами и Круглой Наугольной башней¹.

Работы начались с укрепления деревоземляного основания крепости, названного в росписи «осыпь». Основание представляло собой комбинированное сооружение, состоящее из эскарпированных склонов по всему периметру, «обрубов» (заполненных глиной срубов), из которых состояла облицовка этих склонов, и собственно вала, соединявшего нижнюю площадку крепости с верхней, и возвышавшегося вдоль южной и восточной стороны верхней площадки крепости. Ко времени строи-

¹ Вопрос проектирования и строительства Можайской крепости 1624–1626 гг. детально изучен. См.: *Сергеева-Козина Т. Н.* Можайский Кремль 1624–1626 гг. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2. МИА № 31. М., 1952. С. 347–375. Работа этого автора не потеряла своей актуальности и сегодня. И лишь новые обширные архитектурно-археологические исследования могут что-либо добавить к этому вопросу.

тельства 1624 г. деревоземляные сооружения сильно обветшали. Кроме того, их следовало расширить и усилить, чтобы они выдержали вес новых каменных стен.

Длина лицевой стороны осыпи от подошвы вала до подножия будущих стен выдерживалась в пределах 10–12 саженей¹ (21,8–26,1 м), а с востока, там, где валы возвышались над площадкой крепости, — 15–17 саженей (32,6–37 м). Таким образом, подошва каменной стены находилась на разной высоте относительно основания валов. У Никольских ворот эта высота составила 8 м (если мерить по вертикальной стенке бастиона), в районе башни Кухня — 16 м, на западном мысу — 24 м, в районе Чистого озера — 18 м, с восточной стороны крепости — до 18 м. Такие высоты сохраняются и в настоящее время. Вдоль склонов «для проку и крепости» надлежало возвести новую облицовку обрубами на участках длиной: 161 м (от Косой башни до Петровских ворот), 145,8 м (от Петровских ворот до Круглой Наугольной башни, 32,6 м (под Красной Круглой башней).

В земляных валах устроили специальные тоннели, названные «подлазами». Эти боевые выходы в ров должны были служить для организации контратак, чтобы препятствовать накоплению живой силы противника в «мертвой зоне» крепости. Два подлаза сделали под пряслом стены между Красной и Белой башнями в 25 м друг от друга и от башен. Третий подлаз был устроен вдоль восточного фасада бастиона перед Никольскими воротами. Тоннели имели сводчатые перекрытия из камня и кирпича и запирались решетками. Ширина тоннелей составляла 1,6 м, высота не ясна. Тоннели закрывались двустворчатыми железными дверками, каждая из створок была размером 53 см в ширину и 73 см в высоту.

В ходе боевых действий 1618 г. в результате попадания снаряда в пороховой склад северная половина Никольских ворот, представлявшая собой достройку середины XVI в., обрушилась вместе с папертью и церковью Воздвижения. Решено было возвести эту часть ворот заново, взяв всю башню в обойму из новой кладки и устроив с северной стороны ворот контрфорсы с обеих сторон от проезда. Следы этих работ обнаружены в подклете Ново-Никольского собора при археологических исследованиях 2006 г. В частности, кладка-обойма была устроена на ленточном фундаменте шириной около 2 м и мощностью около 1 м. Дно

¹ В росписи была применена казенная трехаршинная сажень, равная 217,6 см.

траншеи под ленточный фундамент представляло собой свайное поле из забитых в грунт на расстоянии 20 см друг от друга коротких (около 50 см) сваек толщиной до 10 см. Заполнение траншеи представляло собой известняковый бут, пролитый известью. В результате ремонта и обстройки каменными палатками Никольская башня превратилась в сооружение размером в плане 15×19 метров. На верхнем ярусе башни, размещались две церкви: уцелевшая — Николы Можайского и восстановленная вновь — Воздвижения. За счет расширения верхней площадки башня была снабжена боевым ходом.

Кроме строительства новых стен и башен были также реконструированы остатки стен и башен начала XVII в. Эти участки укреплений, как было показано выше, располагались по обе стороны от Никольских ворот и составляли по 100 м стены в обе стороны, с башнями Кухня и Белая посередине каждого из прясел. Западный участок укреплений был выстроен заново на старых фундаментах. Восточный участок перестроили с частичной или полной разборкой пострадавших в 1618 г. частей. Детальное устройство фундаментов стен и башен этой части укреплений нам неизвестно. Параметры стен и башен на восточном и западном участках различались.

К востоку от Никольских ворот прясло стены до Белой башни имело в плане излом, располагавшийся в 34,8 м от башни. До излома толщина стены составляла 2,5 м, а между изломом и Никольскими воротами — 1,9 м. Белая башня (рис. 40) имела размеры в плане $7,6 \times 7,6$ м при толщине стен 1,6 или 2,7 м (данные И. В. Измайлова и Б. М. Лыкова в этом случае различаются). Внутри контура стен башни оставалось пространство, либо $4,2 \times 4,2$ м, либо $2,2 \times 2,2$ м. За линию стен вперед и назад башня выступала на треть своего размера.¹ Старый участок стены от Белой до Красной башен имел толщину от 1,9 до 3,3 м (по данным Б. М. Лыкова) или 2,7 м (по данным И. В. Измайлова).

К западу от Никольских ворот прясло стены до башни Кухня имело толщину 2,7 м, а от Кухни в сторону Косой башни — 2,7 м (по данным И. В. Измайлова) и 2,5 м (по данным Б. М. Лыкова). Башня Кухня имела (рис. 41) размеры в плане $7,6 \times 7,6$ м при толщине стен 1,6 м. Внутри контура стен башни оставалось про-

¹ Т. Н. Сергеева-Козина полагает, что вся Белая башня выступает вперед за линию крепостной стены, что не соответствует данным Росписи (Там же. С. 347–375).

странство $4,2 \times 4,2$ м. За линию стен вперед и назад башня выступала на треть своего размера.¹

Строительство новых стен и башен² начиналось с устройства «основы градной». Для этого по линии стен выкапывали фундаментный ров шириной 4,4 м и глубиной 3,3 м. Под круглые башни копали котлованы диаметром 12 м и глубиной 3,3 м, под Петровские ворота и Косую башню — квадратные котлованы размерами и 15×15 м 11×11 м соответственно. Котлованы устраивали несколько шире предполагавшихся размеров сооружений. Для уплотнения грунта, часть которого представляла собой неоднородную антропогенную насыпь, на дне траншей и котлованов устраивалось свайное поле из часто забитых в грунт коротких (до 1 м) и тонких (до 0,2 м) сваек. Поверх свайного поля укладывали фундамент, имеющий сложную структуру. Вдоль бортов траншей и котлованов выкладывали «версты» — ряды тесанного на три стороны белого камня, обращенного необработанной стороной внутрь траншеи или котлована. По оси траншеи и в центральной части котлованов возводили кладку из грубо обработанного крупного белого камня. В качестве связующего раствора в «верстах» и внутренних кладках использовался густой известковый раствор, позволявший компенсировать неровности прилегающих фасадов камней. Швы кладки тщательно промазывали тем же густым раствором. Пространство между «верстами» и внутренней кладкой заполняли мелким белым известковым раствором, застывавшим в монолит. По мере выведения фундамента вверх, общие габариты фундаментов уменьшали, так что «версты» и внутренние кладки постепенно смыкались, создавая в верхней части фундаментных рвов и котлованов сплошную кладку из крупного камня. На этот фундамент укладывали выравнивающий ряд белого камня, поверх которого возможно было возводить цокольные части сооружений. Подобная конструкция была открыта с внешнего фасада в раскопе 4/2005 (рис. 42) и в шурфах-расчистках 2005 г. по трассе стены (рис. 43) (смотри также Приложение 2). По мнению Т. Н. Сергеевой-Козиной, цокольная часть крепостных стен и башен постройки 1624–1626 гг. представляла собой

¹ Т. Н. Сергеева-Козина полагает, что вся башня Кухня выступает вперед за линию крепостной стены, что не соответствует данным Росписи (Там же).

² Детальное описание стен и башен, а также материалы научной реконструкции сооружений, предложенные Т. Н. Сергеевой-Козиной. См.: Там же.

наклонную стенку высотой 3–4 м, сложенную из тесанного белого камня. От вертикальной кирпичной части сооружения цоколь был отделен архитектурным пояском в виде валика, выполненного из белого камня. Толщина кирпичной части новых стен повсеместно составляла 3,3 м. В стенах были устроены печуры для нижнего боя. Были устроены площадки для среднего и верхнего боя. Всем этим параметрам отвечала и «полубашня» Сурино Колено, представлявшая собой прямоугольный выступ стены размером в плане 5 × 8 м (рис. 44).

Башни, названные в росписи «круглыми», на самом деле были восьмигранными. Толщина стен этих башен была разная. У Красной башни (рис. 45) она составляла, по данным Б. М. Лыкова, в нижней части 4 м, в верхней — 2,8 м, а И. В. Измайлов приводит только одну цифру — 3,3 м. У Круглой Наугольной башни (рис. 46) толщина стен, измеренная И. В. Измайловым, оказалась 3,3 м, а у Б. М. Лыкова всего 1,5 м.

Петровские ворота (рис. 47), устроенные на неустойчивом насыпном склоне, имели особо мощные стены. По данным И. В. Измайлова, в цокольной части толщина стен составляла 4,4 м. Верхняя часть стен имела толщину 3,3 м. Б. М. Лыков приводит другие данные: в нижней части стены толщина кладки составила 3,3 м, в средней — 3 м, в верхней — 1,9 м. Петровские ворота были сделаны «как Варварские ворота» (Китай-города), то есть имели изогнутый под прямым углом проезд.

Косая Наугольная башня (рис. 48), по данным И. В. Измайлова, имела стены одинаковой толщины — 3,3 м. Б. М. Лыков дает два размера: в основании и в средней части — 2,8 м, а в верхнем ярусе — 1,9 м.

Крепость обладала возможностью осуществлять развитый трех-четырёх уровневый огневой бой из оружия разного калибра, начиная от мушкетов и заканчивая тяжёлыми «полуторными» пушками калибра в 5 фунтов. Артиллерия, как легкая «полковая», так и стационарная крепостная могла использоваться только в башнях, кроме Никольской. Позиции в башнях и на стенах занимал боевой расчет в количестве 1213 человек, не считая артиллерийских команд («окроме пушкарей и затинщиков и подъемных людей, которым быть у наряду»), количество которых остается неясным¹. В военное время в крепости пола-

¹ Инспекция боярина Б. М. Лыкова обнаружила в крепости 26 единиц артиллерии, то есть по 3–4 пушки на башню, что, вероятно, недалеко от истины (Можайские акты. С. 99–128).

галось иметь три полных боевых расчета, то есть 3639 человек только стрелков.

Проект новой каменной Можайской крепости не смог до конца компенсировать главный недостаток имеющейся фортификационной схемы. Тыльная сторона значительной части позиций по южной стене крепости легко поражалась огнем с Брыкиной горы (рис. 36, 38). Поэтому для каменной крепости предлагалось использовать громоздкие, огнеопасные и неуклюжие деревянные «тарасы» — защитные стенки, прикрывающие с тыла южные стены крепости. Это приводило к тесноте боевых проходов на самой активной линии обороны и к снижению вчетверо боевых возможностей гарнизона¹. Поэтому устройство Брыкинского острога, предложенного Джоном Талером, не только не отвергалось проектом новой крепости, но и всячески приветствовалось, и было в итоге осуществлено². При этом подчеркивалось, что боевые качества крепости могут быть реализованы только при полной укомплектованности ее гарнизона³.

¹ Достаточно сравнить количество стрелков на закрытом «тарасами» прясле стены между Белой и Красной башнями — 32 человека, и на равном по длине, свободном от «тарас» прясле между Косой башней и Петровскими воротами — 126 человек, чтобы понять, насколько ухудшались боевые качества крепости из-за этих «тарас».

² Факт существования Брыкинского острога, подтверждается донесением Петра Волконского царю Михаилу Федоровичу от 1635 г. (Можайские Акты. С. 162). В донесении содержится отчет о судьбе военных запасов, свезенных в Можайск для смоленского похода. «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси холоп твой Петрушка Волконской челом бьет: В прошлом, государь, в 142 (1634) году, твой государевы бояре и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской да князь Дмитрий Михайлович Пожарской за городом в остроге в земляном погребу устроили твою государеву пушечную пороховую казну в бочках и свинец и всякие пушечные запасы, в Лужецком, государь, монастыре под каменною церковью твоя ж государева пороховая казна и шпаги и балберы и всякие пушечные запасы; а ту твою государеву казну за городом в земляном погребу и в монастыре под церковью стерегут днем и ночью безпрестанно можайские стрельцы; а в городе, государь, той казны устроить негде, город тесной; и о том мне холопу своему как ты государь укажешь.» Следовательно, Брыкинский острог был достаточно большим, чтобы вместить военные припасы для смоленского похода. Для этого здесь были устроены просторные пороховые погреба, место которых, возможно, угадывается в виде обширной воронки, расположенной на Брыкиной горе в юго-восточном углу каре из лип.

³ «А только государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и отец его государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и всеа Руси укажут на Брыкине горе поставити

Осадный колодец, существовавший в крепости либо с годовского времени, либо со времени подготовки к осаде 1618 г., пришел в негодность и требовал ремонта¹. Для осадных целей было обустроено также Чистое озеро².

Писцовые книги Можайска 1629 г. содержат информацию о застройке крепости³:

каменная соборная церковь Николы Чудотворца Можайского с приделом мученика Христова Георгия;

церковь Преображения деревянная шатровая с владением размером 25 × 10 саженей;

подворье никольского причта следующего состава: двор размером 9,25 × 5 саженей попа Павла Федорова; келья размером 2 × 2 сажени никольского сторожа Ивашки Люса; клеть с прирубом размером 3 × 2,5 сажени никольского «протопопа Кирила»; изба, «что была сторожня Никольская» размером 2 × 2 сажени; келья размером 1,5 × 1,5 саженей Никольского пономаря Васьки; порожнее место между алтарями Никольского собора и крепостным валом размером 13 × 10 саженей;

подворье Колоцкого монастыря размером 3 × 4 сажени.

Таким образом, по сравнению с концом XVI в., в неизменном виде сохранилось только подворье Никольского собора. Вместо подворья Лужецкого монастыря появилось подворье Колоцкого монастыря. Бесследно исчезли две богадельни, деревянная шатровая церковь Дмитрия Солунского, церковь Похвалы Богородицы с приделом Михаила Архангела деревянная срубная, изба с клетью, где размещались губные старосты, изба с сенями для городского приказчика и целовальников денеж-

острог и людьми на житье наполнить и в каменном городе по стенам тарасы делать ненужно. А очищать тот Брыкинской острог с городских со всех башен из наряду полуполуторного и полкового мочно. А в городе без жилецких ратных людей и без наряду по всем городским башням в подшевных и в середних и в верхних боех быть не мочно» (Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 г. // Можайские акты. С. 122).

¹ «В городе ж в Можайске осадной колодезь труб сажени, в глубину 9 сажень без трети сажени, труб сгнил и воды нет, заволокло илом, а сделать колодезь мочно, вода будет» (Там же. С. 120).

² «В городе ж в Можайске озерко чистое вычищено и обрублено дубовым лесом в две стены в ширину на пол-сажени и насыпано хрещем, и на долбы и двои воротца к тому озерку сделаны, воды в нем в глубину 2 сажени, вода чиста, а длина озерку 15 сажень, поперек 7 сажень воде» (Там же).

³ Писцовые книги города Можайска. 1629 // Можайские акты. С. 148–149.

ного сбора, два тюремных острога и семь государевых житниц. Следовательно, большую часть территории крепости занимали осадные дворы, предназначенные для гарнизона. Вся административная городская функция была вынесена на посад.

Глава 19.

ПОСЛЕДНЯЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ.
МОЖАЙСКАЯ КРЕПОСТЬ
В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Все 14 лет Деулинского перемирия (1618 г.) и Польша, и Россия активно готовились к войне, поскольку положение дел не устраивало ни одну из стран. При этом Россия основными своими целями ставила возврат потерянных в ходе Смуты земель. Речь же Посполитая, достигшая в 1618 г. своих максимальных исторических границ, мечтала о военно-политическом завершении польских походов — воцарении королевича Владислава в Москве.

Все эти годы польские дипломаты упорно повторяли формулу: «Владислав прав своих на Московское государство не оставил, и вас всех и с вами Михаила Федоровича, которого вы теперь государем у себя называете, от крестного целования не освободил»¹. В качестве внешнеполитической акции, направленной на дестабилизацию обстановки в России, продолжали рассматриваться технологии по использованию все новых Дмитриев-самозванцев².

Подготовка страны к войне с Речью Посполитой открывала сильное отставание российских военных технологий. В надежде получить многоплановую выгоду как в области военно-технической, так и в политической, был заключен союз со Швецией, которая, в обмен на дешевый российский хлеб³, была обязана помочь создать в России армию «нового строя» и современную артиллерию⁴. Для нужд войны было заготовлено 175 орудий, в

том числе 116 новых, в Швеции закуплено 10 тыс. мушкетов, 5 тыс. шпак; поставлено под ружье почти 67 тыс. человек, 5 тыс. из которых наняли в Европе¹.

Постройка Можайской крепости 1624–1626 гг., ставшей передовым рубежом России на западе, должна рассматриваться в рамках общей подготовки страны к неизбежной войне. Как известно, военные действия, начавшиеся для русской армии успехами 1632 г., обернулись катастрофой под Смоленском в 1634 г.².

голландец Ю. Кост налаживал выпуск на Московском Пушечном дворе производство двух типов пушек. Первый тип орудий — это так называемые «кожаные» пушки, представляющие собой тонкостенные медные литые стволы, скрепленные железными обручами, обвитые просмоленными веревками и обшитые кожей. Эти орудия стреляли только картечью и обладали очень малым ресурсом (иногда только один выстрел), однако были чрезвычайно легкими (3–4 пуда) и скорострельными. «Кожаная» пушка с лафетом перевозилась одной лошадью. Второй тип пушек — это «regementsstycken» — бронзовое орудие калибра 3–4 фунта и весом с лафетом 10 пудов. Такое орудие длиной не многим более 100 см, имело скорострельность до 6 выстрелов в минуту и легко могло перемещаться и разворачиваться перед строем солдат (Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича // Исследования по истории Средневековой Руси. М., 2006. С. 383–397).

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. С. 173.

² В апреле 1632 г. умер польский король Сигизмунд III Ваза. Речь Посполитая погрузилась в обычное в этих случаях междоусобице, сопровождающееся бесконечными смутами. В России это было воспринято как удачное время для начала войны, несмотря на не завершившийся еще срок Деулинского перемирия. Военные действия начались 12 октября 1632 г. успешно. К концу этого года на пространстве фронтом более 500 километров с севера на юг и до 180 км в глубину более 20 городов сдались русским. Смоленск был окружен и осажден. С этого момента военные успехи кончились. Продержавшись 8 месяцев, польский гарнизон Смоленска дождался помощи из Польши, откуда 25 августа 1633 г. пришел новый король Речи Посполитой Владислав IV Сигизмундович. 23-тысячное войско короля Владислава легко окружило не готовые к этому войска М. Б. Шеина, лишив русских подвоза продовольствия. В качестве отвлекающего удара Речь Посполитая организовала нападение запорожских казаков и крымских татар на южные области России, откуда происходило большинство служилых дворян. В результате этого из смоленского лагеря М. Б. Шеина началось повальное дезертирство. Холод, голод и потеря управления наемными войсками довершили дело, и 19 февраля 1634 г. М. Б. Шеин капитулировал. Из 32 тысяч войска с 158 орудиями, отправленными под Смоленск в 1632 г., в Москву были отпущены только 8056 человек. 12 орудий, которые им позволили забрать с собой, позже были конфискованы гетманом Радзивиллом. По возвращении в Москву М. Б. Шеин, со смертью Патриарха Филарета († 1 октября 1633 г.) лишившийся единственного своего покровителя, отправился на плаху.

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. С. 167–168.

² «Сами знаете, что из вашего народа московского некоторые, называясь государскими сыновьями, опять грамоты рассылают и людей вольных военных к себе призывают, с запорожскими и донскими козаками ссылаются и по примеру Дмитрия войною государства Московского доступать хотят: оттого великая смута на вашей украине была...» (Там же. С. 167).

³ В 15 раз дешевле, чем на рынках Амстердама (Нефедов С. А. Первые шаги российской модернизации: реформы середины XVII в. // ВИ. 2000. № 4. С. 33–52).

⁴ Так как война предполагалась наступательной, упор делался на мобильную и недорогую артиллерию полкового образца. Пушечный мастер

Уже в марте 1634 г. под Можайск, по рекомендации воеводы Виленского, гетмана Христофа Радзивилла, были отправлены войска. Однако наличие там сильной современной крепости и обширных военных запасов не оставило шансов гетману на успех предприятия, а русским обеспечило сильные позиции на мирных переговорах, завершившихся на речке Поляновке 4(14) июня 1634 г. отказом короля Владислава IV Сигизмундовича от претензий на Московский престол¹.

Несмотря на Поляновский мир, Россия не отказалась от планов по возвращению западных территорий, входящих в политико-географическое определение «всяя Руси». Одним из важнейших ключей к этим территориям был и оставался Смоленск. Поэтому подготовке к войне за возвращение этого города были посвящены все годы, завершающие период царствования Михаила Федоровича², а также первые годы царствования его сына Алексея Михайловича³.

После войны 1632–1634 гг. Смоленск по-прежнему оставался в руках Речи Посполитой. Был потерян почти весь парк новой короткоствольной артиллерии. Поэтому некоторое время государство могло надеяться только на оборонную мощь своей фортификации⁴. Особое значение имели укрепления, выстроенные по нормам современного военного искусства, в их числе была и Можайская крепость.

Помимо оборонительной роли, крепость служила местом войскового сбора. Еще в 1634 г. для снабжения военной кампании в Можайске были учреждены военные склады, охранявшиеся стрельцами. Часть запасов сохранялась в Лужецком монастыре, а часть в специальном земляном погребе в Брыкинском остроге⁵.

¹ Мир был ратифицирован в Варшаве в 1635 г. (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. С. 187–198).

² 1613–1645(+).

³ 1645–1676(+).

⁴ Требовалось определенное время для восстановления артиллерии. Этому вопросу уделялось особо пристальное внимание. В Москву был приглашен один из лучших пушечных мастеров Ганс Фальк из Нюрнберга. Его обязали не только лить пушки, но и готовить русских пушечных мастеров. К 1641 г. годовой выпуск Московского Пушечного двора приблизился к 100 пушкам. Это позволило создать основы унифицированной подвижной артиллерии в полках «нового строя», придав по 6–8 пушек в солдатский полк и по 12 в драгунский. Кроме того, происходило перевооружение крепостной артиллерии в южных и западных крепостях (Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича. С. 391–394).

⁵ Можайские Акты. С. 162.

Подготовка к новой войне с Речью Посполитой требовала не только создания полков «нового строя», но и совершенствование фортификационных сооружений, которые должны были укрепить тыл наступавшей армии. Прежде всего, это касалось оснащения крепостей новой артиллерией, а значит, надо было перестраивать стены и башни. Мы полагаем, что накануне польско-русской войны 1654–1667 гг. в Можайской крепости была произведена очередная модернизация.

Прямых свидетельств в письменных источниках о таких работах, подобно росписям М. Б. Лыкова и В. И. Измайлова, в нашем распоряжении не имеется. Однако при сравнении этих росписей с картографическими, графическими и письменными материалами XVIII в. выясняется, что на месте круглых башен Можайской крепости были выстроены квадратные, более приспособленные для артиллерийских позиций, а сама крепость окончательно стала регулярной (рис. 49)¹.

Не составляет труда определить хронологический интервал этой реконструкции. Формальная нижняя дата реконструкции, *terminus postquem*, — 1626 г., когда две башни вновь построенной можайской крепости в первый и последний раз значатся круглыми. Из росписи крепости 1704 г. узнаем, что в 1663 г. обрушилась и была заменена деревянным срубом башня Сурино Колено, и что эта башня в деревянном виде, уже сгнившая, достояла до 1704 г.² Следовательно, верхняя дата реконструкции, то есть *terminus antequem*, — 1663 г., поскольку никакой реконструкции с этого года не производилось, коль не было даже ремонтных работ. В итоге, мы получаем первичный интервал реконструкции в 36 лет, с 1627 по 1663 гг. Попытаемся сузить его.

Нижнюю дату логично передвинуть, как минимум, позднее 1634 г., ведь именно перед этой войной 1632–1634 г. крепость была построена и сдана в эксплуатацию. Однако и вся первая половина XVII в. также не может нас окончательно устроить. Известно, что одной из причин поражения в войне 1632–1634 г. было массовое дезертирство служилых людей, имения которых, расположенные на юге России, подверглись организованному и оплаченному Речью Посполитой беспощадному разгрому со сто-

¹ Буквально все источники после 1626 г., в которых указана форма башен, прямо называют все без исключения башни Можайской крепости квадратными.

² Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. М., 1901. Вып. 10. С. 254–256.

роны крымских татар и запорожских казаков. А это, в свою очередь, объяснялось тем, что система засечных черт, созданная во второй половине XVI в., пришла за годы Смуты в полную негодность¹. Поэтому после Поляновского мира 1634 г. перед русским правительством встали две первоочередные задачи в области военного строительства: восстановление утраченной артиллерии, о чем написано выше, и возрождение системы засечных черт. Решение этой задачи, поглотившей практически все ресурсы страны в области фортификационного строительства, длилось с 1635 по 1653 гг.² Поэтому нижнюю дату вероятной реконструкции Можайской крепости нет возможности размещать сильно ранее 1653 г. Верхнюю дату реконструкции логично опустить до 1654 г., когда начались боевые действия, и было уже не до строительства. Таким образом, реконструкция Можайской крепости должна была произойти в середине XVII в. незадолго до начала русско-польской войны 1654–1667 гг. Отметим, что в 1649 и в 1654 гг. Можайск посещал царь Алексей Михайлович³, что косвенно подтверждает наши предположения.

К середине XVII в. относится первое, известное нам, изображение Можайской крепости (иллюстрация на титульном листе книги). Однако это изображение слишком схематично, чтобы служить основанием для каких-либо заключений. Обоснованно реконструировать размеры и внешний вид башен, построенных в середине XVII в., позволяют два более поздних документа. Это роспись 1704⁴ и панорамный рисунок крепости, относящийся

¹ Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М., 1994. С. 61.

² В рамках этой задачи предполагалось создать укрепрайон размером 800 км с юга на север (от Оки до Северского Донца) и 1000 км с запада на восток (от Новгород-Северского до Самары). Укрепрайон состоял из 16 старых и новых линий обороны (засечных черт), связанных единой системой обороны и коммуникаций, включающих десятки городов и крепостей. Основой юго-восточного фланга этого укрепрайона стала Белгородская черта, имевшая в своем составе 29 городов и более 800 км укреплений. (Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. С. 61–87).

³ Накануне осады Смоленска, 26 мая 1654 г. Алексей Михайлович приехал в Можайск, откуда в письме к сестрам написал: «Из Можайска поедом 28 числа: спешу, государыни мои, для того, что, сказывают, людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, чтоб поскорее захватить» (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. С. 673–674).

⁴ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. С. 254–256.

к плану города Можайска примерно 1773 г. (Рис. 49)¹. Глухая Наугольная башня, сменившая Круглую Наугольную, имела размеры в плане 11 × 11 метров. Красная башня, сменившая одноименную круглую, имела в плане размеры 9,6 × 9,6 м. Высоты башен были сохранены прежние.

В 1654 г., выступившие из Можайска русские войска окончательно вернули России Смоленск — столицу одного из ее древних княжеств (рис. 50). После Андрусовского перемирия², завершившего эту русско-польскую войну 1654–1667 гг., Можайская крепость навсегда стала тыловой. Однако сохранялась сакральная, религиозная значимость Можайска и его кремля как место пребывания древней иконы Николы Можайского. И хотя, в сравнении с XVI в., в связи с последствиями «литовского разорения», почти иссяк поток паломников, верховные церковные и светские власти не оставляли город своим вниманием³. В 1680 г. в Можайске побывал царь Федор Алексеевич вместе с Патриархом Иоакимом. С именем Патриарха связывают постройку нового собора во имя Николая Чудотворца, украсившего древние Никольские ворота, а также учреждение в городе Троицкого монастыря⁴.

Тем временем, сама крепость, не имеющая больше военного значения, а значит — надлежащего ухода и содержания, постепенно приходила в ветхость, несмотря на постоянное пребывание в Можайске ответственного за ее состояние воеводы⁵.

¹ Виноградова Т. В. История Можайска в картах и планах. М., 2006. С. 31.

² 20 (30) января 1667 в деревне Андрусово близ Смоленска было подписано Андрусовское перемирие, завершавшее 13-летнюю войну. Согласно ему, России возвращался Смоленск, а также все земли, потерянные во время смутного времени, в том числе Дорогобуж, Белая, Невель, Красный, Велиж, Северская земля с Черниговым и Стародубом. Кроме того, Польша признала за Россией право на Левобережную Украину. Согласно договору, Киев временно на два года переходил Москве (России, однако, удалось оставить Киев себе по Вечному миру 1686 г., уплатив Польше 146 тысяч рублей в качестве компенсации). Запорожская Сечь переходила под совместное управление России и Польши. (<http://ru.wikipedia.org>)

³ Прекрасно и полно эта тема изложена в книге Мокеева Г. Я. «Можайск — священный город русских».

⁴ Г. Я. Мокеев считает, что пристальное внимание Патриарха к устройству Можайска отчасти объясняется его происхождением из местного рода Савеловых. Патриарх посещал Можайск в 1680, 1685 и 1687 гг. (Мокеев Г. Я. Можайск — священный город русских. С. 72–76).

⁵ Приложение 5. Перечень установленных воевод Можайской крепости.

Глава 20.

«ПОЧЕСТЬ КРЕПОСТЬ
ВЕСЬМА ИЗЛИШНЕЮ».
ИСТОРИЯ УТРАТЫ

К 1704 г. относится последняя сохранившаяся подробная роспись Можайской крепости, представляющая собой передаточный акт от прежнего воеводы Петра Савелова к новому — Петру Прокофьевичу Ларионову¹. Из росписи следует, что крепость фактически пришла в негодность, прежде всего, из-за отсутствия надлежащего ухода. Так, все прясла крепостных стен, а также башни оказались без кровли, обязательной в мирное время для сохранения кирпичной кладки от воздействия осадков. Косая Наугольная башня (названа в росписи Косая Стрельня) «разселась надвое сверху до подошвы». Петровская башня «разселась сверху до ворот и кирпич из стен повалился из города». Башня Сурино Колено, вместе с примыкающими стенами, обрушилась еще в 1663 г. («изволением божиим выхром выломило вон все»). Сруб, построенный на ее месте «стоит не покрыт и тот сруб сгнил». Прясло стены от Белой башни до Никольских ворот «во многих местах разселось».

Важно отметить, что сильно обветшавшими оказались все башни, поставленные на участке крепости, возведенной в 1624–1626 гг. Исключение составили башни Красная и Глухая. Удовлетворительное состояние малых башен — Кухня и Белая (Старая) — может объясняться их небольшими размерами, либо более качественным фундаментом, возведенным без спешки в годинуновское время. Хорошее состояние крупных Красной и Глухой башен, вероятнее всего, связано с их полной перестройкой, включая и основание, в середине XVII в.

Роспись 1704 г. фиксирует два подлаза: один устроен в прясле между новыми Глухой и Красной башнями, второй — между Красной башней и Белой (названа в росписи Старой)².

Оба подлаза находятся в ветхом состоянии. Один из них «засорился», а у другого «двери вывалились и положены в Никольских воротах в палатке». Мост через ров сгнил и обвалился. В росписи 1704 г. упомянут дренажный канал из Чистого озера за пределы крепости¹.

Арсенал «умирающей» крепости составил шесть пушек² (без станков), 64 шпаги, 5341 ядро и 20 пудов никуда не годного отсыревшего пороха.

Петр Савелов передал своему приемнику Петру Ларионову «ключи городовые и острожные». Под острожными ключами возможно понимать либо ключи от острога-тюрьмы, которая могла помещаться в крепости, либо от еще существовавшего Брыкинского острога.

В росписи указана застройка крепости:

старая каменная соборная церковь Николы Чудотворца Можайского;

на городских воротах новая каменная соборная церковь Николы Чудотворца с приделом Воздвижения;

приказная изба на двух тюремных подклетах (построена в 1703 г.);

воеводский двор, на котором две горницы на подклетах;

подворье никольского причта, состоящее из двора соборного дьякона Ивана Павлова, избы никольского сторожа и избы нищей.

Таким образом, по сравнению с росписью 1629 г. в неизменном виде сохранилось только подворье Никольского собора. Ликвидировано подворье Колоцкого монастыря и деревянная шатровая церковь Преображения. Добавился воеводский двор. Опять появилось тюремное здание. Следовательно, часть административной городской функции снова вернулась в крепость.

Со второй половины XVIII в. появляются многочисленные графические и письменные источники о Можайской крепости,

стены между Глухой и Красной башнями — это четвертый, построенный позднее. Отметим, что роспись 1704 г. не упоминает второго подлаза под прясло стены между Красной и Белой башнями. Также не упомянут подлаз у Никольских ворот.

¹ «А под тем пряслом у Петровских ворот была труба для водяного сходу и та труба засорилась... и в том озере вода с духом испортилась» (Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. С. 254–255).

² Вместо 26 орудий, упомянутых в росписи 1626 г.

¹ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. С. 254–256.

² Более ранняя роспись 1626 г. помещает оба подлаза под прясло стены между Красной и Белой башнями. Возможно, подлаз под прясло

взаимно дополняющие друг друга. Большой частью это мелкомасштабные топографические карты, на которых крепость показана с большей или меньшей степенью условности¹. Все планы Можайской крепости можно разделить на четыре группы по способу начертания на них стен и башен (рис. 51). Письменные источники в основной массе представлены различными описаниями, ведомостями по городу Можайску и уезду, экономическими примечаниями, а также перепиской о строительстве и «слодке» построек. При изложении последних десятилетий истории Можайской крепости, письменные и графические источники будут рассматриваться нами совместно в хронологическом порядке. Весь этот период условно разделен на три этапа, для каждого из которых характерен свой набор картографических и текстовых материалов: 60-е — 70-е гг. XVIII в.; 80-е гг. XVIII в.; 90-е гг. XVIII в. — начало XIX в. Коротко эти этапы можно охарактеризовать следующим образом.

Документы 60-х — 70-х гг. XVIII в. тесно связаны с мероприятиями Генерального Межевания. Мелкомасштабные планы и стандартные формулы документов содержат первую топографическую фиксацию крепости, а также дают нам уникальные изображения укреплений.

Документы 80-х гг. XVIII в. тесно связаны с проектами регулярной перепланировки Можайска. Поэтому топографическая фиксация крепости основана на новой крупномасштабной и точной топосъемке, это позволяет соотносить материалы этого периода с более ранними периодами, когда сама крепость находилась в лучшем состоянии. Документы этого периода демонстрируют изменение отношения властей к бывшей крепостной территории, общественные функции которой отныне предполагается расширить за счет размещения здесь школы.

Документы 90-х гг. XVIII в. — начала XIX в. связаны с градостроительной фиксацией утвержденного регулярного плана города. В основе этих материалов еще одна, последняя, топосъемка крепости. Документы этого периода фиксируют процесс разборки укреплений и превращения бывшей крепости в городскую рекреационную зону с общественными и сакральными функциями.

К 1760 г. относится дело о ремонте воеводского дома, а также о строительстве в крепости тюрьмы и караульни². В это время в крепости значатся:

воеводский дом;
тюремная изба;
караульная изба «уже ветха и во многих местах»;
подьяческая канцелярия;
судейская светлица «почти вся развалилась и так, чтоб, Боже сохрани, людей не передавила».

В 1766 г. началось четвертое (екатерининское) Генеральное межевание. Эта работа оставила нам ряд картографических и текстовых материалов. Планы этого времени (60-е — 70-е гг. XVIII в.) очень важны, поскольку являют первую топографическую фиксацию Можайской крепости (Рис. 51). Все планы этой группы демонстрируют прямоугольные очертания всех ее башен и прямые линии крепостных стен. Внутри крепости показаны: озеро, тюремный острог, воеводский дом, казенная палатка и две каменные церкви.

Ведомость к Генеральному межеванию Можайского уезда содержит дополнительную информацию о состоянии Можайской крепости в это время¹. Указано, что кирпичная стена имеет фундамент «из дикова камня». Толщина стены 1,5–2 аршина (1–1,5 м). Высота стены 3 сажени (около 6,4 м). Крепость имеет «четвероугольных семь башен высотой в пять сажен (ок. 10,5 м), а под стеною 8 сажен (ок. 17 м); но как стена, так и башни во многих местах уже развалились...» Из ведомости следует, что Петровские ворота наглухо заделаны. От Никольских ворот на посад ведет деревянный мост, «которой построен казенным коштом, на нем соборных десять лавок...»

К 1775 г. относится три ведомости, составленные можайским воеводой коллежским советником Алексеем Ступишиным для московского губернатора графа генерал-поручика Федора Андреевича Остермана². В городе обозначены 6 башен и двое ворот — «одни проезжая, а другие за ветхостию и неудобством дороги заперты и проезду нет; внутри оной крепости небольшое озерцо, которое никогда не высыхает, а в нем рыба караси». В крепость через ров ведет деревянный мост «на клетках в длину на 65 саженьях (ок. 138 м), шириною в 4 сажени (ок. 8,5 м), вышиною 13 аршин (ок. 9 м)». В крепости показаны две каменные церкви, «одна древняго строения из дикого камня, а другая на воротах пяти-главная во имя Николая Чудотворца с приде-

¹ РГАДА, Ф. 1355. Оп. 1. Д. 773.

² Ведомости по городу Можайску с его уездом. 1775. // Можайские акты. С. 484–503.

¹ Виноградова Т. В. История Можайска в картах и планах.

² РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31360.

лом Воздвижения Чеснаго Креста, в коей есть явленной образ сего угодника резной и обложен богатою вызолоченною серебряною ризою». Из других построек в крепости обозначены:

- канцелярия деревянная (на плане под № 3);
- палатка для подушного сбора каменная (на плане под № 4);
- тюрьма деревянная в виде острога (на плане под № 5);
- погреб («выход») деревянный для «ставки» вина (на плане номером не показан).

К 1778 г. относится описание Можайской крепости, составленное Герардом Фридрихом Миллером¹. Оно опирается в основном на данные «господина воеводы» давнего знакомого Г. Ф. Миллера Василия Алексеевича Жохова, а потому в деталях повторяет «репорты» прежнего воеводы Алексея Ступишина 1775 г. В описании присутствуют и собственные наблюдения академика. Так, помимо озера упомянут старый осадный колодец, известный еще по переписи 1626 г.² В целом же крепость нисколько не заинтересовала историка. Манера жителей города Можайска крыть дома соломой показала куда замечательней развалин³. В описании Г. Ф. Миллера хоть и присутствует, характерная для его эпохи просвещения романтизация образа древней крепости, однако в сочетании с прагматичным, порою хищным отношением к самой постройке. Так, осматривая бреши в стенах, образовавшиеся ввиду нерадивого отношения к крепости современных ему воевод, Г. Ф. Миллер относит эти порухи к последствиям «Польской войны уповательно от наступления Польскаго королевича Владислава на сей город»⁴. Судьба же этого сооружения видится просвещенному сановнику в простой

¹ РГАДА. Ф. 199. П. 362. Ч. 1. Д. 5 «Портфели Миллера» 1778 г.

² Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 гг. // Можайские акты. С. 120.

³ «Каменная крепость, стоящая на некотором возвышении на правом берегу Можайки, по старинному выстроенная, и в которой ничего кроме церкви и воеводской канцелярии не находится, не столь мне достопамятною показала, сколь то, что большая часть жителей кроют соломой свои дома» (Миллер Г. Ф. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород // Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996. С. 118). В другом месте Г. Ф. Миллер пишет о толстых стенах и шести башнях, а также описывает застройку крепости, в которой находятся: две каменные соборные церкви Николы, одна из которых стоит на воротах, а в другой хранится резной образ святого. Упомянута также деревянная канцелярия и каменная казенная палата (Там же. С. 135).

⁴ Миллер Г. Ф. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород. С. 135.

альтернативе. «При нынешних обстоятельствах можно почесть крепость весьма излишнею. Есть ли оную не сохранить для древности то можно б было употребить камень и кирпич на что ни будь лучшее»¹. После этого сочинения крепости оставалось существовать чуть более 20 лет².

Картографический материал 80-х гг. XVIII в. (рис. 51), как уже упомянуто, связан с материалами по регулярной перепланировке Можайска. Планы этого периода имеют более крупный, чем прежде, масштаб. Они опираются на новую топосъемку города, более точно передающую контуры холма, его геоморфологию, а также очертания крепости. Оплывшие линии некоторых стен и башен — свидетельство начавшегося процесса разборки наиболее ветхих участков крепости. Показательно отсутствие Петровских ворот. На месте башни Сурино Колено показана лагуна. Стена от Старой до Никольской башни вовсе показана утраченной. На ее месте — изогнутая линия «земляной осыпи» — остатки прежнего вала.

К 1780–1781 г. относится «Историческое и статистическое описание города Можайска»³. В описании указаны размеры Можайской крепости: окружность ее составляет 269 саженей (ок. 570 м), длина 92 сажени (ок. 196 м), а ширина 100 саженей (213 м). В каменной крепости имеется 6 башен и двое ворот, одни из них закрыты для проезда. Из Никольских ворот на посад ведет деревянный мост на клетках. Длина моста 65 саже-

¹ Там же.

² Мы вовсе не склонны переоценивать роль академика Г. Ф. Миллера в плачевной судьбе можайской крепости. Тем более, что двадцатью годами ранее, в 1759 г., был издан указ о крепостных стенах. Этот указ Елизаветы Петровны предоставлял губернатору право разбирать ветхие крепости для починки казенных зданий (Полное собрание законов Российской империи (1649–1812). СПб., 1831–1838. Т. XV. 10949). Наивно было бы ожидать от российского общества XVIII в. такого отношения к памятникам старины, какое принято ныне в цивилизованном мире. Ведь внимание к судьбам культурного наследия сформировались в умах европейской культурной элиты только во второй половине XIX столетия. И все же нам хотелось донести до читателя нашу печаль о тех временах, когда обилие еще живых свидетельств старины сочеталось с неумением общества распознать в них невозобновляемый ресурс национального самосознания. Ведь в этой нашей печали о былом сквозит тревога о дне сегодняшнем, когда объекты культурного наследия зачастую продолжают восприниматься обществом как помеха прогрессу.

³ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 210.

ней (ок. 140 м), ширина 4 сажени (ок. 8,5 м), высота 13 аршин (ок. 9 м). Мост переброшен через сухой копанный ров. Внутри крепости показаны две каменные соборные церкви и две воеводские канцелярии — одна каменная и одна деревянная. Воеводой крепости значится советник Алексей Ступишин. Воеводский товарищ — секунд-майор Василий Жохов. Из чиновников обозначен коллежский секретарь Александр Гордеев, в подчинении которого находится 13 канцелярских служащих. Гарнизон крепости составляют 28 штатных унтер-офицеров и рядовых солдат под началом поручика Горева.

К 1786 г. относятся Экономические примечания к описанию города Можайска и Можайского уезда¹. Это первый документ, в котором зафиксирован процесс разборки обветшавших укреплений: «Те стена и башни, по ветхости их в опасных к падению местах, разобраны, из коих материалы проданы». Данное замечание очень важно, потому что констатирует тот факт, что разборка крепости началась не в погоне за строительными материалами, а по причине ветхости и угрозе обрушения стен. Следовательно, на участках вдоль стены следует ожидать не только хорошей сохранности цокольной части стены, скрытой к тому времени наслоениями строительного мусора, но и культурного слоя. Например, как показали археологические работы 2005 г., Петровские ворота, отсутствующие на ряде планов 80-х гг. XVIII в., прекрасно сохранились до уровня лицевой кладки (рис. 52).

Из Экономических примечаний 1786 г. мы узнаем, что Можайская крепость, помимо стен и башен, снабжена «земляною осыпью». Это все, что осталось от древних перевоземляных валов и обрубных склонов XVII в. Как и в прежних документах, указан «сухой глубокий ров», «казенный деревянный мост». Впервые упомянута соборная деревянная часовня, поставленная внутри крепости при Никольских воротах. В крепости показаны две соборных церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая. Одна из них, стоящая «на материке» названа каменной (из белого камня). В церкви, которая «на крепостных стенах и над самыми воротами», хранится «образ сего угодника божия, резаный из дерева и из давних лет почитаемый чудотворным».

Впервые в материалах XVIII в. упомянуто, как используются подклеты под церквями и палатки в воротах. «В крепости под

соборную церковь в палатке хранятся старого калибра артиллерийские орудия, как-то: пушки чугунные, называемые Борисовския, ядра чугунные и ядра каменные... Под оными соборами палатки, из которых в одной архив бывшей Можайской воеводской канцелярии, а в другой вышеписанные орудия и прочие ветхости воинские снаряды, а в прочих трех соборные воск и разныя ветхости хранятся».

Вновь сообщается об озере и осадном колодце, теперь уже в белокаменной обкладке: «В той же крепости, близ стен небольшое озерко, в нем в малом количестве водятся рыбы мелкие караси, и вода тиновата, находится колодезь, рытый издавна лет, выложенный вокруг белым камнем, в нем вода к употреблению безвредная».

К 1787 г. относится выход в свет книги ординарного профессора истории и словесности Московского Университета Харитона Андреевича Чеботарева¹ «Историческое и топографическое описание городов Московской Губернии»². Из описания города Можайска узнаем, что можайская крепость находится на горе, отделенной от коренного берега двумя оврагами, соединенными копанным рвом 10 аршин (ок. 7 м) глубины. Х. А. Чеботарев верно определил фортификационную схему древней крепости и причину разной высоты земляных укреплений. Крепость видится ему как «большой высокой холм, который со всех сторон малою, а с восточной стороны по причине ровного ж возвышения прилежа-

¹ Харитон Андреевич Чеботарев (1746–1815). Х. А. Чеботарев, сын сержанта, преподавал в университетской гимназии, занимаясь с учениками обучая переводу с латинского, немецкого и других языков, и занимал ряд других административных постов, а после преобразования Московского университета, в результате которого прежние административные институты профессорской конференции, директора и куратора были упразднены, а вместо них учреждена должность ректора университета, Х. А. Чеботарев в 1803 г. был избран первым ректором Московского университета. До этого директоров назначали. Ординарным профессором он стал еще 31 октября (11 ноября) 1778 г., а к концу жизни имел звание публичного ординарного профессора истории, нравов и красноречия. Кроме того, Х. А. Чеботарев преподавал в университете географию. Известность принесла ему книга «Географическое методическое описание Российской Империи» (1776) — первый русский учебник по географии России.

² Чеботарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской Губернии с их уездами с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях. М., 1787. Можайску посвящены С. 280–287.

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 772.

щей горы, от которой он отрезан, большею укреплен насыпью две сажени высоты имеющею; вверх сей насыпи проведена каменная в 3 аршина шириною стена с шестью башнями, из коих некоторые уже до половины обрушились; вся же крепость имеет вид неправильного шестиугольника, в окружности которой 269 сажен. В ней находится двое ворот, из которых одни всегда заперты, а в другие есть ход, к оным от городского строения деревянной на клетках мост, в длину на 65, в ширину на 4 сажени, в вышину же на 13 аршин. На сих воротах построена новая пятиглавая соборная церковь во имя Николая Чудотворца с колокольною; внутри же крепости старый из белаго камня построенный собор, никогда не высыхающее озеро и колодезь»¹.

Впервые в историографии Можайской крепости в качестве датировки первых каменных укреплений (1541 г.), приведена закладная плита «на северных дверях» белокаменной церкви с надписью «лета 7049 делали паперть да и город делали»².

В соборной церкви, по данным Х. А. Чеботарева, находился колокол с дарственной надписью, пожалованный в 1643 г. царем Михаилом Федоровичем городу Можайску³.

В крепости показаны следующие постройки:

«дом деревянный для присудственных мест, в коем помещены уездной суд, дворянская опека, нижний земский суд, городническое правление, уездное казначейство, городской магистрат, сиротский и словесной суды»;

«бывшая воеводская канцелярия»;

«воеводской дом, в коем ныне живет городничий»;

народное училище, в коем обучают юношество начаткам Российского языка и христианскому исповеданию закона по изданному методу; и оное, также и богадельня зависят от приказа общественного призрения»⁴;

«денежная кладовая, каменная»;

«винной магазиной».

¹ Там же. С. 281–282.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 284.

⁴ Следы этой постройки были обнаружены в 2005 г. в раскопе 4/2005 на западном мысу холма, где она и показана на всех планах 80-х – 90-х гг. XVIII в. В верхних слоях раскопа 4 были найдены печные изразцы XVIII в., относящиеся к постройке, в которой размещалась детская школа и богадельня (См.: Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 4/2005).

Топографические планы 90-х гг. XVIII в. – начала XIX в. фиксируют завершение регулярной перепланировки Можайска, окончательное его превращение в город Нового Времени. Планы сделаны на основе еще одной топосъемки. Тщательно прорисованы все крепостные стены, которые показаны, как и положено, прямыми отрезками. Указаны все 8 башен. Планы, возможно, отражают этап активной разборки стен и башен. Поэтому их очертания, раскрытые в результате этих работ, были отчетливо видны. Вероятно, как следствие разборки, башни Петровская и Кухня показаны проходными. В виде ворот прорисована и лагуна на месте башни Сурино Колено. Сохраняет свой статус ворот Никольская башня, также обозначенная проходной. Расплывчатые очертания Косой, Глухой, Красной и Старой башен, объясняются, возможно, их сильным к тому времени разрушением.

К 1800 г. относится «Экономическое примечание Можайского уезда с краткой табелью и алфавитами»¹, полностью основанное на книге Х. А. Чеботарева. Тексту придан лишь официальный вид. В качестве датировки каменной крепости приводится 1541 г., дата, принимаемая после Х. А. Чеботарева без обсуждений. Внутри крепости показаны два собора во имя Николая Чудотворца. Белокаменный собор назван «нижним». «Под оным и хранятся старинные артиллерийские орудия, как-то: чугунные пушки, называемыя Борисовския, чугунные и каменные ядры и прочие ветхие воинские снаряды и архив бывшей Можайской воеводской канцелярии». Застройка крепости аналогична предыдущему периоду и имеет следующее описание:

«дом деревянный, в коем помещены присудственные места, как-то: уездный и нижний земский суды, городническое правление, дворянское собрание и уездное казначейство»;

«дом деревянной для народной школы, в которой обучается юношество по-русски читать и писать, закону, арифметике и рисовать»;

«кладовая каменная, в коей хранится собираемая уездным казначейством денежная казна»;

«тюрма деревянная для содержания преступников»;

«деревянной ветхой винной подвал».

К 1802 г. относится переписка между Московским Гражданским губернатором Петром Яковлевичем Аршеневским² и Мо-

¹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 18862. Ч. 7. Л. 1–3об.

² Петр Яковлевич Аршеневский (1748–1811†). Московский гражданский губернатор с 1 ноября 1798 г. по 5 декабря 1803 г. Статский (1797 г.),

сковским военным губернатором Иваном Петровичем Салтыковым, касающаяся разборки Можайской крепости¹. Из переписки явствует, что еще в 1797 г. тогдашнему московскому главнокомандующему Юрию Владимировичу Долгорукову² было повелено приступить к разборке крепостей в городах Коломне, Серпухове и Можайске. Предполагалось строительство вместо стен «палисадника с воротами, какие обыкновенно при въездах употребляются; материалы же от разобранных стен продать, обращая вырученные деньги на сию же работу». Вся стена Можайской крепости вместе с работой по ее разборке оценивалась в 2400 рублей³.

Выполнение приказа было поручено тогдашнему московскому гражданскому губернатору Павлу Михайловичу Козлову⁴. Держателя подряда на разборку Можайской крепости и продажу полученного от этого строительного материала предполагалось определить публично, «как через городничих и земские суды, так и чрез припечатание в публичных ведомостях, но желающих к покупке оных стен как в прочих городах, так и в Можайске, очень мало явилось, да и то давали чрезмерно дешевую цену...» Такое положение дел длилось почти 5 лет, пока в мае 1802 г. к П. Я. Аршеневскому не обратились двое жителей города Можайска, назвавшихся «можайскому Николаевскому собору строителями» — священник Николаевского собора Григорий Ильин и можайский купец Петр Марголин⁵.

Предложение Ильина и Марголина сводилось к простой альтернативе: либо продать церкви всю крепость на слом по сходной цене, либо отдать развалившуюся крепость в собор безвозмездно, а церковь из своих средств построит палисад и ворота. При этом как в том, так и в другом случае церковь обя-

действительный статский (1798 г.), тайный советник. Московский вице-губернатор (11 февраля 1797 г. — 5 сентября 1798 г.), иркутский губернатор. Высочайше награжден 10 тысячами рублей за успешное проведение винных откупов (1801 г.).

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1766. Л. 1–6.

² Князь Долгоруков Юрий Владимирович (1740–1830†). Действительный статский, тайный советник. Московский главнокомандующий с 2 мая по 29 ноября 1797 г.

³ Для сравнения, годовой доход села в 100 душ в это время составлял 1 тыс. рублей.

⁴ Павел Михайлович Козлов. Московский гражданский губернатор с августа 1796 г. по 25 сентября 1798 г.

⁵ Назван в документе «Петр Маргорин».

зается, во-первых, перестроить пятиглавый Никольский собор на воротах «по зделанному вновь в древнем виде и утвержденному здешним митрополитом плану», а во-вторых, перенести мост через крепостной ров с «косогора» (то есть от Никольских ворот) к «нижней церкви» (то есть к Петропавловскому белокаменному собору) и перестроить его из деревянного в каменный с деревянными настилами. В этом случае Никольские ворота с надвратными церквями предполагалось превратить в отдельно стоящий самостоятельный церковный объем, а проездные ворота под церковью упразднить, «поелику ворота ныне под самую церковь и от потрясения, причиняемого проезжающими, часто вред всему зданию оной делают не меньше».

П. Я. Аршеневский, со своей стороны, докладывал о состоянии Можайской крепости: «Поелику же время от времени стена сия, от ветхости разрушаясь, теряет свою цену, то я нахожу полезным и выгодным для казны уступить оную на построение Николаевского собора».

После того как 14 августа 1802 губернский архитектор одобрил предложенные перестройки, а сделка получила одобрение московского военного губернатора, разборка стен Можайской крепости началась безостановочно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В ПАМЯТЬ О МОЖАЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Можайской крепости 1624–1626 гг. не довелось испытать себя в войне людской. Тем короче оказался ее бой против беспощадного времени, отпустившего лишь 175 лет для этой, быть может, самой последней средневековой каменной крепости России. Не только время и природа, но и культурная отсталость, казалось бы, не оставили никаких следов от этого произведения фортификационного градостроительства. К счастью, это не так.

Памятник архитектуры погибает дважды. Первый раз — когда производится его снос. Второй раз, теперь уже безвозвратно, — когда уничтожаются части памятника, скрытые напластованиями земли.

Двоякая физическая сущность сооружения, пережившего столетия, определена самой историей его возведения и существования. Строение, имеющее изначально наземную и подземную часть, начинает, можно сказать, «врастать в землю» уже в процессе своего возведения. На этом этапе в землю попадают (случайно или намерено) различные строительные материалы и инструментарий. Вертикальная планировка после окончания строительства скрывает под собой следы временных производственных сооружений и другие материальные остатки. Пожары, ремонты, достройки, отмостки, подсыпки и т. п. вызывают подъем дневной поверхности за счет роста культурного слоя, содержащего напластования и остатки материальной культуры, — своего рода подробную летопись жизни памятника. Само его разрушение и исчезновение с дневной поверхности «записывается» в культурном слое. После утраты своей наземной части памятник архитектуры продолжает существовать как более сложный историко-культурный объект, сочетающий в себе черты как архитектурного, так и археологического комплекса.

Общепризнано, что культурные напластования являются неотъемлемой и охраняемой частью памятника архитектуры.

Однако после утраты его наземной части, информативное значение культурных напластований, относящихся ко времени строительства и жизни, а в особенности — ко времени разрушения памятника, резко возрастает и выходит на один уровень с информацией, заключенной в фото- и других изображениях, а также в обмерных чертежах. Зачастую, материальные остатки, сохраняемые в толще культурных напластований, предстают единственным точным свидетельством внешнего вида памятника. Древние сооружения, в особенности фортификационные, к моменту их сноса оказываются настолько вросшими в землю, что объем сооружения, вошедшего в состав архитектурно-археологического комплекса, сравним с утраченной наземной частью.

Если точно зафиксировать все раскрываемые в процессе земляных работ напластования, тщательно собрать и сгруппировать все содержащиеся в каждом слое находки, точно обмерить все обнаруженные конструкции, то появляется возможность запустить процесс, называемый философами переходом количества в качество. На основе закономерности развития материальной культуры, а также, применяя технологии, основанные на естественных и точных науках, удастся перевести множество разрозненных и незначимых полевых археологических наблюдений за слоями и предметами в новое качество строго доказанных фактов. Совокупность этих фактов, представляющих собой приращение знания, является целью и сутью науки, называемой археологией.

Приложение 1

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ КАК ОБЪЕКТ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Методические предпосылки и основные приемы построения интерполяционных карт исследованности культурного слоя

Культурный слой представляет собой сложный историко-культурный и природный феномен, формирующийся в среде обитания человека. По сути своей он двуедин, объединяя в себе природную и гуманитарную составляющие. Поэтому, с точки зрения анализа, культурный слой представляет собой многоуровневую информационную систему. Культурный слой динамично развивается по всей своей толще. Под воздействием природных и антропогенных факторов происходит неизбежная деформация информационной системы, как в сторону усложнения в связи с перекопами, так и в сторону упрощения за счет увеличения доли стабильных носителей информации *неорганического* происхождения, на фоне неуклонной утраты части информации, связанной с мало живущими носителями информации *органического* происхождения.

Однако даже при самых благоприятных условиях сохранности культурный слой существует только до того времени, пока он не будет раскопан археологами. Современные методики исследования культурного слоя предусматривают сочетание археологических и естественно-научных методов, что направлено на максимально полное извлечение информации, содержащейся в культурных напластованиях. Тем не менее, культурный слой в процессе исследования прекращает свое существование, оставляя после себя перемещенные или оставленные *in situ* (на месте) артефакты, а также различного вида информацию, перенесенную на традиционные для данного периода времени носители. Поэтому в настоящее время ведущим методом сохранения археологического наследия считается обеспечение пребывания культурного слоя в стабильном нетронutom состоянии. Такой метод назовем условно «практикой пассивной охраны».

К сожалению, практика пассивной охраны неприемлема в условиях современного города или в рамках иной активно функционирующей селитьбы. В этом случае на первый план выходит комплекс мер, который можно условно назвать «практикой активной охраны». Суть этой практики состоит в организации условий, обеспечивающих полноценное исследование участка культурного слоя, обреченного на разрушение строительными работами. Организация таких условий во многом основана на информации об особенностях культурного слоя, что позволяет, воздействуя на административно-строительный комплекс, последовательно уменьшать объемы разрушаемого культурного слоя, перемещать строительное воздействие на участки наименее ценного или наиболее нарушенного культурного слоя. Знание особенностей культурного слоя позволяет правильно выбрать участок археологических исследований, а также подготовиться к эффективному проведению полевых археологических работ не только охранного, но и академического характера.

Здесь вступает в силу парадокс, суть которого состоит в том, что полностью достоверную информацию об особенностях культурного слоя возможно получить только в ходе археологических исследований участка. Культурный слой, как уже говорилось, в ходе этих исследований перестает существовать. Значит, исчезает сама прикладная польза от знания об особенностях культурного слоя, организовывать охрану которого, в силу его утраты, уже нет никакой необходимости. Для компенсации этого парадокса особую роль играют методы, основанные на интерполяции знания, позволяющие составить обоснованную теоретикопровероятностную картину объекта на базе точечной информации об этом объекте, не подвергая разрушению сам объект. Такой интерполяционный подход применяется для построения тематических карт, лежащих в основе археологического опорного плана территории.

Базовыми характеристиками культурного слоя как трехмерного тела являются распространенность и мощность. Эти сведения могут быть получены при анализе результатов любого вскрытия культурного слоя, будь то археологические работы, геологические бурения или строительные разрытия. В этом плане такие зондажи можно признать равноценными для преобразования их в точки с двумя абсолютными отметками (в Балтийской системе высот): верха культурного слоя и его подошвы. На основании совокупности этих точек строятся две тема-

тические карты: палеорельефа и мощности культурного слоя. Основной здесь является карта палеорельефа, поскольку карта мощности культурного слоя формируется автоматически как стереометрическая разница между современной дневной поверхностью и поверхностью материка.

Карта исходной дневной поверхности (материка или палеорельефа) строится по определенным правилам, позволяющим уравнивать значимость всех точек, компенсировать неоднородность изученности территории, а также снизить зависимость от количества имеющихся зондажей. Таких самых общих правил два:

опора на геоморфологические аналогии;

границы исследуемой территории должны включать изучаемый геоморфологический элемент целиком вместе с ограничивающими структурами.

В случае с Никольской горой установлено, что холм Можайского кремля представляет собой результат оползня, произошедшего 8–9 тысяч лет назад в послеледниковую эпоху. Основой для этого оползня послужил участок моренного вала, разрезанного руслом реки Можайки вследствие Мангышлакской регрессии (рис. 1–4). Следовательно, поиск геоморфологических аналогий замыкается образованиями сходного генезиса. Исследуемая территория должна включать в себя весь холм с ограничивающими балками и руслом реки Можайки.

В настоящее время на территории Никольской горы имеется 57 достоверных точек, представляющих отметки материка и мощность культурного слоя. 40 точек получены при археологических раскопках 1981 и 2005 гг. Остальные 17 точек — результат инженерно-геологических изысканий. 13 точек получены в результате бурений 1991 и 2004 гг. 4 точки получены в 1991, 1993 и 2001 гг. в результате проходки в Никольском соборе инженерно-геологических шурфов с добуриванием со дна шурфа.

Непротиворечиво увязанные между собой точки позволили построить карты палеорельефа и мощности культурного слоя территории Можайского кремля (рис. 7, 8). Имеющихся точек, на наш взгляд, достаточно для построения подробной карты палеорельефа холма. Существует уверенность в том, что увеличение количества точек может повлиять только на тонкую детализировку морфологии склонов и балочной сети. При этом общая геоморфологическая схема территории существенно не изменится.

Исходный рельеф холма Можайского кремля

Можайский кремль расположен на двух холмах на правом берегу реки Можайки при впадении в нее Петровского ручья. Холмы возвышаются над поймой Можайки на 24–30 метров (рис. 8).

Холмы, составляющие первооснову Можайской крепости, представляют собой остатки грандиозного оползня, возраст которого оценивается в 8–9 тысяч лет.

Местность рассечена оврагами, один из которых разделяет холмы, а другой отделяет эти холмы от правого коренного берега. В исходном рельефе (без учета мощности культурного слоя), холмы Можайского кремля представляют собой как бы две шестиметровой высоты ступени (абсолютные отметки 202.00 и 196.00), ведущие вниз с юго-востока на северо-запад с торговой площади (абсолютная отметка 208.00) в сторону долины реки Можайки.

Размеры холмов разные. Северо-западный холм (более низкий) имеет покатую на восток овальную площадку размером 50 × 100 м. Общие размеры другого, юго-восточного, холма составляют 100 × 160 м. Пологий северо-западный склон этого холма сильно изрезан балками, одна из которых отделяет к западу от основного массива второго холма небольшую мысовую площадку округлой формы размером 40 × 50 метров (рис. 9).

*Культурный слой территории
Можайского кремля (рис. 8)*

Справедливо мнение, что Никольская гора в значительной своей части состоит из культурного слоя, который накапливался здесь не менее 2,5 тыс. лет. Культурный слой на территории Никольской горы распространен повсеместно. Наиболее мощные напластования расположены в юго-западной прибрежной части холма между верхней и нижней площадками, к югу от Ново-Никольского собора и к северу от Чистого озера. Здесь культурный слой достигает мощности более 10 м и образован в основном фортификационными насыпями и остатками разрушенных укреплений. На этих участках слой пронизан деревянными конструкциями, содержит большое количество строительного мусора, а также включает в себя части деревянных, каменных и кирпичных фортификационных сооружений

разной степени сохранности. Наиболее ранние напластования в этих зонах культурного слоя относятся к XIV в., к югу от Ново-Никольского собора — к XII в. Однако возможно обнаружение находок и более раннего времени.

Особой зоной культурного слоя следует признать восточную бровку городища, вдоль которой древние валы прекрасно сохранили свои внешние признаки. Здесь мощность культурного слоя достигает 8 м. На этом участке, как и на предыдущих, слой пронизан деревянными конструкциями, содержит большое количество строительного мусора, а также включает в себя фрагменты деревянных, каменных и кирпичных фортификационных сооружений разной степени сохранности. Наиболее ранние напластования датированы XIV в.

Участок культурного слоя, расположенный к югу от Петропавловского (Старо-Никольского) собора, между Ново-Никольским собором и восточным крепостным валом, лишен фортификационной насыпи, срытой в начале XIX в. Однако к тому времени успел отложиться культурный слой мощностью до 4 метров, закрывший нижнюю часть крепостного вала, который таким образом прекрасно сохранился под землей. Вал в этом месте датирован началом XIV в. Фортификационная насыпь перекрывает наслоения более раннего времени: в том числе несколько периодов селитьбы XII–XVII вв. и переслаивающее селитьбу разно уровневое кладбище XII–XV вв. В западной части участка возможно открытие фортификационной насыпи первой Можайской крепости XII–XIII вв.

Участок культурного слоя, подстилающего Ново-Никольский собор и залегающего к северу от него на верхней площадке Никольской горы, представляет собой одно из двух древнейших ядер заселения холма. Мощность культурного слоя здесь достигает 4–6 м. Слой в нижней своей части сильно обводнен, хорошо сохраняет органические вещества, богат деревом и артефактами, не сохраняющимися в сухих напластованиях. Сохранение существующего влажностного режима этой части культурного слоя в неизменном виде важно не только для сохранности древних деревянных сооружений, но и самого Ново-Никольского собора, поскольку выпгнивание органики, составляющей основу этого слоя, неизбежно приведет к деформации всех антропогенных отложений и неравномерному проседанию грунта. Возможное начало освоения этого участка относится к раннему железному веку. Здесь расположен детинец города Можайска XII–XIII вв.

Особое значение имеет участок культурного слоя, подстилающий и окружающий Петропавловский (Старо-Никольский) собор. Мощность антропогенной насыпи составляет здесь 3–6 м. Слой в нижней своей части влажный, содержащий органику. В основании этого слоя расположен сложный археологический комплекс, состоящий из древнерусской селитьбы, кладбища XIII–XIV вв. и деревоземляных въездных ворот («захаба») первоначального детинца города Можайска. Археологические исследования 1981 г., а также раскопки 2005–2006 гг. дают достаточно оснований полагать, что Старо-Никольский собор был построен в начале XV в. на месте прежних крепостных ворот XII–XIV вв., на которых размещалась надвратная церковь. В процессе подготовки территории под строительство деревоземляные конструкции этих ворот были скрыты не вровень с землей, а оставлены в виде глиняного холма, на котором и был возведен белокаменный Никольский собор.

Особый архитектурно-археологический комплекс сложился вокруг Старо-Никольского собора в 1844–1849 гг. В эти годы производилось возобновление рухнувшего в 1844 г. собора, от которого ныне сохранились, казалось бы, только подклет и часть белокаменных деталей, использованных в новой кирпичной постройке архитектора Ф. Шестакова. Однако, согласно строительным документам, камень от разобранный постройки надлежало уложить в виде «крепиды» в специальную траншею, вырытую на всю глубину фундамента вокруг храма¹. Археологические исследования 1981 г.² показали, что собор окружает траншея шириной более 3 м и глубиной до 120 см, заполненная белым камнем от разобранный церкви начала XV в. Многие камни являются архитектурными деталями, несут на себе знаки или представляют интерес для обмеров.

Культурный слой на нижней (западной) площадке городища совершенно отличается от напластований верхней площадки³. Здесь не обнаружено мокрого слоя. Фоновая мощность напластований не превышает 2 м. Однако только здесь открыты слои раннего железного века, а также керамика, предшествую-

щая славянскому этапу заселения этих мест. Археологический комплекс западного мыса городища имеет перспективы археологического сопоставления с находками на Брыкиной горе — урочище, расположенном к северу от Никольской горы через речку Можайку. Здесь в 2006 г. во время археологических сборов и раскопок были обнаружены вещи финно-угорского облика, происходящие, вероятно, из могильника, относящегося к раннему средневековью. Таким образом, находки на Никольской и Брыкиной горах 2005–2006 гг. могут привести к необходимости внести коррективы в распространенный нынче взгляд на исключительно балтскую (летописное литовское племя голядь) принадлежность дославянского населения здешних мест.

Второй интересный комплекс, обнаруженный в 2005 г. на западном мысу Никольской горы, представлен котлованами от двух деревянных погребов второй половины XIV в. Обе ямы открыты лишь частично. Однако полученный керамический материал позволяет сделать вывод о нерядовом статусе постройки. Большое количество парадной посуды XIV в., не встреченной на других раскопах, позволяет предположить, что именно здесь на западном мысу размещался княжеский двор можайского князя Андрея Дмитриевича и его сына Ивана Андреевича.

Территория, расположенная на северном склоне верхней площадки городища между Старо-Никольским собором и Чистым озером, покрыта культурным слоем, редко превышающим по мощности 150 см. Исключение составляет ныне засыпанная пятиметровой глубины балка, впадающая с юга в Чистое озеро и открытая в раскопе 1/2005 (Приложение 2). Эта балка использовалась еще в древнерусское время как источник глины. В заполнении балки встречена раннеславянская лепная керамика и «грузик», относящийся к дьяковской культуре железного века. На остальной территории склона открыты ямы от построек различного времени, начиная с XIV в.

¹ РГБ. Рукописный отдел. Ф. 177. Оп. 1. Ед. Хр. 17.

² Молчанов А. А., Кавельмакер В. В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске. М., 1981. Архив ИА РАН. Р-1. № 8409.

³ Приложение 2. Археологическая изученность культурного слоя Можайского кремля. Раскоп 4/2005.

Приложение 2.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ИЗУЧЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО
СЛОЯ МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ

(рис. 10)

Раскоп 1/1981¹

Раскоп был заложен у северо-восточного угла собора Петра и Павла и представлял собой прямоугольник 6 × 8 м. Северный алтарь собора выступал внутрь раскопа, сокращая тем самым его площадь. Раскоп не был пройден до материка, за исключением двух небольших шурфов вдоль его западной стенки. В этих шурфах материк — желтый суглинок — был найден на глубине 190–235 см.

Вдоль стен собора сразу под дерном или на небольшой глубине под слоем позднейшего строительного мусора открыта белокаменная кладка шириной до 150 и мощностью до 120 см. Эта конструкция была устроена в 1849 г., с целью стабилизировать расседание фундаментов при возведении нового собора. При раскопках кладка была разобрана только в одном месте при устройстве стратиграфического шурфа у западного борта раскопа возле северной стены северной апсиды. Таким образом, общая площадь раскопа сократилась до 32 кв м.

На остальной площади раскопа на глубине 70–95 см открыт сплошной слой коричневой глины мощностью до 100 см. Нигде, кроме узкой траншеи вдоль западного борта раскопа, слой глины не вскрывался, и раскоп глубже не копался. В траншее вдоль западного борта в слое коричневой глины обнаружена курганная, по мнению археолога А. А. Молчанова, керамика и обломок семилопастного биллонового вятического височного кольца «позднего типа». Слой глины определен авторами раскопок как специальная подсыпка под собор, который датирован В. В. Кавельмахером серединой XIV в. Фундамент собора впущен в слой глины, пробивает его и опускается в нижележащий слой до глубины 215 см, не достигая 20 см до материка.

¹ Молчанов А. А., Кавельмахер В. В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске.

С глубины 145–180 см под слоем глины обнаружен слой темно-коричневого глинистого гумуса с древесными углями, костями домашних животных, щепой и навозом. Мощность этого слоя, залегавшего на материке, составила 10–50 см. В слое присутствовала исключительно «курганная керамика XII–XIII вв., в том числе с линейной и волнистой орнаментацией».

В слое темно-коричневого гумуса открыто погребение в деревянном гробу, перекрытое фундаментом собора.

Раскоп 1/1982¹

Раскоп площадью около 8 кв м заложен в центральной части правого (южного) нефа подклета Петропавловского собора между юго-западным и юго-восточным столбами.

Как показали исследования, фундамент собора, выполненный из белокаменного бута на известковом растворе, не достигал материка на 20 см. Ниже пола подклета залегает сплошной массив белокаменной кладки мощностью 150 см. Массив представляет собой 5 слоев нерегулярной кладки, состоящей из отесанных белокаменных блоков, грубо обколотых известняковых камней и белокаменных глыб. Нижний слой кладки состоит только из кубовидных и слегка уплощенных грубо обработанных глыб размером 55 × 40 × 30 см. Второй, третий и четвертый ряды кладки состоят из хорошо отесанного кубовидного камня с размерами ребер в пределах 25–43 см, перемежающегося с грубо обколотым белым камнем размерами, колеблющимися от 12 до 43 см. Верхний выравнивающий ряд кладки имеет толщину до 13 см и состоит из мелких камней разной степени обработанности. Весь массив кладки сложен без применения извести. Связующим агентом является «суглинистый и супесчаный грунт, перемешанный с придавшей ему белесо-желтовато-коричневый цвет известковой крошкой». Массив белокаменной кладки, как и внешние стены основания собора, вскрытые в раскопе в 1982 г., в ряде мест «висят» в культурном слое.

Разборка массива кладки внутри подклета Старо-Никольского собора показала, что основания столбов собора не пререзают эту кладку, а стоят на ней. А. А. Молчанов и В. В. Ка-

¹ Молчанов А. А., Кавельмахер В. В. Отчет об археологических раскопках 1982 г. Старо-Никольского собора в г. Можайске. Архив ИА РАН. Р-1. № 8948. Вся последующая информация об археологических работах 1982 г. представлена в этом же отчете.

вельмахер, производившие раскопки, посчитали, что этот слой был выполнен в процессе перестройки храма в середине XIX в., и что, следовательно, столбы подклета также были полностью переложены в это время уже на вновь устроенном основании. Между тем наши¹ исследования позволили установить, что все кирпичные своды и обкладки стен и столбов подклета выполнены в последней четверти XVIII в. (сплошное клеймление кирпича исключительно маркой «АМ» в одинарной рамке, размер кирпичей $27 \times 6,5 \times 13$ см)², то есть должны быть отнесены к ремонтным работам 1774 или 1778 гг. Но в это время, как показывают обмерные чертежи собора И. Машихина, первоначальные столбы сохранялись. Следовательно, опирание столбов на платформу из белокаменного бута суглинистом растворе, равно как и сама единая платформа, изначально и относятся ко времени возведения собора, а именно к рубежу XIV–XV вв.

В процессе разборки платформы основания собора были собраны профилированные белокаменные детали. Никакой керамики и других находок сделано не было. Основание нижнего ряда каменной кладки оказалось уложенным на предварительно расчищенный материковый суглинок без следов культурного слоя. Отметка материка — 2,68–2,7 м.

Раскоп 2/1982.

Этот раскоп, прямоугольный в плане, общей площадью 24 кв м был заложен у южного фасада собора Петра и Павла вокруг крыльца, сооруженного в 1960 гг. в ходе реставрации, проводившейся под руководством Н. И. Иванова. Целью раскопок было обнаружение конструкции первоначального крыльца XIX в. для проекта реставрации.

Раскопки выявили следующую стратиграфию:

задернованный гумус мощностью до 0,1 м;

слой строительного мусора, состоящий из обломков белого камня, кирпичного боя, известковой крошки, мощностью до 0,5 м;

¹ Летом 2008 г. группа исследователей в составе архитектора-реставратора С. А. Шарова-Делоне и археологов И. И. Кондратьева и Б. Е. Янишевского произвела обследование подклетов Ново-Никольского и Петропавловского соборов. Подробную информацию см. в Приложении 4.

² Киселев И. А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. М., 1990. Таблица 3. № 23, 25 (кирпич); Таблица 4. № 130 (клеймо).

кирпичная отмостка середины XIX в., кирпич размером $22 \times 11 \times 6$ см; ширина отмостки — 0,33 м; кирпичная отмостка ограничена бордюром из белокаменных блоков; на участках, где отмостка отсутствовала, раскопки были продолжены;

темно-коричневый, местами почти черный перемешанный слой, содержащий керамику от XV до XIX в., мощностью до 0,5 м; с глубины 0,7 метров выявлен слой коричневой насыпной глины.

Ниже раскоп не копался. Выяснено, что новейшее крыльцо 1960-х гг. построено на белокаменном основании от прежнего крыльца XIX в. Прежнее крыльцо имело более пологий лестничный марш и поэтому сильнее отступало от южной стены собора.

Шурф 1/2001¹

В 2001 г. в рамках инженерно-геологических исследований внутри Ново-Никольского собора были произведены археологические наблюдения за проходкой шурфа у южной стены собора в створе древних белокаменных ворот.

Глубина проходки составила 320 см. Материк открыт не был. Поэтому со дна шурфа было осуществлено ручное добуривание до глубины 10 м. Под верхними слоями строительного мусора с глубины 300 см открылась глиняная насыпь крепостного вала. Поверхность вала понижалась на юг. Добуривание показало, что мощность глиняной части вала составляет 230 см. Ниже залегала гумусно-глиняная масса с деревом и органическими остатками. Толщина этого слоя составила 370 см. Подошва слоя залегала на глубине 9 м.

Шурф 1/2001, заложенный по оси проезда белокаменных ворот XVI в. возле окна в южной стене собора, открыл внешнюю полу крепостного вала: в верхней части он сложен из глины, а в нижней — из гумусно-древесной насыпи. Общая высота насыпи вала, определенная здесь добуриванием в шурфе, составила 600 см (9 метров от современной дневной поверхности).

¹ Отчет о научно исследовательской работе. Оценка инженерно-геологических условий территории Никольской горы (Можайского кремля) с целью разработки комплекса охранных мероприятий (окончательный). Т. 1. М., 2002. Работа выполнена ООО «Фирма РЕМИС» по договору № 32 с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. Текстовое приложение 1. Графическое приложение 1.

Раскоп 1/2005¹

Раскоп заложен в нижней, северной части Никольской горы, к югу от Чистого озера, в 2 м от края склона его нынешней чаши. Его юго-восточный угол располагался в 86 м к северу от северо-восточной апсиды Старо-Никольского собора. Юго-западный угол раскопа располагался в 100 м к востоку от памятника воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, находящегося в северо-западной части Никольской горы. Размеры раскопа: 8 × 6 м (48 кв. м), причем длинная сторона проходила в условно меридиональном направлении. Отклонение длинной стороны от угла в 0 градусов составило 29 градусов к западу. Раскоп располагался, как выяснилось, на склоне лощины, поэтому уклон материка — первоначальной поверхности — составлял по северной стенке 2,6 м на 6 м по горизонтали. Глубина раскопа у восточной стенки — тальвега лощины — составила 4,7 м.

Стратиграфия раскопа представляется так: кроме выравнивающего верхнего слоя желтого песка, относящегося к XX в., в профиле выделяются 4 слоя (сверху вниз) — темно-серая супесь (№ 1) максимальной толщиной до 0,8 м; лежащая под ней светло-серая супесь максимальной толщиной до 0,6 м (№ 2), под ней — слой темно-серого суглинка (№ 3) толщиной до 3,3 м (в самой глубокой части) и подстилающая его серая глина (№ 4), которая лежит на материковой плотной светлой (до желтого) супеси. Толщина последнего слоя серой глины — до 0,4 м. Все слои иногда перемежаются натечными прослойками вышележащих слоев, стекавших вниз, что создало довольно пеструю картину. Датировка слоев (предварительная): № 1 (XVIII–XX вв.), № 2 (XVI–XVII вв.), № 3 (XV–XVI вв.), № 4 (XII–XIV вв.). Кроме материалов, связанных с прослойками или с постройками, найдены керамика и вещи (индивидуальные находки), которые переотложены, но датируются более ранним временем, чем XII в. К таким предметам относятся: керамические грузик и пряслице раннего железного века (примерно II в. до н. э. — II в. н. э.), лепная керамика того же времени, а также лепная керамика XI — нач. XII в.

Раскоп 2/2005

Раскоп заложен в южной части Никольской горы. Его северо-восточный угол отстоит от юго-восточного угла Петропав-

¹ Янишевский Б. Е. Отчет о раскопках в Можайском кремле в 2005 г. Архив ИА РАН. Р-1. Вся последующая информация об археологических работах 2005 года представлена в этом же отчете.

ловского собора на 10,2 м, от юго-западного угла — на 16,8 м. Размеры раскопа 10 × 2 м, и он вытянут в юго-восточном направлении вдоль дорожки, идущей к соборам от моста. Отклонение длинной стороны раскопа от меридиана к западу составляет 55 градусов. Раскоп закладывался на этом месте с целью найти продолжения крепостного вала кремля, который был срезан в этом месте, предположительно, в конце XVIII — начале XIX в., при строительстве нынешнего Ново-Никольского собора. При этом предполагалось, что нижняя часть вала сохранилась.

Стратиграфия раскопа выглядит так.

Слой № 1 — верхние 0,75 м — строительный мусор XIX–XX вв. и творильные ямы для извести времени строительства Ново-Никольского собора.

Слой № 2 — валы, насыпанные из желтого комковатого суглинка. Валы представлены ранним и поздним строительными периодами. В раскопе открыты внутренние, обращенные в город фасады валов как раннего, так и позднего периодов. Фасады представляли собой наклонные поверхности, облицованные горизонтально уложенными бревнами. Бревенчатая облицовка раннего вала сгорела, поэтому суглинистая поверхность вала раннего периода прокалилась до кирпичного состояния. Поздний период представлял собой расширяющую пристройку к существующему валу. Подошва вала раннего периода залегает на глубине –2,8 м. Подошва вала позднего периода расположена выше, на глубине до –1,7 м, так как залегает на культурном слое, выросшем со стороны города к раннему валу. Вал позднего периода состоял из прямоугольных бревенчатых городен, засыпанных желто-рыжим суглинком. Городни имели соединительные перерубы. Порубочная дата спилов, взятых с бревен городни — 1375 г. Таким образом, датировка позднего периода вала — начало последней четверти XIV в., что подтверждается наличием красноглиняной грубой керамики в засыпке городен. Ранний период вала, судя по наличию в нем только серой керамики, может датироваться рубежом XIII–XIV вв.

Слой № 3 — массив щепы и навоза. Это жилые напластования, подстилающие ярусы валов и сопутствующие им. Общая толщина слоя № 3 — до 0,7 м. Стратиграфически слой № 3 разделяется на три яруса. Верхний первый ярус привыкает к позднему валу и содержит керамику от начала XV в. и моложе. Вторым ярус примыкает к раннему валу и подстилает поздний. В нем находится керамика XII–XIV вв. Третий ярус подстилает ранний

вал и содержит керамику XII–XIII вв. Здесь найдены фрагменты древнерусских серебряных браслетов. Под валом позднего периода мощность слоя № 3 — 0,45 м. Слой № 3 обводнен.

Слой № 4. Это Слой № 3 под валом 1-й очереди содержащий в себе кладбище, обозначенное как слой № 4. Он понижается в южном и западном направлении на 0,9 м. Кладбище содержит погребения в два уровня, нижние — в плохой сохранности, верхние — в хорошей, причем кости, погребальная обувь, доски гробов этого уровня сохранились очень хорошо. Датировка кладбища — вторая половина XII — середина XIII в. Слой № 4 обводнен.

Ниже слоя кладбища (до общего уровня — 4,8 м) лежит углубленная часть постройки (погреб), обшитой досками и имевшей также дощатый пол. Доски стен погреба были укреплены вертикальными бревнами, заглубленными в материк. Датировка погреба — XII в. Материк — светлый суглинок.

Раскоп 2 в северной половине (от северного края городен вала 2-ой очереди до северо-восточной стенки раскопа) ниже городен вала второй очереди в 2005 г. не докопан и был законсервирован. Доследование слоя произведено в 2006 г.¹

Раскоп 3/2005

Раскоп был заложен в северной части холма в 15 м к западу от западной стенки раскопа 1/2005 и располагается несколько дальше его от края чаши Чистого озера. Западная стенка раскопа 3/2005 отстоит на 20 м к востоку от асфальтовой дорожки, идущей наверх, к соборам, и на 78 м к востоку от памятника воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Борты раскопа примерно ориентированы по странам света. Культурный слой в этом раскопе был самым тонким из всех раскопов и траншей 2005 г. На большей его части толщина культурного слоя составляла 0,6 м и состояла из серой супеси. Материк представлен светлым суглинком, как и на всех остальных раскопах. На раскопе 3/2005 выявлены и раскопаны 2 постройки.

Постройка 1 подпрямоугольной формы выходила в раскоп углом, диагональ постройки примерно проходила по восточному борту раскопа. Постройка имела котлован, ограниченный внутри вдоль стенок плетнем (сохранился в виде тлена). Пле-

¹ Янишевский Б. Е. Отчет о раскопках Можайской экспедиции в г. Можайске Московской области в 2006 г. Архив ИА РАН. Р-1. Вся последующая информация об археологических работах 2006 года представлена в этом же отчете.

тень отстоял от стенок котлована на 25–30 см. Между плетнем и стенкой котлована была заложена глина красно-рыжего цвета, местами, видимо, обожженная. Внутри постройки найден развал печи из обожженной глины. Часть сооружения попала внутрь раскопа (заполняла пространство от плетня северо-западной стенки на 0,8 м внутрь котлована), часть уходила в восточную стенку раскопа. Высота развала по восточной стенке раскопа — 0,6 м. Размеры сторон постройки (внутри раскопа) — 2,7 × 3,2 м. Длинная сторона уходила в южный борт на расстоянии 0,8 м от юго-восточного угла раскопа. Глубина котлована постройки — до 1,13 м. Возможная датировка постройки 1 — XVII в. Принадлежность — переделочная кузня.

Постройка 2 примыкала к юго-западному углу раскопа и представляла собой погреб. Максимальная глубина — до 2,2 м. Погреб, по-видимому, был ограничен деревянными конструкциями, от которых остались прослойки темного древесного тлена на разных уровнях. Яма на месте постройки — овальной формы, размером 2,6 × 1,7 м. Длинный диаметр овала проходит с юго-запада на северо-восток. Конфигурация стенок ямы неровная, есть ступенька. В заполнении погреба имеется угольная прослойка, обозначающая слой пожара. Средняя часть прослойки залегает на глубине 1,4 м от уровня дневной поверхности раскопа. Прослойка имеет прогиб, что указывает на проседание после пожара деревянных конструкций. Ниже этой прослойки керамический материал датируется XIII–XIV вв., выше — XV — нач. XVII вв. Видимо, погреб был после пожара заброшен и использовался как свалка мусора.

Постройки 1 и 2 находятся на расстоянии 1,4 м друг от друга. Вокруг располагается несколько ям округлой формы, которые могут быть ямами от столбов, связанных с этими сооружениями.

Раскоп 4 /2005

Находился на западном мысу кремлевского холма у края крутого склона, в створе асфальтовой дорожки, идущей от лестницы мимо мемориального комплекса памяти погибшим в Великой Отечественной Войне. Восточный угол раскопа находится в 37 м от памятника и в 97 м от северо-западного (ближайшего) угла выступа колокольни Ново-Никольского собора. Размеры раскопа — 4 × 6 м. Раскоп был ориентирован так, чтобы его короткая сторона примыкала к белокаменному фундаменту стены

1624–1626 г., выявленному в процессе поисков остатков стен кремля на этом участке¹. Поэтому отклонение длинной стороны прямоугольника раскопа от меридиана к востоку составило 40 градусов.

С первых пластов в раскопе выявились 3 ямы: яма без номера — от засыпки траншеи фундамента 1624 г., яма 1 — у юго-восточного борта раскопа и яма 2 — у северо-западного борта. Фундамент стены является юго-западной стенкой раскопа 4. Вдоль фундамента четко читается фундаментный ров, нарушенный в северо-западном углу раскопа стрелковой позицией 1941 г. (датирована бутылкой с «коктейлем Молотова»). Траншея фундамента была засыпана коричнево-красной глиной.

Яма 1 занимает восточную треть раскопа, заходя на его северо-восточную стенку на 1,6 м от восточного угла. Она представляла собой погреб, который был заброшен, а его перекрытия обвалились, на что указывает просадка середины погреба, приходящаяся на восточный угол раскопа. Часть погреба осталась вне раскопа. Содержимое погреба до его разрушения отделяется от последующей засыпки прослойкой, маркированной фрагментированными и целыми кирпичами «большой руки». Эти кирпичи использовались при строительстве стены 1624–1626 гг. Глубина, на которой лежат кирпичи «большой руки», — 1,2 м (в восточном углу раскопа). Засыпка этими кирпичами ямы от провалившегося погреба, скорее всего, связана с разборкой стены в начале XIX в. На это указывает и большое количество кирпичного лома и другого строительного мусора в засыпке верхней части ямы 1. Ниже большемерных кирпичей лежит прослойка желтого песка, толщиной до 20 см, под которой залегает слой серой супеси, перемежаемой прослойками древесного тлена, видимо, от конструкций погреба. Период существования постройки, от которой осталась яма 1, определяется по составу керамики из ее заполнения концом XIV–XV в.

Яма 2 находится у северо-западного борта раскопа, отступая от него на 0,6 м. От северо-восточного борта раскопа яма 2 отступает на 0,9 м. Глубина ямы — 2,9 м от дневной поверхности в середине ямы по северо-западной стенке. Яма 2, также как и яма 1, представляет собой подземную часть постройки. Однако эта постройка в меньшей степени подверглась разрушению, поэтому сохранила вертикальность стенок подземной части. Период

существования постройки, от которой осталась яма 2, определяется по составу керамики из ее заполнения концом XIV–XV в.

Ямы 1 и 2 разделяет полоса материковой плотной супеси ярко-желтого цвета, которая открылась в раскопе на глубине 1,3 м от дневной поверхности раскопа (отметка относительно репера — 216 см).

В раскопе 4 выявлены еще 3 материковые ямы: яма 3 — является частью ямы 1 (уровень под слоем большемерных кирпичей), яма 4 полукруглой формы диаметром около 0,5 м примыкала к северо-восточному борту раскопа и имела максимальную глубину 18 см, яма 5 находилась на средней линии раскопа в квадрате 6, имела, в древности округлую форму, но позже была перерезана наполовину ямой 1 по границе квадратов 5 и 6 в северной части раскопа. Яма 5 была заполнена черной супесью (цвет определяли мелкодисперсные угольки). Эта яма имела чашевидное дно, глубина от верхнего уровня материка — 0,4 м у границы с ямой 1. Цвет заполнения характерен для раннего железного века, что подтверждается и лепной керамикой того же времени из заполнения ямы 5.

Фундамент основания стены 1624–1626 гг. на этом участке укреплений Можайского кремля сохранился, по крайней мере, на 2,5 м в глубину (рис. 42). Фундамент был сложен из подтесанных блоков известняка размерами 35 × 40 × 30 см, на известковом растворе, всего выявлено 7 рядов блоков. Верхние 2 ряда блоков представляют собой лицевую кладку. С фасадной стороны стены швы между блоками фундамента были замазаны известью.

Траншея 1/2005

Траншея была заложена между раскопами 1 и 3 для их соединения и последующей прокладки водопровода и электрокабеля. Она проходила от северо-восточного угла раскопа 3 к северо-западному углу раскопа 1. Длина траншеи — 14 м. Однако около раскопов были оставлены бровки по 1 м для предотвращения осыпания грунта внутрь раскопов и сохранения стенок раскопов без дырок. То есть реально зафиксированный профиль составил 12 м.

В траншее прослеживаются две прослойки культурного слоя: верхняя — темно-серая супесь толщиной до 50 см и нижняя — тоже темно-серая супесь, но, в отличие от верхней прослойки, более плотная и чистая. Граница между ними читалась

¹ Приложение 2. Шурф 4/2005.

хорошо. Материк представляет собой желтый суглинок или переходную к суглинку плотную супесь. Предматерик представлен светло-серой глиной. На расстоянии 3 м от раскопа 1 между двумя прослойками вклинивается слой чистого желтого песка. Постепенно расширяясь, слой песка от толщины 7–10 см на 4-м метре от раскопа 3/2005 достигает толщины 45 см на 6-м метре. Глубина траншеи от дневной поверхности до материка составляет, таким образом, на 1-м метре 1,2–1,3 м, на 6-м метре — 1,5–1,65 м. Песчаная прослойка становится на 7-м метре толщиной 0,7 м, а на 9-м метре траншеи уходит резко вниз, при этом нижний слой серой супеси заканчивается на том же метре. Уловить подстилающий горизонт удалось только в раскопе 1/2005, в его северо-западном углу.

Интерпретировать слои траншеи 1 можно следующим образом: нижний слой серой супеси — это культурный слой, образовавшийся естественным путем на склоне холма. В 5 м от раскопа 1 начинается сильное падение этого слоя по склону лощины, выходящей к Чистому озеру, открытой в раскопе 1/2005. Желтый песок был подсыпан в XX в. (датирован в раскопе 1 находками монет) для выравнивания склона холма и образования горизонтальной «ступени» перед озером. Верхний слой серой супеси — это тот же слой, что и нижний, но перемещенный с верхней или средней части кремлевского холма вниз с той же целью — выравнивания приозерной части холма. Отсюда его большая рыхлость и наличие большого количества строительного мусора. В траншее 1 найдены: фрагмент керамической поливной чернильницы XVII в., ключ железный от пружинного цилиндрического замка XII–XV вв., а также другие железные предметы, в том числе: 2 ножа, 2 подковы, шпора колесцовая XVI–XIX вв., пряжка, гвоздодер.

Отсутствие в траншее находок, датированных ранним железным веком, XII–XV вв., а также и совсем поздних, указывает на то, что слои в траншее одного возраста — около XVI–XVIII вв.

Траншея 2/2005

Траншея была заложена с целью прокладки водопровода от скважины у раскопа 1/2005 и подвода электричества к той же скважине. Траншея проходила от боковой пешеходной асфальтовой дорожки (самой верхней, идущей чуть ниже трапезной) до раскопа 1 (юго-восточный угол). Длина траншеи составила 54 м, она проходила практически в меридиональном направлении —

отклонение составило 12 градусов к востоку. Для подвода коммуникаций к трапезной и стыковки с существующими сетями от южного конца траншеи 2 была проложена дополнительная траншея 2-бис длиной 15 м к северо-западному углу фундамента трапезной. Кроме 4-х первых метров у дорожки траншея 2-бис проложена в насыпном из шлаков грунте и далее нами не рассматривается. Ширина траншеи 2 была не более 50 см. Таким образом, траншея представляла собой разрез культурного слоя на значительном протяжении площадки кремля.

Отбор материала из траншеи 2 производился по двум пластам: до 1 м и ниже 1 м. Кроме того, из нижних частей выявленных построек материал отбирался отдельно. Переборка вынутого грунта производилась Можайскими школьниками вручную. Траншея была разбита на 5-ти метровые отрезки-«квадраты», по которым и производился сбор материала.

Стратиграфия траншеи 2/2005, как и траншея 1/2005, делилась на 2 горизонта — нижний и верхний. Общая толщина культурного слоя в траншее 2 составляла от 60 см в верхней, южной части траншеи, до 2 м — в средней части, попадающей на постройки, и 1,5 м в самой нижней части, где прослежен материк (за 17 м от раскопа 1/2005). На последних 17 м траншеи приходится начало крутого падения уровня материка — начало лощины, прослеженной в раскопе 1/2005. Начало лощины было засыпано почти чистым желтым песком, что зафиксировано в северном борту раскопа 1/2005. Материк (или не содержащий материала предматерик) представлен светло-серой глиной.

Верхний горизонт траншеи 2/2005 — серая супесь со строительным мусором. В некоторых местах, например, в квадрате 3 в верхнем горизонте наблюдались прослойки извести толщиной до 10 см. Нижний горизонт культурного слоя представлял собой темно-серую плотную супесь, хорошо отделяющуюся по оттенку и плотности от верхнего горизонта. Интересно, что толщина нижнего горизонта практически не меняется: за исключением построек она составляет 30–50 см. В траншее 2/2005 выявлено три постройки — постройка 0, постройка 1 и постройка 3.

Постройка 0 начинается на 9-м (от южного конца) метре траншеи 2/2005 (квадрат 2). Ширина постройки в траншее 2 составляет 3,8 м, толщина культурного слоя — 1,8 м (в самой середине постройки). Примерно на середине толщины культурного слоя, между верхним и нижним горизонтами, имеется прослойка коричневого суглинка толщиной 8–10 см, лежащая

только в средней части постройки 0 (длина прослойки — 2 м). Эта прослойка, вместе с двумя линзами желтого песка, примыкающими к прослойке с южной стороны, может фиксировать верхнюю часть постройки или отделять собственно постройку от позднейших напластований верхнего горизонта культурного слоя. Таким образом, углубленная часть постройки 0 составляет 70–75 см.

Постройка 1 отстоит от постройки 0 на 1,6 м к северу и располагается в 3–4 м квадратах. Ширина постройки 1 — 3,4 м, толщина культурного слоя здесь — 2 м (в средней части постройки). В самой нижней (средней) части постройки 1 выявлен деревянный водосток в виде желоба шириной 20 см, лежащий в материке. На глубине 40 см от поверхности между верхним серым и нижним горизонтами имеется прослойка коричневого суглинка, перемежающегося с прокаленной глиной или суглинком рыжего цвета. Эта прослойка фиксирует древнюю дневную поверхность, с которой был выкопан котлован постройки 1. Формирование этой прослойки может быть связано с пожаром и обрушением верхней части постройки 1.

Постройка 3 отстоит от постройки 1 на 1 м к северу. Ширина постройки 3–4,2 м. Толщина культурного слоя в постройке 3–2,2 м. Постройка 3 состоит как бы из двух частей: южной (постройка 2), менее углубленной, и северной, более углубленной. Разница в глубине — 40 см. Постройки 1 и 3 перекрыты на глубине 30–50 см от современной поверхности одним и тем же слоем коричневого суглинка, по краям переходящего в рыжий прокаленный суглинок. В постройке 3 этот слой прокаленного суглинка достигает до 50 см в толщину. Линза прокаленного суглинка имеется и в заполнении постройки 3. Можно предположить, что постройки 1 и 3 прекратили существование одновременно.

Нижний горизонт культурного слоя в постройках не прерывается и к нему не добавляется никакого слоя снизу. Стало быть, отложение нижнего горизонта культурного слоя и заполнение котлованов построек произошло одновременно и достаточно быстро, поскольку слоистости в нижнем горизонте не наблюдается. Судя по отложившемуся материалу, постройки можно датировать XVI–XVII вв., а отложение верхнего горизонта культурного слоя должно было произойти не ранее XVIII–XIX вв. Более ранние материалы, равно как и поздние, имеют редкий характер и не связаны с имеющейся стратиграфией.

Интересно, что с 25 метра траншеи (считая с юга) толщины нижнего горизонта культурного слоя резко уменьшается до 10–20 см.

В траншее 2-бис в тех 4 м, что пройдены вне шлаковой подсыпки, не наблюдается двухчленного деления культурного слоя, а имеется один слой светло-серой супеси, сходной по составу с верхним горизонтом культурного слоя.

Шурфы 1–10, расчистки 1 и 2 2005 г. вдоль северо-западного и юго-западного края холма.

Эти работы производились с целью уточнения местоположения остатков фундамента стены 1624–1626 гг. и выявления степени сохранности кладки.

Шурфы 1–3/2005 заложены вдоль юго-западного края кремлевского холма — ш. 1 и 2 вдоль асфальтовой дорожки, ведущей от Ново-Никольского собора к памятнику воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, ш. 3 к западу от этой дорожки. Глубина проходки шурфов — не более 0,5 м. В этих шурфах фундамента не обнаружено, но видны следы его разборки — кирпичная и известковая крошка, а также коричневая глина вала, засыпанная обратно в образовавшуюся траншею.

Шурф 4/2005 (рис. 42) заложен на участке юго-западного края холма, который резко (на 3 м) поднимается, по сравнению с ш. 3. Узкий (не более 3 м в ширину) гребень предполагал наличие сохранившейся части фундамента или участка стены. Действительно, в шурфе был выявлен участок сохранившегося фундамента, возможно, с фрагментом нижней части стены в виде 2-х рядов «лицевой кладки». Здесь был заложен раскоп 4/2005 с внутренней стороны крепости вдоль кладки фундамента.

Шурфы 5–7/2005 заложены вдоль северо-западного края холма. Следы стены в виде известковой крошки и камней диаметром до 10 см выявлены только в шурфах 5 и 6. Это белое заполнение шурфа имеет резкую границу с более темным заполнением, начинающимся ближе к краю холма. Вероятнее всего, это граница между выбранным тесаным камнем фундамента и внутренней заливкой этого фундамента и фундаментной траншеи известью с камнями. В шурфах 6 и 7 местоположение следов стены указывает на то, что ее внешняя половина осыпалась

вниз по склону. В шурфе 6 найдена серебряная польская монета «шеяг» первой четверти XVII в.

Шурф 8/2005 (рис. 52) заложен на пересечении тропы, ведущей вдоль северо-западного склона холма от памятника воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, и тропы, ведущей вниз с холма к реке Можайке. Найдены тесаные блоки известняка размерами 50 × 60–100 × 30 см, сохранившиеся в два ряда, что говорит о том, что здесь выявлена южная стена Петровской башни или примыкающий к башне с запада участок крепостной стены.

Шурф 9/2005 (рис. 43) заложен поперек тропы к западу от северо-западного мыса холма. Здесь выявлен классический вариант фундамента стены 1624–1626 гг. — заливка фундаментного рва известью с забутовкой камнями: по середине — более крупными (до 20 см), по краям — более мелкими, до 10 см. Ширина стены — около 4 м. Фундамент прослежен сразу под дерном.

Шурф 10/2005 (рис. 53, см. также Приложение 4) представлял собой повторное раскрытие инженерно-геологического шурфа № 2/1991, заложенного у восточного фасада северного пилона внутри белокаменных ворот XVI в.¹ Шурф 10/2005 был сделан длиннее — на всю ширину ворот. Расстояние до него от северной стены собора составило 10 м, от южной — 12 м. Длина шурфа составила 385 см, ширина — 140 см. За нулевую отметку был принят репер раскопа 2/2005, имеющий абсолютное значение от уровня Балтики 204.98. Уровень земли, с которого начались раскопки шурфа 10/2005, находился на 80 см ниже уровня нулевого репера. Далее все отметки глубин будут даны от нулевого репера — следовательно, для получения глубин от поверхности земли следует вычитать 80. Шурф пройден на глубину 665 см, до материка — светло-желтого суглинка. Абсолютная отметка поверхности материка в шурфе 10/2005 составила 198.33, а мощность культурного слоя здесь — 585 см.

По мере раскопок размеры шурфа сокращались, что было вызвано технологическими причинами. На глубине 320–340 см,

¹ Оценка инженерно-геологических условий территории Никольской горы (Можайского кремля) с целью разработки комплекса охранных мероприятий. Выполнено по договору № 32 с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. М., 2002. С. 38.

на уровне залегания подошвы западной стены ворот XVI в., была сделана первая технологическая ступенька, что уменьшило длину шурфа до 305 см, а ширину — до 95 см. На глубине 570 см, в связи с открытием бревенчатой стенки, проходящей почти посередине шурфа в направлении север-юг, дальнейшие раскопки в западной части шурфа были прекращены, что сократило длину шурфа до 105 см, а ширину — до 65 см. Такие размеры шурфа сохранялись до выхода на материк.

С восточной и западной стороны шурф 10/2005 был ограничен стенами ворот. Открытые в шурфе части стен, как и надземная часть ворот, а также их своды выполнены из белого камня. Открывшиеся в шурфе фасады оснований восточной и западной стен ворот отличаются как по системе кладки, так и по уровню подошвы.

Восточная стена (рис. 55). Выступающий на поверхность ряд кладки сложен из хорошо отесанного продолговатого камня размером 55 × 35 см. Боковые грани камней не вертикальны. Ниже в шурфе открыто 5 рядов кладки общей высотой 185 см. Верхние два ряда сложены из подквадратных с фасада камней размером 40 × 32 и 40 × 40 см. Ряды ровные, сдвинутые на полкамня, так что швы одного ряда приходятся на середины камней другого ряда. Камни хорошо и ровно тесаны, фасады камней вертикальны. Швы между камнями 2–4 см, заполнены известью. Следующие ниже два ряда выложены из неправильного нерегулярного неотесанного камня размером по фасаду 50–60 × 20–30 см. Камни уложены на длинную сторону с перекрытием швов, как и в двух вышележащих рядах. Швы между камнями заполнены тяжелым желто-оранжевым суглинком. Два верхних ряда камней составляют вертикальный фасад. Третий ряд выступает из вертикали стены на 30 см. Четвертый ряд, напротив, вновь утопает на 20 см в сравнении с третьим рядом. Исследование показало, что ниже залегает еще один ряд камней, который утопает по сравнению с четвертым рядом еще на 20 см вглубь стены. Этот ряд камней не был раскрыт по фасаду, чтобы не вывешивать третий и четвертый ряды кладки — обследование его велось при помощи зонда. Удалось установить, что высота этого ряда кладки составляет 50 см. Таким образом, нижняя часть кладки, сложенная из нерегулярного камня, представляет собой расширяющуюся от подошвы вверх выкладку, служащую основанием для регулярной части стены. Это основание в верхней своей части выступает за фасад стены на 30 см. Верх основания

восточной стены залегает на глубине 180 см, подошва ее основания — на глубине 285 см.

Западная стена (рис. 55). Как и восточная стена, она четко разделена на верхнюю регулярную и нижнюю нерегулярную кладки.

Регулярная часть кладки западного фасада крепостных ворот, вошедшая в шурф 10/2005, четко разделяется на южный и северный участки. Южный участок представляет собой кладку из белого камня размером по фасаду 25×30 см и 20×30 см, то есть более мелкого, чем на восточной стене. Камни хорошо отесаны, имеют вертикальные грани. Ряды четкие с перекрытием вертикальных швов. Толщина швов 2–3 см. Заполнение швов — известь. Открыто три ряда камней, верхний из которых наполовину был скрыт строительным мусором. Подошва регулярной кладки в этой части шурфа открыта на глубине 125 см, что на 60 см выше, чем у противоположной восточной стены. Между подошвой регулярной кладки и верхом нерегулярной кладки зафиксирован отрыв в 20 см, заполненный в новейшее время реставрационным цементом.

Северный участок регулярной кладки сложен из пиленого камня на цементе и представляет собой нижнюю, южную часть массива реставрационной кладки-подпорки, устроенной с северного конца западной стены ворот. Этот контрфорс полностью замещает западную стену по северному фасаду ворот и призван компенсировать провал фундаментов ворот, приведший к полному разрушению фасадов этой части сооружения. В отличие от подлинной кладки, реставрационная часть имеет не три, а четыре ряда камней, нижний из которых заполняет вертикальный разрыв между основанием регулярной кладки и верхом нерегулярной. Реставрационный камень подобран по размеру так, чтобы ряды подлинной кладки не сбивались, а продолжались в массиве новой кладки. Вертикальные швы в реставрационной кладке соблюдаются не строго.

Нерегулярная часть кладки представляет собой расширяющийся к низу на 60 см от вертикали фасада массив разнокалиберного необработанного камня. Сверху камни более крупные, снизу более мелкие. Размеры крупных камней $35\text{--}60 \times 30\text{--}40$ см, мелких $10\text{--}15 \times 8\text{--}10$ см. Камни уложены очень рыхло, промежутки между камнями — разные, бесформенные, заполненные тяжелым желто-оранжевым суглинком. Очевидно, что разуплотнение кладки и потеря рядности вторична и связана с общей

просадкой грунта в этом месте. Общая высота нерегулярной части кладки составляет 185 см. Подошва ровная горизонтальная, залегает на глубине 345 см, что на 60 см ниже, чем подошва противоположной восточной стены.

Открытые в шурфе фасады белокаменной кладки, в той ее части, что сложена на глине, изначально фасадами выступать никак не могли. Отсутствие фундаментного рва вдоль этих «фасадов» свидетельствует о том, что это и не заполнение траншей бутовым камнем для устройства фундамента. Вероятней всего, белокаменные «фасады», открытые в шурфе, — это стенки позднего перекопа, разрушившего первоначальное монолитное каменно-глиняное основание башни (рис. 54).

Стратиграфия. Верхний слой мощностью 60 см представляет собой желто-серую супесь с обломками кирпича, известковой крошкой, известковым щебнем и известью. Судя по новейшим находкам, — это строительный мусор, накопившийся в подклете церкви в советское время. В дальнейшем слой мусора был снят под наблюдением археологов по всей площади подклета, что позволило раскрыть лицевую кладку по западному фасаду ворот на всю высоту. По восточному фасаду проезда ворот закрытым землей остался один ряд лицевого камня. Снятие слоя мусора позволило выйти на исторический уровень, образовавшийся после постройки Ново-Никольского собора. Абсолютная отметка этого уровня 203.78, глубина 120 см. От нижележащих слоев мусора был отделен прослойкой извести толщиной 5 см. Как показали раскопки в подклете, этот слой извести служил основанием для нескольких ярусов кирпичных полов, открытых на других участках подклета. Слой современного строительного мусора и подстилающий его слой извести нарушены перекопом, представляющим собой траншею, вырытую в новейшее время для вычинки каменной кладки западной стены. Ширина траншеи 100 см, глубина — 110 см. То есть траншея пробивает не только слой современного строительного мусора и подстилающий его слой извести, но и на 30 см углубляется в нижележащий слой суглинка.

Ниже слоя извести залегал мощный пласт тяжелого желто-оранжевого суглинка, аналогичного заполнению между камнями нерегулярной части кладок стен ворот. Толщина слоя суглинка составляет 280 см. Слой суглинка делится на два яруса свитой из трех прослоек. Нижняя прослойка из свиты представляет собой слой погребенного дерна толщиной 2 см. На ней

залегает слой кремневых булыжников, перемешанных с золой. Мощность этого слоя 15 см. Слой булыжников перекрыт слоем золы с углями мощностью 5–10 см. Все прослойки из свиты одинаковым образом изогнуты. При раскопках ранее всего эта свита прослоек открылась в средней части шурфа, где она залегает единым пластом с глубины 270 см до глубины 302 см. К западной и восточной стенкам шурфа свита прослоек понижается. В западном борту шурфа верх свиты залегает на глубине 345 см, а низ свиты (погребенный дерн) имеет сильное падение к северу и залегает на глубинах 360–400 см. В восточном борту свита прослоек также падает на север, так что верх свиты расположен на глубинах 275–310, а низ свиты (погребенный дерн) залегает на глубинах 315–335 см. Таким образом, свита из трех прослоек (погребенный дерн, кремневые булыжники с золой и зола с углем) образуют в шурфе сложную поверхность, наиболее повышенную в центре шурфа у южного борта и понижающуюся слабо к востоку, сильнее к западу и особенно сильно к северу. Замечательной особенностью этой свиты прослоек является то, что ее верх соответствует подошве стен белокаменных ворот.

Итак, слой тяжелого желто-оранжевого суглинка разделен вышеописанной свитой прослоек на верхний и нижний ярусы. Верхний ярус имеет мощность 125–194 см. Этот пласт суглинка заполняет пространство между кладками стен. Фундаментный ров вдоль стен не прослеживается. В верхней части слоя суглинка вдоль стен прослежены траншейки, образовавшиеся при вычинках стен. Траншея вдоль западной стены уже описывалась. Она имеет современное происхождение. Вдоль восточной стены также прослежена траншейка шириной 20 см и глубиной 35 см. Эта траншейка более ранняя, чем западная, потому что она перекрыта слоем извести, на которой в других частях подклета уложены кирпичные полы. Траншейка вскрывает с фасада нижний ряд лицевого камня восточной стены ворот. В суглинке зафиксированы редкие остатки истлевших жердей и бревен диаметром от 5 до 15 см, уложенных в направлении север-юг, то есть параллельно проезду ворот. Наблюдение за тонкой стратиграфией пласта суглинка выявило наличие тонких прослоек гумуса или древесного тлена, изогнутых и понижающихся от центральной части шурфа к стенам ворот. Вдоль западной стены в суглинок включены отдельные кремневые валуны, совершенно аналогичные тем, что составляют средний слой вышеописанной свиты. Наблюдения за стратиграфией позволяют

предполагать, что верхний слой рыжего суглинка есть заполнение перекопа, возникшее при разборке каменно-глиняной платформы основания ворот (рис. 54).

Нижний ярус тяжелого желто-оранжевого суглинка имеет толщину 50–140 см. Основание пласта горизонтальное и залегает на глубине 420 см. Слой суглинка пронизан редкими истлевшими остатками жердей и бревен диаметром 5–15 см, уложенных как в направлении север-юг, то есть параллельно проезду ворот, так и запад-восток, то есть перпендикулярно проезду ворот.

Ниже слоя тяжелого желто-оранжевого суглинка лежит слой голубой глины толщиной 10–20 см. Ниже слоя глины и до материка залегает плотный слой щепы с навозом, причем щепы составляет основной объем слоя. Мощность слоя 215 см. В слое открыты редкие бревна и полубревна диаметром 15 см, расположенные как вдоль оси проезда ворот, так и поперек. Встречены также бессистемно расположенные доски. На глубине 535 см открыта бревенчатая стенка в два венца, расположенная вдоль оси проезда ворот. Диаметр бревен 20 см. С глубины 600 см открыта свая, вкопанная в материк. Диаметр сваи 20 см.

Поверхность материка горизонтальная. Отметка материка 198.33. Глубина залегания материка 665 см. Материк — светло-желтый суглинок.

Интерпретация стратиграфии¹. Все слои ниже свиты слоев с камнями, золой и углями трактуются как строительные периоды деревоземляных укреплений общей высотой около 400 см. В шурфе прорезана внутренняя северная пола вала.

Нижний ярус представляет собой гумусно-деревянную насыпь, армированную срубными конструкциями и отдельными бревнами. Поверхность вала обмазана голубой глиной. Деревянные конструкции нижнего яруса вала выполнены из дуба. Поэтому дендродат не получено. В заполнении городен найдена только курганная керамика². Датировка этого яруса вала, с уче-

¹ Интерпретация археологических материалов производится со ссылкой на работы 2006 г., продолжившие исследования 2005 г. В 2006 г. была раскрыта в три раза большая площадь. Найдено большое количество керамики. Стратиграфия, зафиксированная в 2006 г., связана с данными 2005 г. См. описание раскопа 1/2006 далее в этом же Приложении.

² В раскопе 2006 г. в этом слое найдена в основном серая керамика с небольшой примесью курганной. В толще вала обнаружены структурирующие бревна, уложенные вдоль. В насыпи вала найден обломок бревенчатого «хака» от облицовки более раннего вала. Внутренняя пола вала оформ-

том находок 2006 г. (см. Раскоп 1/2006 в Приложении 2), XII–XIII в.

Средний ярус представляет собой стерильную глиняную насыпь, армированную бревнами. Поверхность вала сигнирована слоем погребенного дерна. На этом этапе поблизости размещались деревянные конструкции, заполненные кремневым булыжником. Конструкции погибли в пожаре, после которого отложился слой камней и золы с углями.

Слой с камнями, золой и углями содержит многочисленную и разнообразную керамику, попавшую сюда как во время разрушения укреплений, так и позднее, до начала возведения белокаменных ворот. В слое найдено 50 фрагментов красноглиняной грубой керамики от горшков с линейным и волнистым орнаментом. 17 фрагментов принадлежат серой керамике. Это также обломки горшков с волнистым орнаментом. Найдена ручка от красноглиняной сковороды XIV–XV вв. Основная масса керамики — 124 фрагмента белоглиняных горшков с покатыми плечиками и слабо отогнутым венчиком. Малая часть венчиков находит аналогии с московской красноглиняной грубой керамикой XIV в. Однако глиняное тесто, из которого сделаны горшки, более запесоченное и не имеет грубых включений. Используемый орнамент — волна, нанесенная многозубой гребенкой в сочетании с линейным орнаментом. Орнаментированы плечики и тулово сосудов. Эта керамика датирована второй половиной XIV — началом XV в. Самой поздней находкой признана стенка белоглиняной чернолощеной сплюсн миски с округлыми бортами и загнутым вовнутрь валикообразным венчиком. Находка датирована по московским аналогиям серединой XV в. Однако такой прием датирования не может быть надежен. Таким образом, керамический комплекс из слоя камней с золой и углями датирован достаточно широко XIV — первой половиной XV в. Время разрушения конструкции должно относиться к началу этого хронологического отрезка, то есть к концу XIV в. Следовательно, средний ярус крепостного вала бытовал в XIV в. После разрушения крепости прошло достаточно времени, чтобы сформировался слой дерна.

На образовавшейся поверхности возводятся белокаменные ворота на бутовой платформе, сложенной на глиняном

лена ступенями высотой до 20 см с дощатыми проступями. Под полкой вала найдена печная яма с остатками опечка. Керамика из постройки — серая с небольшой примесью курганный.

растворе. В более поздний период белокаменная платформа-основание ворот оказалась разрушена перекопом, захватившим по ширине весь проезд. Перекоп засыпан стерильной глиной. Из этой засыпки происходят две стенки серой керамики и одна красной грубой. Датировку строительства белокаменных ворот традиционно относят к середине XVI в. Тем не менее, работы в шурфе 10/2005 демонстрируют отсутствие слоев XV–XVI вв. между слоем разрушения бревенчатых конструкций с камнями и основанием белокаменных ворот.

Расчистка 1/2005 произведена на месте выхода каменной кладки в южном склоне холма к югу от Ново-Никольского собора. Камни кладки скреплены железными скобами. Кладка имеет выступы-пилоны и валик по верху. Конструкция определена как внешний панцирь Никольской башни и въездной площадки. Кладка датирована XVII–XVIII вв.

Расчистка 2/2005 произведена на северном мысу холма в месте выхода каменной кладки Круглой Наугольной башни. Выяснено, что сохранилась только внутренняя треть фундамента башни. Остальное тело башни осыпалось вниз по склону.

Зона археологических наблюдений (вокруг Чистого озера) в 2004–2005 гг.

По склонам вала (с северной стороны озера и в северо-восточном его углу) выявлены следы деревянных конструкций, упавших и ныне наклоненных под углом до 45 град. к горизонтали. В этих конструкциях, интерпретированных как городни, найдены целые сосуды XVI–XVII вв., красноглиняные и чернолощеное, фрагмент сапога с металлической прошивкой. При раскопках на строительстве лестницы-всхода на гору в юго-западной части котловины озера найдены эфес шпаги и ствол ружья, датирующиеся XVIII — началом XIX вв.

Раскоп 1/2006¹

Изложение результатов и ссылку на иллюстрации раскопок см. в Приложении 4.

¹ Янишевский Б. Е. Отчет о раскопках в Можайском кремле в 2006 г. Архив ИА РАН Р-1.

Приложение 3
СМОЛЕНСКИЕ КНЯЗЬЯ И ПРАВИТЕЛИ
С КОНЦА IX ПО НАЧАЛО XV В.

<i>Годы княжения</i>	<i>Имена князей и правителей</i>	<i>Колено</i>
к. IX в. — нач. XI в.	посадники киевских князей	I–IV
после 988–1015/36(?)	Станислав Владимирович Смоленский	V
1015/36(?)–1054	посадники Ярослава I Владимировича Мудрого	V
1054–1057(+)	Вячеслав Ярославич Смоленский	VI
1057–1060(+)	Игорь Ярославич Владимиро-Волынский	VI
1061–1063	совместное правление Ярославичей	
1064–1069	Ярополк Изяславич	VII
1070–1072	нет данных	
1073–1093	Владимир II Всеволодович Мономах	VII
1093–1094	Давыд Святославич Черниговский (1-й раз)	VII
1095–1095	Изяслав Владимирович Курский	VIII
1095–1097	Давыд Святославич Черниговский (2-й раз)	VII
1097–1099	Святослав Владимирович Переяславский (1-й раз)	VIII
1100–1100	Мстислав Всеволодович князь-изгой	VIII
1101–1113	Святослав Владимирович Переяславский (2-й раз)	VIII
1113–1116	Вячеслав Владимирович Киевский	VIII
1116–1125	посадники Владимира II Всеволодовича Мономаха	VII
1126–1128	посадники Мстислава Владимировича	VIII
1125–1154	Ростислав I Мстиславич Киевский (1-й раз)	IX
1154–1154	Роман I Ростиславич Киевский (1-й раз)	X
1154–1159	Ростислав I Мстиславич Киевский (2-й раз)	IX
1159–1161	Роман I Ростиславич Киевский (2-й раз)	X
1161–1161	Ростислав I Мстиславич Киевский (3-й раз)	IX

1161–1171	Роман I Ростиславич Киевский (3-й раз)	X
1172–1173	Ярополк Романович Смоленский (1-й раз)	XI
1173–1174	Роман I Ростиславич Киевский (4-й раз)	X
1174–1174(+)	Ярополк Романович Смоленский (2-й раз)	XI
1175–1177	Мстислав Ростиславич Храбрый Новгородский	X
1177–1180(+)	Роман I Ростиславич Киевский (5-й раз)	X
1180–1197(+)	Давыд Ростиславич Смоленский	X
1197–1214	Мстислав III Романович Старый Киевский	XI
1214–1219	Владимир IV (Дмитрий) Рюрикович Киевский	XI
1219–1230(+)	Мстислав-Федор Давыдович Смоленский	XI
1230–1232	Ростислав III Мстиславич Смоленский (возможно, ставленник литовского князя Миндовга) (1-й раз)	XII
1232–1239(+)	Святослав Мстиславич Смоленский (законный)	XII
1239–1239	Ростислав III Мстиславич Смоленский (возможно, ставленник литовского князя Миндовга) (2-й раз)	XII
1239–1249	Всеволод Мстиславич Смоленский (законный, поставлен при силовом участии Великого Князя Ярослава Всеволодовича)	XII
1249–1278(+)	Глеб Ростиславич Смоленский	XIII
1278–1279(+)	Михаил Ростиславич Смоленский	XIII
1280–1297	Федор Ростиславич Черный Ярославский	XIII
1297–1313(+)	Александр Глебович Смоленский	XIV
1313–1359(+)	Иван Александрович Смоленский	XV
1359–1386(+)	Святослав Иванович Смоленский	XVI
1386–1392	Юрий Святославич Смоленский (1-й раз) (ставленник литовского князя Витовта)	XVII
1392–1395	Глеб Святославич Смоленский (ставленник литовского князя Витовта)	
1395–1401	наместники литовского князя Витовта	
1401–1404	Юрий Святославич Смоленский (2-й раз) (ставленник горожан)	XVII

Приложение 4

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ВОРОТНОЙ БАШНИ
МОЖАЙСКОГО КРЕМЛЯ

*Краткое изложение доклада,
прочитанного 15 мая 2008 г. на заседании отдела
Славяно-Русской археологии Института археологии РАН*

И.И. Кондратьев
С.А. Шаров-Делоне
Б.Е. Янишевский
2008 ©

Проездная (воротная) башня Можайского кремля и фрагмент белокаменной крепостной стены — памятник, достаточно известный в историко-архитектурной литературе. Этот комплекс неизменно был предметом интереса историков архитектуры.

Само сохранение этого памятника до наших дней определено счастливыми обстоятельствами, связанными со строительством в 1804–1814 гг. Ново-Никольского собора, обстроенного вокруг древних ворот вместе со стоящей на них Никольской церковью постройки 1685 г.

Весной 2008 г. в Ново-Никольском соборе г. Можайска были проведены архитектурные исследования, направленные на выявление и изучение частей памятника, относящихся ко времени ранее строительства надвратной церкви Николы 1685 г. Основное внимание было уделено объему белокаменных ворот и конструкциям, непосредственно связанным с этими воротами. Таким образом, архитектурные исследования 2008 г. стали логичным продолжением археологических работ, проведенных в подклете Ново-Никольского собора в 2006 г., а исследовательские работы в своей совокупности приобрели вид комплексных архитектурно-археологических исследований.

*Краткие результаты
археологических работ 2005–2006 гг.*

Раскопки проводились в подклете Ново-Никольского собора с северной стороны белокаменного объема крепостных ворот, то есть со стороны двора крепости. Целью работ являлось построение датированного стратиграфического разреза культурного слоя в его соотношении с конструкциями белокаменных ворот (рис. 53).

Раскопки начались еще в 2005 г. с закладки поперечного разреза внутри северной арки ворот (см. шурф 10/2005 в Приложении 2). Культурный слой, раскопанный на всю глубину, имел мощность 670 см. Культурные напластования представляли собой четыре слоя, определенные изначально как последовательные насыпи крепостного вала общей мощностью более 5 метров. В основании валов — материковый суглинок светло-желтого цвета (рис. 54).

Нижние два яруса вала состояли из коричневой земли, насыщенной щепой и навозом и структурированной дубовыми срубами, а также горизонтально и вертикально уложенными бревнами. Валы 1 и 2 датированы XII–XIII вв.

Вал 3 представлял собой коричневый суглинок, армированный нерегулярно уложенными бревнами, расположенными вдоль оси проезда ворот. Поверхность вала 3 неровная, падающая с востока на запад на 60 см.

На задернованной поверхности вала 3 залегает слой пожара и разрушения, состоящий из сгоревшего дерева и валунов. Предположительно, это остатки разрушенных крепостных сооружений вала 3. Вал 3 датирован XIV в., а его гибель датирована концом XIV — началом XV в.

Следует отметить, что слои разрушений и пожара имеют важные стратиграфические особенности:

слой валунов, прослеженный на большей части раскопа сплошным навалом, возле стен имеет обширные лакуны;

возле восточной стены слой пожара лишен валунов и перемешан полностью;

около западной стены отсутствует не только слой валунов, но и слои пожара и разрушений;

как под восточной, так и под западной стеной, слои разрушений, пожара и валунов присутствуют в полной сохранности, как и в центральной части раскопа.

На слое пожара и разрушения крепостных сооружений конца XIV — начала XV в. расположены основания белокаменных стен существующих ворот и насыпь вала 4, заполняющая пространство между стенами ворот (рис. 55).

Открытые в раскопе части стены ворот представляют собой один ряд лицевой кладки, ниже которой открыто фундаментное основание глубиной до 180 см.

Открытые фундаменты имеют ряд особенностей:

кладка основания стены сложена на глине, тогда как выше лежащая лицевая кладка сложена на известковом растворе;

кладки фундаментов не имеют лицевых поверхностей, в отличие от выше лежащей стены;

вместо некоторых камней фундамента зафиксированы пустоты, заполненные глиной, сквозь которую металлическим зондом удастся нащупать утопленные в кладку камни;

подошва западного фундамента ниже восточного на 60 см, что соответствует падению слоя пожара с валунами;

поверхности фундаментов ведут себя по-разному: если восточный фундамент расширяется кверху, то западный — книзу.

Вал 4 отличается от всех предыдущих насыпей по микроструктуре насыпи. Если все предыдущие насыпи имеют горизонтально-слоистое строение, то вал 4 в плане имеет веерную микроструктуру насыпи, симметричную продольной оси ворот и выгнутую на север, а в вертикальном разрезе слои падают от центральной оси вала 4 к стенам белокаменных ворот. Таким образом, вал 4 ограничен устоями ворот. Однако в нем нет фундаментных рвов даже со стороны расширяющегося к низу западного фундамента. Поэтому есть все основания полагать, что вал 4 — это не вал, а засыпка разрытия, произведенного в проеме ворот уже после их строительства.

Дополнительные стратиграфические аргументы в пользу такого вывода таковы:

нижняя граница вала 4 возле западного фундамента ворот прорезает: слой пожара с валунами, погребенный дерн на поверхности вала 3, частично насыпь вала 3 и опускается на 25 см ниже подошвы западного фундамента ворот, при том, что под самой этой подошвой слои пожара с валунами и поверхность вала 3 остаются в полной сохранности;

в насыпи вала 4 присутствуют в переотложенном состоянии валуны, аналогичные тем, что составляют основу ниже лежащего слоя пожара и разрушений; возле восточной стены фундамен-

та они залегают на месте перекопанного слоя пожара, а в северном борту раскопа в насыпи вала 4 они встречаются повсеместно даже над слоем пожара.

Архитектурно-археологические наблюдения позволяют с большой долей вероятности предполагать, что открытые в раскопе белокаменные, сложенные на глине фундаменты ворот первоначально имели вид сплошной платформы, устроенной на расчищенной неровной поверхности слоя разрушений конца XIV в. и прорезанной позднее перекопом, засыпка которого и представляет собой так называемый «вал 4».

Дальнейшие раскопки 2006 г. позволили получить разрез культурного слоя к северу от проезда ворот (рис. 56). Основным смысл и красота полученного в ходе раскопок 2006 г. разреза состоит в том, что все 4 насыпи (3 крепостных вала и засыпка перекопа), раскрытые в проезде ворот, были прослежены на север до самого завершения их пол, которые оказались переслоенными хорошо датированными жилыми напластованиями.

Поверхность материка в пределах раскопа понижалась от центра крепости с севера на юг в сторону бровки холма на 2 метра. Поэтому стало ясно, что с учетом дальнейшего падения материка¹, первоначальные валы XII–XIII вв. имели вид искусственных террас, пологих изнутри крепости и круто падающих в сторону склона холма. Насыпи были структурированы срубами и бревнами, а на краю террас устроены деревоземляные стены, облицованные в нижней части крюковыми конструкциями из горизонтальных бревен, удерживаемых сучьями-крюками, оставленными на концах поперечных бревен, выступавших на поверхности бревенчатого панциря (рис. 14)².

Интересной особенностью вала 2 являются деревянные ступени для подъема на вал, выявленные в ходе раскопок. Пола вала 2 перекрывала жилую постройку с печью. В постройке найдена курганный и серая керамика, что позволяет датировать вал 2 второй половиной XIII в. и отнести его строительство к деятельности первого Можайского князя Федора Черного.

К поле вала 3 примыкают жилые напластования, в том числе срубная постройка. В них найдена серая и красная грубая керамика, что подтверждает датировку вала XIV в. в целом. Пожарная прослойка, отделяющая вал 3 от выше лежащих напла-

¹ Это было выявлено при изучении материалов геологического бурения.

² Фрагмент такой крюковой конструкции был обнаружен при раскопках вала 2.

стований и заполняющая срубную постройку XIV в., судя по керамике, относится к концу XIV — началу XV в. Предположительно, разрушение крепости возможно связать с походом хана Тохтамыша 1382 г.¹

На слое разрушения конца XIV — начала XV в. залегают жилые напластования последней четверти XV — второй трети XVI вв. При этом слои первых трех четвертей XV в. в стратиграфическом разрезе вовсе не представлены.

На жилых слоях последней четверти XV — первой половины XVI в. залегает слой белокаменного строительства, относящийся к реконструкции белокаменных ворот середины XVI в. Помимо слоя извести и белокаменных отесков, в раскопе 2006 г. открыто основание белокаменного пилона — следы перестройки ворот в XVI в. Слои белокаменного строительства перекрыты тонкой (до 4 см) прослойкой темно-коричневого суглинка с древесным тленом, выше которого залегает пола «вала 4», которая в свою очередь перекрыта жилыми напластованиями конца XVI — начала XVII в. Указанное обстоятельство позволяет датировать разрытие, произведенное в проеме белокаменных ворот, разрушившее платформу основания этих ворот и засыпанное вскоре «валом 4», второй половиной XVI в., ближе к рубежу XVII в.

С верхнего уровня жилых напластований конца XVI — начала XVII вв. выкопан фундаментный ров, в котором залегает свайное основание и фундамент крепостной стены 1624 г. В раскоп попала часть воротного проезда, вымощенная белокаменными плитами.

Выше залегают слои строительного мусора, связанные со строительством и бытованием Ново-Никольского собора XIX в.

Архитектурно-археологические исследования 2008 г.

В литературе встречаются четыре даты строительства первых каменных ворот Можайской крепости: первая половина

¹ «В лето 6890 (1382). ... А царь Тахтмыш, перешед Оку реку, взя прежде всех Серпохов и пождже и потом прииде к Москве, августа 23 ... Взят же бе град августа 26, в 7 час дни, в четверг, и огнем популен, а люди изсечены, а инии пленены, а инии згореша, а инии истопоша, а инии в трупы и в крови издушишася; се же не токмо единой Москве сътвориша, но и в Володимери, и в Переславли, и в Юрьеве, и в Звенигороде, и в Можайске, и во всех волостех все поплениша; а Переславци сами на езеро бежаша, а град их, пришед, сожгоша, токмо в сих един сеи не взят.» (ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 128–129).

XV в.¹, третья четверть XV в.², первая четверть XVI в.³, середина XVI в.⁴. Общепринятой считается последняя из датировок, в подкрепление которой обычно приводят закладную плиту на северном фасаде собора Петра и Павла. Надпись-граффити на белокаменном блоке, сделанная, как явствует из текста, в 1541 г., была прочитана нами полностью так: «Лета 7049 делали паперть да и город делали. Того ж лета пожгле я.» (рис. 29)⁵. Кроме того, иноземные послы Франческо де Колло и Сигизмунд Герберштейн, посещавшие Можайск в 1517, 1518 и 1526 гг. в один голос утверждают, что «это земля большая и богатая, но неукрепленная, хотя там и имеется мощная деревянная крепость»⁶.

¹ Выголов В. П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994. С. 4, 31. Исследователь, упомянув «серьезные основания» для датировки ворот первой половиной XV в., отмеченных оснований не привел. Полагаем, что его, посвятившего специальную монографию зодчеству середины XV столетия (Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988), смутили явно не соответствующие этому времени особенности постройки. Вместе с тем, и к более позднему периоду он, прекрасно знакомый с зодчеством конца XV–XVI вв., отнести ее не посчитал возможным — в результате и возникла предложенная дата, как наиболее осторожное предположение, позволявшее изъять воротную башню Можайска из времени, для которого она, по мнению автора, была явно анахронистична.

² Мокеев Г. Я. Можайск — священный город Русских. С. 61–67. Автор предлагает датировать строительство Никольских ворот периодом между 1468 и 1472 гг.

³ Научно-проектная документация по теме: «Памятник архитектуры XVIII–XIX вв. Ново-Никольский собор Можайского кремля Московской области» (М.: Институт «Спецпроектреставрация», 1984 г. Арх. № 3673; 1990 г. Арх. № 8894, 8914; 1991 г. Арх. № 9362, 9389, 9559, 9560, 9585).

⁴ Сергеева-Козина Т. Н. Можайский кремль 1624–1626 гг. С. 363–364; Города России. Энциклопедия. М., 1994. С. 261; Янишевский Б. Е. Можайская земля в древности и средневековье. С. 46; Виноградова Т. В. История Можайска в картах и планах. С. 43–44; Памятники архитектуры Московской области. М., 2001. Выпуск. 3. Можайский район. № 200. С. 244. В этой публикации белокаменные ворота осторожно датированы XVI в. в целом.

⁵ Весной 2008 г. нам удалось полностью прочесть эту плиту: «Лета 7049-го делали паперть да и город делали. Того ж лета пожгле я.» Кроме того, удалось начать чтение и второй плиты, вмонтированной в стену Петропавловского собора с запада от северного входа. Плита вмурована в стену в перевернутом виде. Прочтена только одна из восьми строк в середине надписи. Прочтенный фрагмент таков: «...но молитися Богу...»

⁶ Франческо де Колло. Донесение о Московии. С. 24; Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 144.

Таким образом, особых сомнений в справедливости общепринятой датировки белокаменных ворот серединой XVI в., вроде бы, почти ни у кого не оставалось.

«Городовая стена XVI в.» к востоку от ворот

В связи с производством ремонтных работ в соборе со стен в подклете была снята штукатурка и расчеканены швы, что сразу же выявило разновременность кладки собственно ворот и так называемого «участка городской стены» к востоку от них. Разновременные кладки не только различаются своими техническими особенностями, но и не перевязаны друг с другом хотя бы из-за разной порядовки.

При этом кладка «городской стены» при детальном рассмотрении обнаружила такие особенности, которые заставляют сильно усомниться в справедливости ее датировки XVI в. Да, она выполнена на густом растворе; да, ее блоки постелистые, достаточно ортогональные и четкие по очертаниям, но длина их никоим образом не укладывается в рамки наших представлений о кладке времени Ивана Грозного: они достигают в длину 1,8 м! (рис. 57)

В восточной части этой мнимой «городской стены» имеется глубокий керн диаметром около 10 см. И в канале этого керна отчетливо обнаружилось, что толщина белокаменной «стенной» кладки составляет всего-то около 25 см, а за ней находится даже не кирпичная кладка, а строительный мусор. Белокаменная стенка, как выяснилось после снятия штукатурки, *приложена* к уже существовавшей стене и своду подклета собора 1680-х гг., то есть заведомо моложе конца XVII в., а близость габаритов ее блоков к блокам из фундаментов казаковского Большого дворца в Царицыно постройки 1786–1796 гг. позволяет отнести и их, и всю стену к тому же времени. Следует заметить, что примерно в это же время велись подготовительные работы к строительству Ново-Никольского собора в Можайске. Возможно, они начались с приведения в порядок подклетов под Никольской церковью, в том числе и путем выгородки и забутовки всего того, что строителям казалось ветхим и ненужным. Впрочем, этот вопрос еще потребует специального рассмотрения. Очевидно лишь, что ни к XVI в., ни к крепостной стене Можайского кремля эта кладка не имеет ни малейшего отношения.

Как зачастую случается, разъяснение некоего вопроса немедленно порождает на его месте новый вопрос. Так произошло и с «крепостной стеной XVI в.». До тех пор, пока она считалась тако-

вой, вопрос, почему она расположена наискось и не параллельна стенам собора, был неуместен. Признав, что перед нами просто белокаменная перегородка, поставленная внутри существующего собора, мы вынуждены объяснить, почему стена поставлена наискось. Оставим этот вопрос, чтобы вернуться к нему чуть позже.

*Обследование белокаменных
кладок ворот. Первый этап*

На первом этапе был проведен детальный осмотр белокаменных кладок ворот (рис. 58).

Выявлено, что северная арка ворот, выполненная из кирпича и врубленная в белокаменные устои, датируется, скорее всего, не ранее 1624 г. Весь остальной объем ворот относится, по меньшей мере, к двум разным периодам. Если кладка западного пилона в проезде ворот, большей части свода над проездом и некоторых незначительных участков восточного пилона выполнена на густом растворе с достаточно толстым швом (1,5–2,5 см) и могла быть предварительно отнесена к XVI в., то основной массив кладки восточного пилона, вся южная (фасадная со стороны въезда) арка, часть свода проезда и основания западного пилона оказались выполненными на жидком растворе и обладающими целым рядом совершенно иных и чрезвычайно показательных особенностей. Выделим наиболее показательные моменты (рис. 59):

кладка стен: недостаточная регулярность кладки из крупных блоков (h~35–45 см) подквадратных очертаний («лежачий» и «стоячий» квадрат), не горизонтальность рядов кладки, наличие блоков с врубками;

кладка арок и сводов: не радиальность швов, разномерность блоков-клиньев арок и сводов, нерегулярность внешнего контура кладки арок, нерегулярность примыкающих блоков, вытеска результирующей кривой *in situ* вместо формирования ее за счет сопряженных торцов клиньев;

перекрытия малых проемов: перемычки оконеч из единых блоков с протесанной ложной арочкой, перекрытия в виде плит и балочек на пятах-«помочах»;

отдельные показательные детали: наличие конструктивных элементов, вытесанных *in situ*, как бы по монолиту (архивольты, пята арок).

Все эти черты обнаруживаются исключительно в кругу памятников рубежа XIV–XV вв. Москвы, самого Можайска, и, в мень-

шей степени, Звенигорода. Речь, в первую очередь, идет о таких постройках как подклет Благовещенского собора и нижний ярус церкви Рождества Богородицы в Московском кремле, об основании Старо-Никольского (Петропавловского) собора и сохранившейся северной стене церкви Иоакима и Анны в Можайске. Важно отметить, что речь идет об элементах и деталях «технического» характера, по преимуществу относящихся к скрытым работам. Так, чрезвычайно характерен тождественный для Благовещенского собора, церкви Иоакима и Анны и воротной башни способ перекрытия небольших проемов ложной арочкой, вытесанной из единого блока (рис. 60). Детальный осмотр кладки ворот после расчистки швов показал, что швы, в подавляющем большинстве, исключительно тонки (блоки притесаны почти насухо); в тех же случаях, когда швы уширены, в них забиты мелкие сколы камня. Все это однозначно характерно для полубутовой кладки на жидком растворе, бытовавшей до работ Аристотеля Фиораванти второй половины 1470-х гг., то есть эта часть кладки ворот опять-таки никак не может датироваться XVI столетием. А идеальная корреляция технических приемов кладки воротной башни с другими памятниками рубежа XIV–XV вв. позволяет и саму башню (в значительной ее части) датировать тем же периодом, а именно признать ее одним из самых ранних сохранившихся произведений раннемосковского зодчества и единственным примером белокаменного фортификационного зодчества этого времени.

Обследование белокаменных кладок ворот. Второй этап

На втором этапе более детальному обследованию подверглись пилоны ворот с осмотром их внутреннего устройства (рис. 61).

В теле пилонов выявились сводчатые камеры, выложенные в первоначальной кладке на жидком растворе. Камера в восточном пилоне (рис. 62) в своем северном окончании сохранила ряд ступенчатых сводиков, падающих к северу и перекрывающих суженный даже по сравнению с неширокой камерой проход. Судя по всему, под позднейшей забутовкой пространства этим ступенчатым сводикам соответствует лестница, нисходящая к северу. Размеры основного помещения до начала лестничного спуска в натуре составляют 1,26–1,28 × 5,40 м, камера в западном пилоне — 2,50 × 4,10 м (рис. 62).

Обе эти камеры легко отождествляются с «полатками» из росписи Лыкова 1624–26 гг.¹ Размеры, приведенные у Лыкова, совпадают с нашими обмерами с точностью до нескольких сантиметров. Само обнаружение и обследование этих палаток не

¹ Роспись городу (крепости) Можайску 1624–26 г. // Можайские акты 1506–1775. СПб., 1892. С. 107–108. Текст этот настолько для нас важен, что приводим здесь его полностью:

«Да у Никольских же ворот изнутри города, что было вырвано пороховою казною в литовское разорение, и то место вновь камнем и кирпичем быки подвели и своды сделали ж, и поверх сводов кирпичем выклали с Никольскими, что на воротех, с церковными дверьми по нижней порог ровно».

«Ворота Никольские — старое дело; церковь Николы Чудотворца Можайского — старое ж дело. А вверху в церкви Николы Чудотворца во лбу, и в сводах, и в воротех худые места поделаны ново: в длину по воротам 4 сажени с третью, а поперек 2 сажени без чети».

«Да к тем же воротам новые приделки по старой почве, что было под церковью под Воздвиженьем Честнаго Креста с обе стороны и с быками в длину по воротам же 3 сажени с полчетью, ширина и вышина — против старых Никольских ворот своды каменные, надделано и кирпичем вымощено по церковный порог Николы Чудотворца».

«А в тех Никольских воротех одни ворота створчатые деревянные с калиткою худы, а до разорения де были двои ворота, одни калиткою, а другие — глухие».

«В Никольских же воротех на праве полатка каменная под алтарем Николы Чудотворца — старое ж дело, двери деревянные на поставах железных, а по мере тое палатки в длину 3 сажени с третью и полтретьи сажени, а поперек 2 сажени, а вышина полатке 2 сажени; в палатке ж 2 окна за город на мост без решеток и без дверей железных — забиты деревом, а 3-е (окно) — за город же на осыпь с решеткою железною, и двери железные худы, а стоит в ней ныне зеленая казна».

«У Никольких же ворот в городе две палатки каменные: одна на праве, а другая на леве».

«На правой стороне палатка — старое дело, каменная, двери деревянные на поставах железных; а по мере тое палатки в длину 2 сажени с третью и пол-пол-чети сажени, а поперек пол-сажени и пол-пол-чети сажени; а назади в полатке казеночка каменная шириною — против палатки, а вдоль — треть сажени; вышина палатке — сажень».

«На левой стороне палатка каменная ж на старой почве новое дело не намощена, в длину — 2 сажени без пол-пол-трети сажени, а поперек — сажень с полчетью; а вышина — сажень с половиною полутретью; подставки и пробои железные, а дверей нет».

«А сверх тех палаток и кирпичного мосту подле церкви Николы Чудотворца стоит старая церковная Воздвиженская алтарная стена каменная, а на ней два столба колоколенных, попорчена от церкви зельем, а длина того помосту до олтарной стены 4 сажени, а поперек от Никольских дверей — 3 сажени».

только позволило расшифровать роспись Лыкова, но и дало возможность убедиться в ее детальности и тщательности.

Во всяком случае, отождествление двух палаток однозначно говорит о том, что описание всех ворот производилось как бы при взгляде «снаружи», со стороны приступа. Из этого вытекают два существенных следствия:

взрыв пороховой казны произошел в северо-западном углу комплекса, что идеально корреспондируется со следами разрушений, выявленными как в архитектуре, так и археологически;

третья «на праве полатка каменная под алтарем Николы Чудотворца — старое ж дело» с тремя окнами располагалась восточнее проезда ворот, очевидно, за узкой палаткой с «казеночкой». То есть, она локализуется в точности в пределах «темной зоны» подклета, за мнимой «крепостной стеной XVI в.». При этом, если предположить, что ориентирована третья палатка была так же, как и узкая палатка в восточном пилоне ворот, то находит свое объяснение косое плановое положение поздней белокаменной стенки в юго-восточном помещении подклета собора. Становится ясно, что поздняя белокаменная кладка — это не перегородка, а облицовка пришедшей в ветхость внешней поверхности стены третьей палатки.

Архитектурные обследования второго яруса соборного комплекса (рис. 30)

На уровне второго яруса Ново-Никольского собора над подклетом, заключающим в себе воротную башню, в результате недавних расчисток открылся значительный участок северной стены белокаменного храма, предшествовавшего Никольской церкви 1685 г. (рис. 30). Это именно лицевая фасадная поверхность стены храма, располагавшегося к югу от нее: сохранились лопатки и белокаменный профиль базы стены. Кроме того, остались целы и кирпичные архивольты двух окон первого света справа и слева от лопаток, а также сильно стесанные кирпичные профили портала в среднем прясле между лопатками, однако до специальных исследований затруднительно сказать, относятся ли эти кирпичные детали к белокаменному храму или были привнесены в него при позднейших перестройках.

Вне всяких сомнений, эта белокаменная стена и есть стена той самой церкви Николы Чудотворца, что уцелела при взрыве пороховой казны в «королевичев приход», и что была описана Лыко-

вым в его росписи 1624 г., — ее алтарь, действительно, оказывается над палаткой с тремя окнами, обращенными за крепостную стену.

Поскольку взрывом пороховой казны была разрушена в первую очередь северо-западная часть комплекса, а от смежной с Никольским храмом церкви Воздвижения Креста после взрыва уцелела лишь каменная алтарная стена, то можно утверждать, что Воздвиженский храм примыкал к Никольскому с севера. Именно *примыкал*, то есть был пристроен с опорой сводов на северную стену Никольского храма, ставшую с момента пристройки смежной. Факт, что падение Воздвиженской церкви не увлекло за собой стены Никольской, говорит о том, что они не были перевязаны кладкой, и что конструкции Воздвиженского храма просто отвалились от Никольских.

Выводы относительно взаиморасположения двух надвратных храмов убедительно подтверждает их описание, сделанное в 1606 г. ксендзом Савицким¹.

Каков был не то чтобы облик, но даже план Никольского храма сказать, как это ни странно, затруднительно, хотя почти целая его стена сохранилась. Специальный вопрос, который еще потребует самых серьезных усилий для своего разрешения — это также и вопрос датировки этого Никольского храма. Как явствует из описи 1596–98 гг., в конце XVI в. он, безусловно, существовал. Более того, существовал и Воздвиженский храм, *пристроенный* к нему. А поэтому велика вероятность, что граффити 1541 г. на блоке Петропавловского собора, на самом деле, говорит о строительстве или ремонте паперти надвратной церкви². Если это изображение верно, то дату строительства надвратной Никольской церкви нужно отнести к еще более раннему времени³.

¹ «При входе она (крепость) имеет каменные ворота, над которыми, во внутренней части крепости, по левой стороне ведет через сени и темный коридор каменная лестница к часовне Св. Николая... нас впустили в самую часовню, по левой стороне которой находится другая, меньшая часовня, отделенная с обеих сторон особенною стеною и везде украшенная прекрасными картинами, представляющими чудес Св. Никола... В середине находится икона Св. Николая во весь рост, вырезанная из дерева... В правой руке Св. Николай держит меч...» (Из записок отца Савицкого. В кн. «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне». СПб., 1871. С. 160–162).

² Во всяком случае, как показывает чертеж Машихина, у Старо-Никольского собора папертей, похоже, никогда не было.

³ Конечно, было бы очень заманчиво отнести возможность ее строительства к 50–60-м гг. XV в., для которых у нас есть свидетельства смешанного белокаменно-кирпичного строительства, столь настойчиво

Для полноты картины очертим вкратце лишь дальнейшую судьбу этой стены, позволившую ей сохраниться до наших дней. В 1680-х гг. воротная башня и Никольский храм подверглись коренной перестройке: ворота были распространены к югу, а небольшой храмик замещен огромной постройкой в духе нарышкинского барокко. Но при этом восстановленная после Смутного времени церковь Воздвижения Креста сохранилась: ее изображение отчетливо видно на аксонометрическом рисунке крепости с плана, хранящегося в РГИА, Ф. 1399, Оп. 1, Моск. губ., Д. 491¹ и на ряде планов конца XVIII в. (в частности, на плане из коллекции РГА ВМФ, Ф. 3, Оп. 24, Д. 2467) (рис. 49, 50)². Поскольку своды сохранявшейся Воздвиженской церкви опирались на смежную с ней стену старого Никольского храма, эту смежную стену оставили в неприкосновенности и при строительстве Никольского храма в 1680 году. При возведении же Ново-Никольского собора конца XVIII — начала XIX в. храм 1680-х гг. был сохранен и лишь залицован новой кладкой, а древний участок его северной стены опять-таки сохранился, поскольку теперь уже на него опирались как своды сохранявшейся Никольской церкви конца XVII столетия, так и вновь построенного Воздвиженского придела Ново-Никольского собора.

Сопоставление архитектурных и археологических данных

Имеющиеся материалы позволяют уверенно сопоставить конструкции ворот со стратиграфией культурного слоя, построить необходимые архитектурно-археологические разрезы

выделявшегося В. П. Выговым (церкви Воздвижения Креста на дворе В. Г. Ховрина в Московском кремле 1450 г., собор Рождества Богородицы Боровского Пафнутьева монастыря 1466 г., собор Вознесенского монастыря в Кремле в редакции В. Д. Ермолина 1467 г. См.: *Выгов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV в.* С. 11–12, 39–42, 44–45), однако физическое отсутствие этих храмов не позволяет опереться хоть на какие-то аналоги. Дополнительная проблема — толстый шов и густой раствор, по общему мнению введенные в практику белокаменного строительства только Аристотелем Фьораванти. Хотя нам и неизвестно, как без густого раствора обходились строители В. Г. Ховрина и В. Д. Ермолина при работе с кирпичом, особенно при перелицовке Вознесенского собора.

¹ Опубликовано: *Виноградова Т. В.* История Можайска в картах и планах. С. 31, 42.

² Там же. С. 63–64.

и соотнести полученные материалы с данными росписи Лыкова 1626 г. Для этого были построены два взаимно перпендикулярных разреза — поперечный и продольный.

Поперечный разрез объединил проезд ворот, обе исследованные нами палатки в устоях ворот, третью палатку росписи Лыкова, а также основные элементы стратиграфии и архитектуры из поперечной траншеи в створе ворот (рис. 63).

Взаимное расположение по вертикальной оси проезда ворот, правой и левой палаток жестко определяется произведенными замерами взаимного расположения сводов этих помещений. Опись Лыкова позволяет определить, на каком уровне находились полы в этих помещениях.

Согласно очень тщательной и точной росписи Лыкова высота этой третьей палатки равнялась двум сажням, или около 2,3 м. Поскольку на ней располагался алтарь Никольской церкви в XVI в., а затем — пол храма 1680-х гг., есть все основания предположительно уравнивать по отметке шельгу ее свода с шельгой свода проезда ворот. Как показывают расчеты, в этом случае ее пол приравнивается по отметке полу исследованной первой вытянутой правой палатки. Но в северном конце последней, судя по уходящим вниз ступенчатым сводам узкого прохода, начиналась лестница, спускавшаяся вниз. Появление здесь лестницы совершенно закономерно, поскольку уровень дневной поверхности крепости был в то время на 3 м ниже уровня пола этой палатки. Следует ожидать, что в третью палатку также вела лестница.

Сложнее обстоит дело с определением уровня пола палатки, расположенной в западном пилоне. В росписи Лыкова ее высота определена как «сажень с половиною полутретью». Это может означать при разном понимании как 360, так и 234 см. В любом случае, уровень пола в западной палатке оказывается ниже уровня проезда ворот и ниже уровня восточных палаток. В случае, если высота палатки составляет 360 см, ее пол практически совпадает с уровнем двора крепости. Окончательно на этот вопрос могут ответить архитектурно-археологические раскопки в западной палатке.

Разрез дает достаточно данных для ответа на вопрос об уровне проезда ворот. Открытый в раскопе уровень подошвы первого ряда лицевой кладки, ниже которого залегает резко выступающий внутрь ворот ряд камней платформы-основания, находится на отметке 203,18, что на 220 см выше отметки двора крепости конца XIV в., расположенной на отметке 200,98 по

Балтике. Весьма вероятно, что именно на этой отметке находился первоначальный уровень проезда ворот. Косвенно на это указывает гнездо от вынутого верхнего камня платформы основания ворот в западном фасаде. Удаление его было необходимо в связи переборкой всего западного фасада проезда ворот в XVI в., а восстановление не представлялось необходимым из-за повышения уровня проезда ворот на высоту следующего камня.

Сопоставление стратиграфического и архитектурного поперечных разрезов в проезде ворот наглядно показывает, что белокаменная кладка на глине, раскрытая в проезде ворот представляет собой разрезанное перекопом, но некогда единое основание, на котором и были построены ворота. Плита-основание нижней своей поверхностью повторяла очертания профиля нижележащего вала 3 XIV в. Дневная поверхность плиты-основания представляла собой как минимум три ступени, опускавшиеся с востока на запад.

Продольный разрез позволил сопоставить стратиграфию культурного слоя к северу от ворот, полученную при раскопках 2006 г. с результатами архитектурных обследований 2008 г. и росписью Лыкова 1626 г. (рис. 64).

Полученный разрез позволяет утверждать, что строительство платформы-основания белокаменных ворот должно датироваться концом XIV в., поскольку напластования более позднего времени под сохранившимися участками основания ворот не обнаружены. При этом напластования позднее конца XIV в. на месте строительства ворот не могли быть уничтожены котлованом платформы-основания, поскольку при ее строительстве никакого котлована не копались. Платформа-основание ворот устраивалась прямо на поверхности крепостного вала XIV в. Она изначально возвышалась над дневной поверхностью двора и никак, с точки зрения стратиграфии, не могла быть устроена в котловане, поскольку уровень двора крепости конца XIV в. расположен на 50 см ниже подошвы самого нижнего из камней платформы-основания.

На слое конца XV — первой половины XVI в. залегает горизонт белокаменного строительства, стратиграфически связанного с раскрытым в раскопе 2006 г. в 4 метрах к северу от проезда ворот фрагментом белокаменного пилон, сложенным из тесаного камня на густом растворе с забутовкой внутренней части кладки. Местоположение пилон хорошо коррелирует с планиграфией церкви Воздвижения, определяемой росписью Лыкова и нашими обследованиями второго яруса памятника. Обнаруженный пилон рассматривается нами как свидетельство реконструкции

ворот в середине XVI в. с расширением их габаритов на север для устройства церквей Николы и Воздвижения Креста.

Слой строительства XVI в. перекрыт жилыми напластованиями второй половины XVI в., на которых залегает пола «вала 4». Таким образом, «вал 4» и слой, на котором располагается платформа-основание ворот, оказываются разделенными наслоениями XV–XVI вв., полноценно представленными к северу от комплекса ворот и закономерно отсутствующими внутри проезда ворот. Отсюда следует, что «вал 4» представляет собой заполнение котлована, устроенного в проеме ворот, скорее всего, на рубеже XVI–XVII вв.¹ Наслоения «вала 4» образуют пандус, опускаясь с уровня проезда ворот на уровень двора конца XVI в. Устройство пандуса оказалось необходимо, потому что в конце XVI в. проезд внутри ворот оставался выше уровня внутреннего двора крепости на 200 см. Даже после реконструкции крепости 1626 г. поверхность проезда под новой северной аркой ворот оставалась ниже проезда внутри древних ворот на 1 м, что, скорее всего, компенсировалось деревянным настилом, уложенным на земляной пандус длиной 5 м.

Сопоставление данных двух архитектурно-археологических разрезов ставит перед нами три принципиальных вопроса.

1. Что представляла собой платформа-основание ворот до того, как она была разрушена в конце XVI в., со стороны двора крепости?

2. Как осуществлялся проезд из ворот во внутренний двор крепости в XIV–XVI вв.?

3. Как вписывается подобная платформа-основание в строительную традицию конца XIV — начала XV в.?

На первый из поставленных вопросов довольно точно позволяет ответить стратиграфия раскопа. Коль скоро наслоения XV–XVI вв. не могли откладываться на месте, занятом в конце XIV в. платформой-основанием ворот, то северная граница этой платформы, в свою очередь, не может располагаться дальше южной границы распространения слоев XV–XVI вв. Из этого логического построения следует, что в сторону двора платформа-основание не выступала более 100 см и обрывалась довольно крутым уступом в 62 градуса и высотой порядка 2-х метров.

¹ Известная нам история Можайской крепости дает только один наиболее вероятный вариант датировать вал 4. Это работы по реконструкции крепости, начатые в 1603 г. Борисом Годуновым и продолженные в 1605 г. Лжедмитрием I, о чем имеются свидетельства очевидцев. См.: Записки Станислава Немоевского. С. 200.

Ответ на второй вопрос даем пока такой. Съезд во двор мог осуществляться по деревянному пандусу, который, в случае угрозы прорыва противника через ворота, мог быть разобран, открыв под собою двухметровый контрэскарп, непреодолимый для конного воина и представляющий существенное препятствие для пешего. Наличие такого пандуса может объяснить практическое отсутствие слоев XV в. к северу от ворот и весьма незначительную толщину горизонта XV–XVI вв., до слоев белокаменного строительства, не превышающую 40 см.

Ответ на третий вопрос удивительным образом ложится в русло наших знаний о памятниках рубежа XIV–XV в. в самом Можайске. Речь идет об основаниях Петропавловского (Старо-Никольского) собора и церкви Иоакима и Анны.

Как показали исследования Петропавловского собора, проведенные в 1981–1982 гг. А. А. Молчановым и В. В. Кавельмахером¹, фундамент собора, выполненный из белокаменного бута на известковом растворе, не достигал материка на 20 см. Исследования же внутри собора выявили, что ниже пола подклета залегает сплошной массив белокаменной кладки мощностью 150 см. Массив представляет собой 5 слоев нерегулярной кладки, состоящей из отесанных белокаменных блоков, грубо обколотых известняковых камней и белокаменных глыб. Нижний слой кладки состоит только из кубовидных и слегка уплотненных грубо обработанных глыб размером 55 × 40 × 30 см. Второй, третий и четвертый ряды кладки состоят из хорошо отесанного кубовидного камня с размерами ребер в пределах 25–43 см, перемежающегося с грубо обколотым белым камнем размерами, колеблющимися от 12 до 43 см. Верхний выравнивающий ряд кладки имеет толщину до 13 см и состоит из мелких камней разной степени обработанности. Весь массив кладки сложен без применения извести. Связующим агентом является, как сказано в отчете, «суглинистый и супесчаный грунт, перемешанный с придавшей ему белесо-желтовато-коричневый цвет известковой крошкой». Массив белокаменной кладки, как и внешние стены основания собора, вскрытые в раскопе в 1982 г., в ряде мест «висят» в культурном слое.

¹ Молчанов А. А., Кавельмахер В. В. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске. 1981 г. Архив ИА РАН Р-1. № 8409; Молчанов А. А., Кавельмахер В. В. Отчет об археологических раскопках 1982 г. Старо-Никольского собора в г. Можайске. Архив ИА РАН. Р-1. № 8948.

Как показала разборка массива кладки внутри подклета Старо-Никольского собора, основания столбов собора не прорезают эту кладку, а стоят на ней. А. А. Молчанов и В. В. Кавельмахер в этой связи посчитали, что этот слой был выполнен в процессе перестройки храма в середине XIX в., и что, следовательно, столбы подклета также были полностью переложены в это время уже на вновь устроенном основании. Между тем наши исследования позволили установить, что все кирпичные своды и обкладки стен и столбов подклета выполнены в последней четверти XVIII в. (сплошное клеймление кирпича исключительно маркой «АМ» в одинарной рамке, размер кирпичей 27 × 6,5 × 13 см¹), то есть должны быть отнесены к ремонтным работам 1774 или 1778 гг. Но в это время, как показывают обмерные чертежи собора И. Машихина, первоначальные столбы сохранялись. Следовательно, опирание столбов на платформу из белокаменного бута на суглинистом растворе, равно как и сама единая платформа, изначально и относятся ко времени возведения собора, а именно к рубежу XIV–XV вв.

В церкви Иоакима и Анны Н. Н. Ворониным также была вскрыта единая платформа основания, как минимум, под раскопанной алтарной частью храма.

Таким образом, основание в виде фундаментной плиты, оказывается, еще одним конструктивно-технологическим признаком, сближающим воротную башню с другими постройками Можайска рубежа XIV–XV вв.

Первые итоги архитектурно-археологических обследований

Подводя итоги архитектурного обследования подклета и второго яруса Ново-Никольского собора, предложим наш вариант сводной реконструкции строительной истории объекта, которая представляется нам следующим образом:

1. На рубеже XIV–XV вв. на валу XIV в. была сооружена платформа, сложенная из белого камня на глинистом растворе. На ступенчатой поверхности платформы была сооружена белокаменная проездная башня с проездом по оси север-юг шириной 3,5–4,0 м, перекрытым коробовым сводом по подпружным аркам.

¹ Киселев И. А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. М., 1990. Таблица 3. № 23, 25 (кирпич); Таблица 4. № 130 (клеймо).

Проезд сохранился в основных конструкциях с вычинками XVI–XIX вв. Со стороны въезда проем проезда был обрамлен пилонами, обуживающими пролет проезда до 3,46–3,17 м. В восточном и западном устоях ворот располагались сводчатые палатки. Восточная (правая, согласно росписи Лыкова) палатка имеет арочное оконце, открывающееся в проем проезда ворот. Западная (левая, согласно росписи Лыкова) палатка в восточной стене имеет арочную нишу, подобную нише церкви Иоакима и Анны.

2. Была ли изначально построена церковь или часовня на втором ярусе — пока непонятно. Возможно, поначалу знаменитая резная деревянная скульптура Николая Можайского, датируемая также концом XIV — началом XV в., размещалась в киоте над проездом ворот. Кроме того, неясным остается местоположение лестницы, ведущей на второй ярус, равно как и время ее возникновения. Допускаем, что сначала вход на второй ярус башни осуществлялся со стен.

3. В середине XVI в. (1540-е гг.) ворота подверглись реконструкции — удлинению проезда на север за счет добавки дополнительного прясла с угловыми пилонами. Возможно, работы были вызваны расширением или устройством одного или двух храмов на втором ярусе. Тогда в это же время вероятно устройство паперти и лестницы на нее с западной стороны воротного комплекса.

4. В 1618 г. в ходе артиллерийского обстрела и штурма города, предпринятого королевичем Владиславом Сигизмундовичем, взорвался пороховой погреб, размещавшийся в помещении в северо-западной части воротного комплекса. Взрыв привел к обрушению северной части ворот, построенной в середине XVI в., а также северо-западного угла ворот XIV в. Упала также стоявшая на этой части ворот церковь Воздвижения Креста, от которой сохранилась лишь апсидная стена.

5. В 1624–1626 гг. Можайская крепость полностью перестраивается. Возводится новая кирпичная стена, как сказано в росписи Лыкова, «по китайскому городовому каменному делу», а прежние каменные постройки, включая воротно-храмовый комплекс, подвергаются ремонту. Наряду с восстановлением разрушенных взрывом пороховой казны и северо-западных частей комплекса было предпринято укрепление пилонов ворот с севера за счет строительства охватывающей старую башню цокольной обкладки шириной 3,5 метра, положенной на ленточный бутовый фундамент со свайным полем, а также контрфорсов. На втором ярусе комплекса восстанавливается церковь Воздвижения Креста. В под-

клетной части воспроизводится в кирпиче прежняя подпрудная арка ворот XIV в., расположенная под северной стеной Никольской церкви, смежной с церковью Воздвижения Креста.

6. В первой половине 1680-х гг. ворота вновь подвергаются реконструкции. На этот раз удлинение проезда происходит на юг. Это связано со строительством нового обширного собора Николы Чудотворца на месте прежней Никольской церкви. В связи с сохранением Воздвиженской церкви, сохраняется и общая с Никольской церковью стена XVI в. После этой реконструкции общая длина проезда ворот достигла 22 метров.

Таким образом, нам представляется, что попытка внутренне непротиворечивой реконструкции строительной истории объекта вполне осуществлена. Сам по себе этот факт, учитывая крайнюю неординарность, запутанность и многофакторность ситуации, как представляется, свидетельствует о высокой степени ее достоверности. А тем самым — и о достоверности основных выводов исследования.

Предварительные выводы

Подводя предварительный итог архитектурно-археологических исследований комплекса белокаменных ворот в подклете Ново-Никольского собора, мы формулируем следующие выводы:

1. Основание существующих белокаменных ворот изначально представляло собой единую платформу, сложенную из грубо околотых белокаменных блоков на глине, устроенную непосредственно на поверхности существовавшего вала XIV в.

2. Археологические данные свидетельствуют о том, что постройка платформы была осуществлена на рубеже XIV–XV вв.

3. Инженерные и архитектурные приемы, использованные при возведении на этой платформе белокаменных ворот, находят прямые аналогии с белокаменными сооружениями Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XV в. в целом и синхронных памятников города Можайска в частности.

4. Здание воротной башни Можайского кремля, включенное сегодня в состав Ново-Никольского собора, представляет собой уникальный памятник архитектуры и фортификационного искусства рубежа XIV–XV вв.¹

¹ Можно ли сузить эту датировку? Представляется, что да. Выше, говоря о сугубо технических особенностях архитектуры и конструкций ворот, мы от-

мечали исключительно плотную их корреляцию с особенностями построек близкого времени. При этом и с немного более ранними (например, постройками Дмитрия Донского в Коломне 1380-х гг. или церковью Богоявления в Китай-городе, ни с чуть более поздними (Троицкий собор Сергиева монастыря 1422 г. или собор Спасского Андроньевского монастыря 1423–26 гг.) такой корреляции даже близко не обнаруживается. Иными словами, мы имеем дело с хронологически плотной и технически обособленной группой построек, возведенных «одной рукой», одной и той же артелью. И никакой другой артели, работающей в тот же самый период, не обнаруживается.

Одной из своих первых работ (если не самой первой — освящена 1 февраля 1394 г., следовательно, возведена не позднее строительного сезона 1393 г.) — церковью Рождества Богородицы (Воскрешения Лазаря) «на сених» дворца великой княгини эта артель привязана к Евдокии Дмитриевне, вдове Дмитрия Донского (ПСРЛ. Т. 25. С. 221). Но и в самом конце своей деятельности она работает опять-таки на великую княгиню Евдокию, строя ей в 1407 г. так и не заверченный — «при ней немного ея възделано» — собор Вознесенского монастыря (достраивался «по многих же летех» уже Софьей Витовтовной, вновь так и не был завершен, но доведен только «по кольцо, идее же верху быти, но върху не сведе», и, наконец, достроенный В. Д. Ермолиным по заказу вдовы Василия Темного Марии Ярославны в 1467 г.) (ПСРЛ, т. 25. С. 236, 279). Собор остался недостроенным даже после смерти Евдокии и ее захоронении в «недострое». Так как никаких других построек, могущих отвлечь строителей, после 1406 г. не известно, приходится полагать, что артель вовсе прекратила свою деятельность в Московском княжестве. Тем самым, мы получаем *terminus ante quem* для всех остальных работ артели, в том числе и в удельных княжествах. Среди них, как уже отмечалось, Успенский собор «на Городке» в Звенигороде и, как можно полагать, дворец Юрия Дмитриевича там же. Успенский собор всеми исследователями датируется «после 1400 г.» или «около 1400 г.». Это мнение основывается на предположении о появлении у князя средств после успешного и доходного похода на Болгар в 1399 г. (ПСРЛ. Т. 25). По всей видимости, с этими соображениями есть смысл согласиться. Тогда на 1400–1404 гг. приходится работа артели в Звенигороде (в 1405 г., скорее всего, она завершала «недострой» Дмитрия Донского — собор Симонова монастыря). Следовательно, на строительство в Можайске реально остаются только последние 5–6 лет XIV в. — с 1394 по 1399 гг.

Этот интервал достаточно интересен. Дело в том, что наследнику Можайского удела, князю Андрею Дмитриевичу, в это время было всего 12–16 лет, то есть он только входил в реальные права управления уделом. И собственными средствами для осуществления амбициозной строительной программы (собор, монастырский храм Иоакима и Анны и каменная воротная башня) он явно еще не располагал. К тому же такое строительство в опережение своего старшего брата Юрия было явно неуместно. Неуместно, если полагать предпринятое строительство плодом его личной инициативы. Но это вовсе необязательно так. Дело в исключительном положении Евдокии Дмитриевны, каким оно вырисовывается из Духовной грамоты Дмитрия Донского. Вопреки

Постановка дальнейших архитектурно-археологических задач

Предлагаемый ниже комплекс исследований преследует две цели: научную и охранную. С одной стороны, памятник оказался гораздо более сложным, чем предполагалось ранее. С другой стороны, работы, произведенные институтом «Спецпроектреставрация» в 1970–80-х гг. стабилизировали памятник, отвели угрозу его разрушения. Однако проводились они в крайне неблагоприятных условиях действовавшего в памятнике производства, и у наших коллег просто не было возможностей доследовать памятник до конца. По этой причине мы сегодня толком не знаем, какие факторы могут повлиять на его состояние. И выявление точек риска, определение параметров эксплуатации объекта и создание базы для мониторинга его состояния нам представляется самой насущной задачей.

Среди задач общего подготовительного характера выделим первоочередные:

1. Подробное изучение имеющихся фиксационных и исследовательских материалов. И тут мы надеемся на содействие института «Спецпроектреставрация» в части предоставления нам возможности в полном объеме ознакомиться со всеми отчетами по исследованиям и работам института на объекте в 1970–80-х гг. в целях уточнения направления, характера и предполагаемых объемов исследований.

2. Осуществление лазерного сканирования памятника с целью составления его детального трехмерного обмера. Создание такой базы данных позволит, кроме того, обеспечить проведение инструментального мониторинга состояния памятника.

3. Создать и вынести в натуру единую сетку археологических квадратов на всю территорию памятника с прилегающим участком.

всем традициям такого рода официальных документов, роль вдовы великого князя в ней многократно подчеркнута, несмотря на то что сразу двое старших сыновей завещателя, Василий и Юрий, к моменту ее написания уже были совершеннолетними. Дмитрий Донской 7 (!) раз указывает на жену, как на арбитра во всех внутрикняжеских вопросах (ДДГ. С. 33–37). По сути, он возлагает именно на нее роль «хранителя традиций» его княжения. И, надо полагать, традиций строительных в том числе. И Евдокия, как мы полагаем, их старательно реализовывала. В этой связи закономерен вопрос. Не осуществлялось ли каменное строительство в Можайске актом именно такого развития традиций? В частности, эта традиция предполагала постоянное уравниванием двух форпостов Москвы: Коломны и Можайска. Строительство в Коломне Дмитрий успел осуществить сам...

План дальнейших архитектурно-археологических исследований в подклетной части Ново-Никольского собора выглядит следующим образом:

1. Раскопки по всему проему проезда ворот к югу от раскопа 2006 г. на глубину до верха «вала 3» или до верха платформы-основания, если она окажется разобранной не на всей площади проезда. К югу от ворот определить характер и структуру предворотной площадки.

2. По возможности, завершить продольный стратиграфический разрез до южной стены собора.

3. Осуществить раскопки линии квадратов вдоль северной части восточного пилона ворот в проеме проезда с целью установить характер кладки стены и основания в зоне перепада отметок дневной поверхности XIV в. В этом раскопе повторно раскрыть кладку пилона XVI в. для подробного изучения и стену 1626 г.

4. Архитектурно-археологический раскоп внутри западной палатки.

5. Глубокие зондажи с северной или северо-восточной стороны для проникновения в помещение «третьей палатки» с целью определения ее датировки, установления конструктивных и архитектурных особенностей, а также определения устойчивости конструкций.

6. Частичная разборка белокаменной заливки XVIII в. на уровне оконца третьей палатки.

7. Частичная выборка забутовки вытянутой восточной палатки с целью ее архитектурно-археологического и конструктивно-технического исследования.

8. Зондаж восточной поверхности контрфорса в помещении к западу от западной палатки в устое ворот с целью обнаружить кладки XIV в.

Приложение 5.

ПЕРЕЧЕНЬ¹ УСТАНОВЛЕННЫХ ВОЕВОД² МОЖАЙСКОЙ КРЕПОСТИ

до 1613	нет данных
1613	Нашокин
1614	Отрепьев Смирной Елизарьевич
1614	Замыцкий Иван Андреевич
1615	нет данных
1616	Шеховской Семен Данилович
1617	Бутурлин Федор, Леонтьев Данила, Лыков Борис Михайлович, Волуев Григорий
1618	Волынский Федор
1619–1622	нет данных
1623–1625	Игнатьев Федор Иванович
1625–1627	Загряский Петр Алексеевич, стольник; Иван Корсаков, губной староста (1626–1627); Кудрявцев Давыд, осадный голова (только в 1627 г.)
1627–1634	Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (не ранее 1630 г.); Иван Корсаков, губной староста; Кудрявцев Давыд, осадный голова (только в 1627 г.)

¹ Приведенная в таблице информация взята из следующих источников: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 5. С. 34, 111; Книги дозорные о посадах города Можайска. 1614–1616 гг. // Можайские акты. С. 70–97; Ведомости по городу Можайску с его уездом. 1775. Там же. С. 484–503; Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 10. С. 254–256; РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31360; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 210; Миллер Г. Ф. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород. С. 118; Страхов С. В. Безмолвный свидетель Бородинского боя — храм в селе Бородино. М., 1912. С. 6.

² Должность городского воеводы — главы военной и гражданской администрации города и приписанного к нему уезда, была учреждена при Иване Грозном в 1555 г. С 1719 г. воевода, как управляющий провинцией, становится помощником губернатора. С этого времени он именуется комендант. Окончательное упразднение должности воеводы произошло в 1775 г., по губернской реформе. Тем не менее должность воеводы продолжает встречаться в документах довольно долго.

1635	Волконский Петр Андреевич, князь; Иван Корсаков, губной староста
1636	Вяземский Иван Семенович, князь; Иван Корсаков, губной староста
1637–1640	нет данных о воеводе; Иван Корсаков, губной староста
1641	Козловский Афанасий Григорьевич, князь; Иван Корсаков, губной староста
1642	Вадбольской Иван Тимофеевич, князь
1643–1645	нет данных
1646–1647	Загряский Дмитрий Иванович
1648–1649	Мещерский Богдан Матвеевич, князь
1650–1652	Загряский Алексей Владимирович
1652–1654	Шаховской Яков Дементьевич, князь
1654–1657	Изъединов Борис Якимович
1658–1662	Воейков Никита Савинович
1662–1663	Асекин Елисей Андреевич
1664	Ушаков Иван Гаврилович
1665–1671	Воейков Никита Савинович
1672	Аксаков Иван Александрович
1673–1674	нет данных
1675–1677	Кузовлев Иван Агеевич
1678–1681	Шахматов Петр Иванович, стольник, князь
1681–1683	Челищев Евстрат Федорович
1683–1685	Зеленой Никифор Сергеевич
1685–1686	Чернышев Ерофей Богданович
1687–1688	Шахматов Петр Иванович, князь
1689–1690	Греков Семен Григорьевич, Савёлов Петр Тимофеевич, стольник
1691–1692	Дурново Павел Петрович
1693–1696	Евлашев Гавриил Агеевич
1697–1699	Бологовский Андрей Иванович
1700	Коробов Петр Васильевич, стольник
1701	нет данных
1702–1703	Савелов Петр Тимофеевич, стольник
1704–1706	Ларионов Петр Прокофьевич, стольник
1707	нет данных
1708	Шишков Ларион Иванович, стольник
1709–1710	Дохтуров Данила Петрович
1711–1747	нет данных

1748–1750	Воинов Михаил, титулярный советник
1750	Извеков Михаил, коллежский асессор
1751–1757	нет данных
1758	Толубеев Николай
1759–1774	нет данных
1775	Ступишин Алексей, коллежский советник
1776–1777	нет данных
1778	Жохов Василий Алексеевич, майор
1780–1781	Ступишин Алексей, коллежский советник; Жохов Василий Алексеевич воеводский товарищ секунд майор

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.
- Археологическая карта России. Московская область. М., 1995. Ч. 1, 2, 4.
- Археологическая карта России. Московская область. М., 1997. Ч. 4.
- Археологическая карта России. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1.
- Археологическая карта России. Смоленская область. М., 1997. Ч. 2.
- Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы Европейской части СССР. М., 1987.
- Архимандрит Макарий (Веретенников).* Всероссийский Митрополит Макарий (Настоятельство в Лужецком монастыре) // Сборник Научной конференции «Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV–XVI вв.». Можайск, 1993.
- Асеев А. А.* Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959.
- Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы // МИА. М.; Л., 1947. № 7.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 2000.
- Бубеников А. Н.* История Земли Можайской Руси Святой (512 г. до н. э. — 1812 г.). Книга русской истории. М., 2003.
- Векслер А. Г.* Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных с реконструкцией сквера у Большого театра в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Он же.* Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством жилого дома по адресу: Гончарная ул., д. 5 в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Он же.* Отчет о натурных охранно-археологических исследованиях, связанных со строительством офисного комплекса зда-

- ний по адресу Кадашевская наб., 16, 18. Исследования в Земляном городе в 1999 г. в г. Москве. Т. 1. ОПИ ИА РАН № 181.
- Векслер А. Г., Мельникова А. С.* Московские клады. М., 1988.
- Они же.* Российская история в московских кладях. М., 1999.
- Величко А. А.* Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины М., 1961.
- Википедия. Размещена в интернете по адресу: <http://wikipedia.org>
- Виноградова Т. В.* История Можайска в картах и планах. М., 2006.
- Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988.
- Он же.* Надвратные храмы Древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994.
- Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005.
- Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
- Гоняный М. И., Шишков А. В.* К вопросу о древнерусских городищах XII–XIII вв. в бассейне Верхнего Дона // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1996.
- Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в к. XIII в. и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3.
- Григорьев Г. П.* Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Гричук В. П.* Растительность на Русской равнине в позднем палеолите // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.
- Джаксон Т. Н.* AUSTRI GÖRÐUM: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Дневник осады Смоленска // Тушинский вор. М., 2001.
- Довідник з історії України. За ред. І. Підкови та Р. Шуста. Киев, 1993.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–145.
- Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993.
- Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Дюфер А.* Дневники. Письма. Трактаты. Т. 2. М.; Л., 1957.

Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.

Записки Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве. М., 1991.

История Москвы. Т. 1. М., 1997.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.

Кафамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. Калуга, 1993.

Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII вв. М., 2005.

Киселев И. А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. М., 1990.

Книга в лицах об избрании на царство царя Михаила Федоровича. Альбом. М., 1895.

Комаров К. И. Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь (1237–1238 гг.) // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М., 2006.

Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI вв. М., 1962.

Краснов Ю. А. Следы мезолита в долине Москвы-реки // СА. № 1. 1962.

Куза А. В. Социально-историческая типология среднерусских городов X–XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6.

Кузьмин А. В. Князь Можайска и судьба их владений в XIII–XIV в. Из истории Смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4(18).

Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Ландшафты Московской области и их современное состояние. Смоленск, 1997.

Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича // Исследования по истории Средневековой Руси. М., 2006.

Мазуров А. Б. К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское. М., 2005.

Он же. О датировке сражения русских дружин с монголо-тарами под Коломной зимой 1237–1238 гг. // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1997. Вып. 6.

Он же. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Он же. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. М., 2001.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // ИСССР. 1986. № 5.

Миллер Г. Ф. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород // Академик Г.Ф.Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции. М., 1996.

Можайские Акты. СПб., 1892.

Мокеев Г. Я. Можайск — священный город русских. М., 1992.

Молчанов А. А., Кавельмахер В. В. Отчет об археологических раскопках 1982 г. Старо-Никольского собора в г. Можайске. Архив ИА РАН. Р-1. № 8948.

Они же. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях памятника архитектуры XIV в. Старо-Никольского собора в г. Можайске. М., 1981. Архив ИА РАН. Р-1. № 8409.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Научно-проектная документация по теме: «Памятник архитектуры XVIII–XIX вв. Ново-Никольский собор Можайского кремля Московской области». М.: Институт «Спецпроектреставрация». 1984. Арх. № 3673; 1990. Арх. №№ 8894, 8914; 1991. Арх. №№ 9362, 9389, 9559, 9560, 9585.

Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.

Нефедов С. А. Первые шаги российской модернизации: реформы середины XVII в. // ВИ. 2000. № 4.

Отчет об инженерно-геологических изысканиях для проекта реконструкции пруда у Никольского собора в г. Можайске Московской области. ООО «Гидропроект-Руза». Руза, 2004. С. 6, 48.

Оценка инженерно-геологических условий территории Никольской горы (Можайского кремля) с целью разработки комплекса охранных мероприятий. Выполнено по договору № 32 с Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. М., 2002.

Памятники архитектуры Московской области. Вып. 3. М., 2001.

Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.

Панова Т. Д. Историческая и социальная топография московского Кремля в середине XII — первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись. М., 2003.

Она же. Москва и монгольское нашествие: Характер культурного слоя Кремля XIII в. // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М., 2003.

Песков Д. Железный век. Опубликовано в интернете по адресу: <http://www.kulichki.com/~gumilev/debate/Article07.htm>.

Полное собрание законов Российской империи (1649–1812). СПб., 1831–1838. Т. XV.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 1.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 4.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 7.

ПСРЛ. М., 2001. Т. 8.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 10.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 13.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 14.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 16.

ПСРЛ. М., 2008. Т. 17.

ПСРЛ. М., 2005. Т. 20.

ПСРЛ. М., 2005. Т. 22.

ПСРЛ. М., 2004. Т. 23.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 24.

ПСРЛ. М., 2004. Т. 25.

ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.

Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // ВИ. 1989. № 1–4.

Раннопорт П. А. Русское шатровое зодчество конца XVI в. // МИА. М.; Л., 1949. № 12.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 210.

РГАДА. Ф. 199. П. 362. Ч. 1. Д. 5 «Портфели Миллера» 1778 г.

РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31360.

РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 772, 773

РГБ. Рукописный отдел. Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 17.

РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 18862. Ч. 7. Л. 1–3об.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787.

Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района и проблемы развития культур в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. М.; Л., 1957. № 59.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.

Сапожников Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Свиточ А. А., Селиванов А. О., Янина Т. А. Палеогеографические события плейстоцена Понто-Каспия и Средиземноморья (материалы по реконструкции и корреляции). М., 1998.

Седов В. В. Диалектно-историческое членение древнерусской общности // В.В.Седов. Избранные труды. М., 2005.

Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Он же. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Седов Вл. В. Земляная крепость в Ростове. Размещено в интернете по адресу: <http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2000/sedov01.html>.

Сергеева-Козина Т. Н. Можайский Кремль 1624–1626 гг // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2. МИА. М., 1952. № 31.

Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990.

То же. Т. 5. М., 2002.

То же. Т. 6. М., 2000.

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1994.

Он же. Сочинения. Кн. 5. М., 1995.

Страхов С. В. Безмолвный свидетель Бородинского боя — храм в селе Бородино. М., 1912.

Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972.

Уваров А. С. Археология России: Каменный период. Т. 2. М., 1881.

Федоров П. В. Понто-Каспий как возможный стратотип плейстоцена Европы // Стратиграфия. Геологическая корреляция. М., 1996. Т. 4. № 6.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981.

Франческо де Колло. Донесение о Московии. М., 1996. С. 24.

Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церк-
вах и селах XVI–XVIII ст. М., 1901. Вып. 10.

Хронос. Размещено в интернете по адресу: <http://www.hrono.ru/organ/gubnaya.html>.

Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2004.

ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1766. Л. 1–6.

Чеботарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской Губернии с их уездами с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях. М., 1787.

Чернов С. З. Раскопки на селище Могутово 2 на участке обнаружения сфрагистического комплекса XII в. // АО. 2002 г. М., 2003.

Он же. Усадьба на посаде Шерны // Русь в IX–XIV вв. М., 2005.

Щапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 г. М., 1963.

Юшко А. А. Московская земля в IX–XIV вв. М., 1991.

Янишевский Б. Е. Можайск и его округа в XI–XV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись. М., 2008.

Он же. Можайская земля в древности и средневековье. Можайск, 2003.

Он же. Новые древнерусские памятники окрестностей г. Можайска // Макариевские чтения. Можайск, 1996. Вып. 4.

Он же. Отчет о раскопках Можайской экспедиции в г. Можайске в 2006 г. Московской области. Архив ИА РАН: Р-1.

Он же. Отчет о раскопках в Можайском кремле в 2005 г. Архив ИА РАН. Р-1.

Он же. Отчет об обследовании участка для фермерского хозяйства «Роща» вблизи с. Глазово Горетовского с/о Можайского района Московской области на предмет наличия памятника археологии. Можайск, 2005. (Заказчик обследования ООО «Инвестстрой-Д»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	—	Археографический ежегодник
АО	—	Археологические открытия
ВИ	—	Вопросы истории
ВУА	—	Фонд Военно-учетный архив в РГВИА
ДДГ	—	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ИА РАН	—	Институт археологии РАН
ИСССР	—	История СССР
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
ОИ	—	Отечественная история
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РАН	—	Российская академия наук
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
СА	—	Советская археология
ЦИАМ	—	Центральный государственный исторический архив г. Москвы

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Современная дневная поверхность города Можайска.

Рис. 2. Рельеф дневной поверхности в районе Можайска после таяния Московского ледника (125 тыс. лет назад).

Рис. 3. Рельеф дневной поверхности в районе Можайска в период Валдайского оледенения (50 тыс. лет назад).

Рис. 4. Рельеф дневной поверхности в районе Можайска 8–9 тыс. лет назад.

Рис. 5. Можайский кремль с высоты птичьего полета. Вид с севера. Фото А. Ю. Балашова.

Рис. 6. Рельеф современной дневной поверхности территории Можайского кремля.

Рис. 7. Мощностъ культурного слоя на территории Можайского кремля.

Рис. 8. Реконструкция исходного рельефа территории Можайского кремля.

Рис. 9. Общая схема рельефа Никольской горы и окрестностей.

Рис. 10. Схема археологической изученности культурного слоя Можайского кремля за 1981–2006 г.

Рис. 11. Форманты *-еск* в названиях древнерусских городов и балтская гидронимика.

Рис. 12. Древняя Русь в период с 1015–1113 гг.

Рис. 13. Можайская крепость в XII–XIII вв. Реконструкция системы укреплений и рельефа дневной поверхности.

Рис. 14. Хаковые конструкции в фортификации Можайска и Москвы.

Рис. 15. Реконструкция планировки и фортификации Никольской горы на период XII–XIII вв.

Рис. 16. Уделы Смоленского княжества в конце XII в.

Рис. 17. Смоленские Рюриковичи. Генеалогическая схема с 9 по 18 колена.

Рис. 18. Карта похода Хана Батия на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 г.

Рис. 19. Кремль и посады города Можайска в конце XIII в.

Рис. 20. Крепость города Можайска в XIV в. Реконструкция системы укреплений и рельефа дневной поверхности.

Рис. 21. Реконструкция планировки и фортификации Никольской горы на XIV в.

Рис. 22. Можайская крепость в XV в. Реконструкция системы укреплений и рельефа дневной поверхности.

Рис. 23. Реконструкция планировки и фортификации Никольской горы на XV в.

Рис. 24. Гродно на гравюре 1575 г. Гродненский замок. Прорисовка фрагмента гравюры.

Рис. 25. Великое княжество Литовское при Витовте (1392–1430 гг.). Карта В. Темушева.

Рис. 26. Пограничная война Великого княжества Московского с Великим княжеством Литовским. 1487–1494 гг. Фрагмент карты В. Темушева.

Рис. 27. Экспликация к Рис. 26.

Рис. 28. Изменения границы Великого княжества Московского с Великим княжеством Литовским в результате войн конца XV – первой трети XVI вв. Карта В. Темушева.

Рис. 29. Плита с надписью, находящаяся на северном фасаде церкви Петра и Павла в Можайском кремле.

Рис. 30. Церкви Николы и Воздвижения на воротах Можайского кремля.

Рис. 31. Вид церкви Николы Можайского на воротах Можайского кремля из Книги об избрании на царство царя Михаила Федоровича.

Рис. 32. Можайская крепость в XVI в. Реконструкция системы укреплений и рельефа дневной поверхности.

Рис. 33. Можайская крепость начала XVII в. Реконструкция системы укреплений и рельефа дневной поверхности.

Рис. 34. Борисов Городок начала XVII в.

Рис. 35. Российское государство в Смутное время (карта). Можайский монетный клад, состоящий из монет Владислава Сигизмундовича.

Рис. 36. Схема осады Можайской крепости войсками Владислава в 1618 г.

Рис. 37. Нарва и Ивангород. Два вектора развития восточноевропейской фортификации.

Рис. 38. Вид Можайской крепости с Брыкиной горы. Реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 39. Можайская крепость 20-х г. XVII в. Реконструкция системы укреплений и рельефа дневной поверхности.

Рис. 40. Башня Белая Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 41. Башня Кухня Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 42. Раскоп 4/2005. Фундамент крепостной стены 1616 г. Прясло между башнями Кухня и Косой наугольная. Северо-восточный фасад.

Рис. 43. Шурф-расчистка 9/2005. Вид с востока. Фундамент крепостной стены 1626 г. Прясло между башнями Круглая наугольная и Сурино Колено. Видна средняя часть фундамента и рвы от выборки внешнего и внутреннего фасадов.

Рис. 44. Полубашня Сурино Колено Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 45. Башня Красная Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 46. Башня Круглая наугольная Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 47. Башня Петровские ворота Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 48. Башня Косая наугольная Можайской крепости на 1626 г. Графическая реконструкция Т. Н. Сергеевой-Козиной.

Рис. 49. Можайская крепость на видах и планах XVIII в.

Рис. 50. Русско-польская война 1654–1667 гг.

Рис. 51. Четыре группы планов Можайской крепости XVIII–XIX вв.

Рис. 52. Петровские ворота Можайской крепости 1626 г. в шурфе 8/2005. Вид с юго-запада. Открыт первый цокольный ряд камня.

Рис. 53. Раскоп 2006 г. в подклете Ново-Никольского собора 1804–1814 гг.

Рис. 54. Стратиграфия шурфа 10/2005.

Рис. 55. Поперечный разрез в южной части раскопа 2006 г. Восточный и западный фасады.

Рис. 56. Основной стратиграфический разрез раскопа 2006 г. Вид на восток.

Рис. 57. Белокаменная кладка «городовой стены XVI в.».

Рис. 58. Белокаменные ворота в подклете Ново-Никольского собора. Общие виды.

Рис. 59. Технические особенности участков ранней кладки ворот Можайской крепости.

Рис. 60. Устройство перемычек в кладках Можайской крепости и церкви Иоакима и Анны.

Рис. 61. Сводчатые камеры в теле пилонов ворот Можайской крепости (план).

Рис. 62. Сводчатые камеры в теле пилонов ворот Можайской крепости (виды).

Рис. 63. Поперечный разрез комплекса крепостных ворот.

Рис. 64. Продольный разрез комплекса крепостных ворот.

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
М.И.Бѣлова

РЕДАКТОР И КОРРЕКТОР
Е.С.Сапрыкина

Подписано в печать **16.09.2010** г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат 60 × 90/32
Усл. печ. л. 10,00. Тираж 1000 экз. Заказ №